

Ю.И.РИМАРЕНКО

ПО СЛЕДАМ
«СНЕЖНОГО
ЧЕЛОВЕКА»

Ю.И.РИМАРЕНКО

ПОСЛЕДНИМ «СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА»

(О ПРИЧИНАХ
НАЦИОНАЛИЗМА
В СССР)

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1989

ББК 66.017.83
Р 51

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор философских наук Э. А. Баграмов,
доктор философских наук Л. В. Метелица,
кандидат исторических наук А. И. Вдовин.

Римаренко Ю. И.

Р 51 По следам «снежного человека»: (О причинах национализма в СССР). — М.: Мол. гвардия, 1989. — 240 с.

ISBN 5-235-00051-X

Существует ли национализм в СССР? Еще недавно такой вопрос нельзя было и поставить. Однако события последних лет в разных регионах страны показали далеко не однозначное положение с национальным вопросом. Какие причины лежат в основе деформаций национальных отношений? Почему сегодня мы стали свидетелями националистических проявлений? Над этими и многими другими вопросами размышляет в книге доктор философских наук, известный специалист по проблемам национальных отношений Ю. И. Римаренко. Книга адресована массовому читателю.

ББК 66.017.83

Р 1102050100—156
078(02)—89 041—89

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1989 г.

ISBN 5-235-00051-X

ВВЕДЕНИЕ

Как сообщило агентство Франс Пресс, австрийский альпинист и фотограф Клаус Найер сделал серию цветных снимков легендарного «снежного человека» — йетти. Согласно его сообщению это двуногое существо ростом около двух метров двадцати сантиметров, издающее горловые звуки и свист. Испуганный шумом кинокамеры Найера, йетти убежал, оставляя на снегу ясные следы. Эти следы имеют 37 сантиметров в длину и 17 сантиметров в ширину. Ссылаясь на Австрийское пресс-агентство, Франс Пресс напоминает, что в 1987 году о встрече с йетти сообщил известный альпинист Рейнгольд Месснер, который, к сожалению, не успел его сфотографировать...

Как оказывается, эта сенсация не дает покоя на Западе и тем, кто изучает проблемы национализма, наций и национальных отношений. Во всяком случае, сам национализм, по их мнению, напоминает все того же легендарного «снежного человека», о котором много говорят, но которого никто еще не видел или видел крайне редко. Американский политолог К. Дейч, например, приходит к выводу, что человечество очень мало знает о национализме, чтобы с уверенностью говорить о том, что он собой представляет (1). Французский историк Ж. Ромейн полагает, что «мы не можем дать... определение национализма, и, безусловно, любая другая социальная наука не в состоянии этого сделать» (2).

Правда ли, что национализм так же неуловим, как и «снежный человек»? Насчет самого йетти сказать трудно — это дело специалистов. А вот в «неуловимости» национализма стоит усомниться. Просто кому-то выгодно затемнять этот давно выясненный марксизмом вопрос.

В эпоху краха феодализма и абсолютизма, когда народы разных стран поднимались на борьбу против социального и национального угнетения, за суверенность своих наций, национальные движения впервые становятся массовыми. Именно в этих условиях происходит, как указывал В. И. Ленин, пробуждение национальной жизни, борьба против всякого национального гнета, создание национальных держав (3).

Не следует забывать, что национализм нередко является важной составной частью многих социальных движений и сегодня. С этой точки зрения национализм рассматривается как распространенное общественное явление, проявляющееся в многообразных разновидностях и формах. В некоторых молодых развивающихся странах, освободившихся от империалистического колониального гнета, идет процесс образования и развития буржуазных наций под эгидой национальной буржуазии, идеологией которой является национализм. В. И. Ленин в этой связи обращал особое внимание на необходимость различать национализм наций угнетающих и национализм наций угнетенных. Последний, сыгравший большую роль в антиколониальном движении как идеология широких масс, далеко не исчерпал своего прогрессивного антиимпериалистического содержания. Национальная идея играет немаловажную роль в объединении страны, ликвидации бывшей раздробленности и разобщенности, преодолении сепаратизма, которые отвечают интересам колонизаторов. Национализм угнетенных наций имеет таким образом историческое оправдание и выполняет не только разрушительную роль (ликвидация колониальной системы), но и созидательную миссию — образование молодых национальных государств.

И все же не надо путать национализм с интересами нации. Как социальное явление (в условиях эксплуататорского общества) национализм четко обусловлен, имеет строго определенное классовое содержание, социальные, гносеологические и психологические корни. Социальным источником национализма и его главным носителем являются буржуазия и другие эксплуататорские классы, проповедующие под флагом «общенациональных» интересов пренебрежительное отношение к другим нациям, оправдывающие национальный гнет, разжигающие вражду между народами, затемняющие классовое сознание трудящихся в собственных интересах.

В. И. Ленин убедительно показал истинный буржуазный характер националистической идеологии в эксплуататорском обществе, доказал, что ее экономическую основу составляет частная собственность на орудия и средства производства, а «главным источником», «движущей силой» националистической политики и практики выступают реальные эксплуататорские интересы буржуазии (4). В то же время национа-

лизм проявляется и как результат отражения противоречий капиталистического общества через национальную форму общественного развития, как следствие противоречивости становления социального и национального в жизни народов.

По своей социальной природе национализм является основной позицией буржуазии в национальном вопросе. По существу, национализм — это антинаучная трактовка национального, буржуазное понимание национальных отношений, отрыв национального от социально-классового.

К числу определенной суммы признаков, которые присущи национализму, относятся:

1) признание нации универсальной общностью в системе общественных отношений, главным субъектом общественно-го развития;

2) проповедь классового мира внутри нации, отрицание в ней антагонизма классов; пропаганда так называемого «национального солидаризма»;

3) признание национальной исключительности, особой миссии нации в истории, а также признание ее как субъекта особых прав;

4) ориентация на отчуждение народов, раскол трудящихся по национальному признаку (5).

Как видим, сущность национализма марксистской наукой выяснена с большой степенью точности. Только в нашей стране по этой проблематике вышел не один десяток книг. Однако всего лишь одно уточнение снижает результативность большинства научных достижений. Дело в том, что мы признавали наличие национализма (и, соответственно, изучали его) только в условиях капитализма.

А существует ли национализм в СССР? Такая постановка вопроса до недавнего времени выглядела бы просто кощунственной. В период, который называется застойным, когда проблема национальных отношений трактовалась в духе задранных тостов, говорить о националистических проявлениях было вовсе неприличным. Эта тема, по существу, выводилась за пределы научных исследований, практического реагирования. В лучшем случае говорилось о пережитках национализма, да и то в сознании отдельных лиц. Иной подход противоречил бытовавшим в тот период установкам о беспрепятственности развития национальных отношений в СССР, постоянным здравицам в честь триумфа идей интер-

национализма, якобы безраздельно овладевшими умами и поступками советских людей, в честь дружбы народов, которую мы впитали чуть ли не с молоком матери. До последнего времени помпезно утверждалось: «Казахстан — лаборатория национальной политики КПСС», «республика интернационализма», всемирно популяризировался «опыт» Дворцов дружбы народов СССР в Баку, Ереване и... в Сумгаите. Мы умилялись количеством (более 2 тысяч) клубов интернациональной дружбы в Армянской ССР. На все лады расписывались ни больше ни меньше как «стройная система интернационального воспитания» в Азербайджанской ССР и т. п.

Между тем перестройка в СССР вскрыла серьезные деформации в жизни нашего общества, многие из которых проецируются и на сферу национальных отношений. Именно об этом будем мы говорить в последующих разделах книги. Здесь укажем на то, что начиная с 20—30-х годов накапливались серьезные отступления от ленинских принципов национальной политики, а порой и грубые ее извращения, связанные с практикой командно-административной системы, волюнтаризмом и психологией застоя. Как указывается в резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС, «абсолютизировались достигнутые результаты в решении национального вопроса, утверждались представления о беспроblemности национальных отношений... Немало острых вопросов, выдвигавшихся самим ходом развития наций и народностей, не находили своевременного решения. Это приводило к общественной неудовлетворенности, которая приобретала порой конфликтный характер» (6).

Естественное стремление на местах изменить положение дел, бурный рост национального самосознания в условиях перестройки в некоторых республиках приобретал националистически окрашенные формы, сопровождаясь усилением напряженности на национальной почве. Произошли и межнациональные конфликты — алма-атинские события, требования крымских татар, выступления в республиках Прибалтики, события в Нагорном Карабахе и вокруг него и т. п. При этом выявились попытки искусственного раздувания проблем межнациональных отношений во имя групповых интересов и настроений. Все это реальная жизнь, не увидев которую решать насущные проблемы попросту нельзя. Как отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС:

«...Мы обязаны видеть реальную картину и перспективу развития национальных отношений» (7).

Подчас раздаются голоса о том, что обострение межнациональных отношений вытекает из перестройки, виновны в этом, дескать, демократия и гласность, точнее, какой-то их «разгул», раньше ведь такого не было. Налицо попытка скомпрометировать саму перестройку, поставить под сомнение необходимость коренного обновления национальной политики на основе творческого возрождения ленинских принципов и их очищения от чуждых наслоений и деформаций.

Другое дело, что именно процесс демократизации как бы открыл некоторые «клапаны», сделал явными прежде скрытые моменты напряженности в межнациональных отношениях, а обстановка гласности лишь отчетливей высветила их.

Словом, наше динамичное многонациональное сообщество неизбежно выдвигает новые проблемы. Некоторые из них порождены самим развитием народов, его особенностями и различными его темпами. Национальные отношения — не застывшая форма общественного бытия и сознания, сегодня они не те, что были сразу после революции и образования Союза ССР, после Отечественной войны и в первые послевоенные десятилетия. Они имеют объективную логику своего дальнейшего развития. Активно влияет на них и субъективный фактор, и прежде всего политика, проводимая в этой области.

Подчас ставится вопрос: как же так? Ведь говорилось о решении национального вопроса в СССР? Выходит, и в теории марксизма-ленинизма не все правильно, и на деле — цепь сплошных ошибок в национальной политике. Некоторые ревнители «подлинно национального» пытаются во всех негативных явлениях, в том числе и в сфере национальных отношений, обвинить собственно социализм как таковой, который не может, дескать, решить болезненный национальный вопрос. Разумеется, в этих иногда бытующих настроениях нет ни грана истины. Такая точка зрения, по существу, своеобразная форма демонтажа социализма, поскольку вся наша национальная политика объявляется неудачной. Как подчеркивалось на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС, революционное обновление идет как раз на базе социализма, наш лозунг — очищение социализма от того, что ему мешает. Наш лозунг — больше социализма.

Другое дело, что проблемы существуют, они довольно остры, хотя их вовсе не нужно драматизировать, как иногда делается, не нужно пугаться. Нужны новые подходы, нужен поиск конструктивных путей решения этих проблем. Словом, нужно новое мышление и в области национальных отношений.

Прежде всего необходим отказ от сложившихся стереотипов в теории и практике межнациональных отношений с тем, чтобы проводить в жизнь больше ленинизма, добиваясь четкого, взвешенного научного анализа пройденного пути и перспектив дальнейшего развития.

К числу таких сложившихся и довольно-таки устойчивых стереотипов относится догматическое, по существу, понимание причин националистических проявлений (не поводов, а именно обстоятельств или групп обстоятельств), которые вызвали к жизни нежелательные коллизии в области национальных отношений. Такой подход вытекает из понимания национальных отношений, как преимущественно отношений между социалистическими нациями и народностями. Конечно, национальные отношения характеризуют определенную сферу, однако вся сложность проблемы состоит в том, что сама их структура многогранна и многостажна, и можно без преувеличения сказать, что нет ни одной области общественной жизни, на которые не выходили бы национальные отношения. Они пронизывают все сферы общественной жизни. Собственно, в такой многонациональной стране, как наш Советский Союз, нет, пожалуй, ни одного экономического, политического и социального вопроса, который можно было бы решить без учета национальных интересов. Вопросы развития производительных сил в национальных республиках, обеспеченности кадров, развитие культуры — это одновременно и вопросы, входящие в сферу национальной политики.

Словом, перестройка в области экономики, демократизация политической и правовой жизни, культуры имеют прямое отношение к сфере национальных отношений, не говоря уже о вопросах идеологической работы, воспитания трудящихся. Даже в области семейных отношений, сфере довольно деликатного свойства, четко просматривается национальная окраска (имеются в виду межнациональные браки, увеличение разводов на национальной почве и т. п.).

С учетом изложенного можно прийти к выводу о том, что

деформация в сфере национальных отношений в значительной степени обусловлены просчетами и застойными явлениями в экономике, недооценкой значения социальной политики, нарушением принципов социальной справедливости, демократизма и интернационализма. Это — во-первых.

Во-вторых, события последнего времени в Алма-Ате, Азербайджане и Армении, Прибалтике убедительно свидетельствуют о том, что речь идет не о пережитках национализма, на которые мы обращали свой праведный гнев и сводили к ним сложности в этой деликатной области, а о националистических настроениях, о появлении националистической идеологии и практики. И порождено все это нашей собственной действительностью, нашими ошибками. Поэтому проблему совершенствования национальных отношений, преодоления национализма нельзя отрывать от проблем экономических и социальных, ее надо решать вкупе с другими задачами, поставленными перестройкой.

Большинство неурядиц, находящихся отражение в сознании людей, явно порождено устаревшими методами и отживающим свое время характером и методами управления страной с их пивелированием, усредненным подходом к экономике и социальной политике, без учета специфики каждого региона страны, чрезмерной централизацией. Социализм заинтересован в свободном развитии, в полном выявлении потенциала каждой национальности, в реализации человеческого фактора и на национальной почве. С ростом образования и культуры, с модернизацией экономики у каждого народа возникает своя интеллигенция, растет и национальное самосознание, развивается естественный интерес к своим историческим корням. «Это замечательно, — пишет М. С. Горбачев. — Это то, к чему стремились революционеры разных национальностей, готовившие нашу революцию и начинавшие строительство нового общества на развалинах царской империи. При этом иногда не обходится без того, что какая-то часть людей сбивается на национализм. Проявляются национальная ограниченность, национальное соперничество, кичливость» (8).

Как же могло случиться, что в нашей стране, исторически сильной традициями интернационализма и патриотизма, оказались возможными проявления межнациональной розни, конфликты на национальной почве?

Чем вызваны нежелательные коллизии в области нацио-

нальных отношений, негативные явления в сфере национального самосознания?

Что является причиной оживления националистических предрассудков?

Какова природа националистических проявлений в СССР?

При каких условиях национальное может перерасти в националистическое?

Таков в общих чертах круг вопросов, которые будут рассмотрены в этой книге. Причем внимание читателя будет сконцентрировано прежде всего на анализе причин проявлений национализма. И может быть, далеко не на все вопросы найдутся точные ответы. Но такой задачи автор перед собой и не ставит. Главная цель — попытаться выявить или хотя бы обозначить большинство факторов, способных вызывать обострение национальных отношений и, соответственно, появление национализма.

Что ж, давайте вместе попробуем пройти по следам «снежного человека»...

ИСТОКИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СССР

Давно известно, что человеческая история — это сложное переплетение объективного и субъективного. С одной стороны, историю творят люди, и потому любое историческое явление неизменно несет на себе отпечаток человеческой воли, содержит значительный момент субъективного. Однако сам факт участия в историческом творчестве не одного, а множества, миллионов людей делает исторические процессы объективными, то есть независимыми от воли одного человека. Переплетение множества человеческих волей, желаний, устремлений придает историческому процессу объективный характер.

В этой главе мы попытаемся выделить объективные причины националистических проявлений в нашей стране. При этом понятно, что большинство из существующих сегодня объективных факторов складывались исторически, а значит, зависели и от субъективных ошибок в ходе построения социализма. И тем не менее можно выделить именно объективные факторы, под которыми здесь подразумеваются существующие социально-экономические и политические отношения, отрицательно влияющие на нормальное развитие национальных процессов в СССР.

В чем существо деформаций национальных отношений?

На современном этапе развития советского общества, когда страна мобилизует все резервы и возможности для реализации стратегического курса партии на ускорение и пе-

рестройку, дальнейшее совершенствование национальных отношений является одним из могучих рычагов повышения динамизма нашего прогресса, непременным условием перестройки. «Партия исходит из того, — говорится в Программе КПСС, — что последовательное проведение ленинской национальной политики, всемерное укрепление дружбы народов — составная часть совершенствования социализма, проверенный общественной практикой путь к дальнейшему процветанию нашей многонациональной социалистической Родины» (1).

XXVII съезд КПСС положил начало серьезному анализу как достижений, так и проблем, имевшихся в сфере развития национальных отношений в СССР, обратив особое внимание на то, что противоречия, свойственные всякому развитию, неизбежны и в этой сфере. Глубокий анализ негативных явлений в области национальных отношений дан XIX Всесоюзной партийной конференцией КПСС, июльским (1988 г.) Пленумом ЦК КПСС, наметившими пути их преодоления, дальнейшего укрепления дружбы народов.

В чем же проявились негативные явления и деформации в сфере национальных отношений?

С момента свержения пролетариатом в союзе с трудовым крестьянством диктатуры буржуазии и установления своего господства складываются лишь политические условия для преодоления наследия прошлого. Более того, и с построением социализма «господство» настоящего над прошлым не может устанавливаться автоматически. Здесь главным препятствием чаще всего выступает субъективизм в управлении общественными процессами, который замедляет общественный прогресс, борьбу нового со старым.

Многообразие социальных и этнических условий усложняет процесс формирования наций нового типа и требует от коммунистических партий проведения такой национальной политики, которая бы сочетала гибкость форм с настойчивостью, твердостью и последовательностью.

Практика национального строительства в СССР и других социалистических странах показала, что конкретными причинами националистических проявлений могут выступать и нарушения экономических законов социализма, и отступления от принципов ленинской национальной политики, и ошибки в национальном строительстве, и просчеты в интер-

национальном воспитании трудящихся, и недостатки в хозяйственно-организаторской и идейно-воспитательной работе и т. п.

Национальное строительство в СССР было омрачено грубейшими нарушениями социалистической законности, выразившимися, в частности, в переселении целых народов Северного Кавказа, немцев Поволжья, крымских татар в другие регионы. Деформирующее влияние на состояние национальных отношений оказали культ личности Сталина, когда перекраивались границы, игнорировались ленинские призывы к осторожности в национальном вопросе, учету настроений «нацменьшинств», советы «не спешить», «быть архистрогим» в национальной сфере. Сыграло свою роль и подмеченное В. И. Лениным Сталинское «озлобление против пресловутого социал-национализма».

Форсированное обобществление средств производства, предпринятое в ходе строительства социализма, подстегивало и соответствующие подходы, взгляды, действия в решении национального вопроса.

К этому добавилось двуличие самого Сталина, который публично никогда не отвергал ленинских принципов национальной политики, и внешне все якобы было по Ленину: равны все республики, все нации, все языки. Но сверхцентрализация управления, сама административная система предполагала, в сущности, унитарное государственное устройство и полностью исключала возможность реализации ленинской концепции союза суверенных, равноправных республик. Реальную власть в стране осуществляли центральные исполнительные органы, роль и численность которых постоянно возрастала. Один из главных признаков федерализма — разделение полномочий между центром и республиканскими органами власти — оказался размытым и потерял свое былое значение. Тенденция к централизации сохранялась и впоследствии. Сыграло свою роль и одностороннее понимание сущности новой исторической общности — советского народа. Провозглашая ее рождение, мы ослабили внимание к национальному своеобразию, к национальным особенностям народов, составляющих эту общность.

В период культа личности Сталина произошли определенные деформации и в самой партии, в содержании ее деятельности и связях с трудящимися, приведшие к утрате многих

демократических большевистских традиций, которые закладывались многолетними усилиями Ленина и его соратников (Г. П. Разумовский).

Суть проблемы состоит в том, что сложившаяся в стране политическая система десятилетиями работала не на стимулирование процессов саморегулирования и самоуправления в обществе, а на выполнение спускаемых сверху волевых указаний и распоряжений. Это не могло не сказываться и на партии.

Подобная практика в значительной мере перекашивала принцип демократического централизма; более того, он нередко подменялся бюрократическим централизмом. Провозглашение демократии на словах сопровождалось авторитаризмом и жесткой зарегламентированностью на деле. Результатом было отчуждение многих коммунистов от реального политического процесса, социальная апатия и психология равнодушия, исполнительско-приказной стиль жизни партийцев. Проявлением всего этого в политике стали субъективизм и волюнтаризм, косность и одновариантность подходов, отсутствие эффективных обратных связей. Так закладывались, по существу, на долгие десятилетия вперед будущие «осложнения» в национальных делах, с которыми мы сталкиваемся сегодня.

Ликвидация фактического неравенства наций и народностей стала большим приобретением социализма. Но в самой экстремальности изменений, которые произошли, в их невиданно быстрых темпах были заложены определенные противоречия. Отсюда — известная однобокость в развитии социальной структуры в ряде республик, недостаточно высокий уровень политической культуры населения, наличие разного рода феодально-байских пережитков и т. п. Наметились и отступления от принципов ленинской национальной политики.

Ленин глубоко осознавал, что между формально провозглашенным равенством и равенством фактическим лежит огромная дистанция. Отсюда его призыв к законодательному закреплению политических прав, особенно прав национальных меньшинств. Он писал, что необходимо «издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие..., проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права

национального меньшинства, объявляется незаконным и недействительным — и любой гражданин государства вправе требовать отмены такого мероприятия, как противоконституционного, и уголовного наказания тех, кто стал бы проводить его в жизнь» (2). Касаясь сроков практического решения проблем национально-государственного размежевания, Ленин писал: «...Вопрос о том, как определить государственные границы теперь, на время — ибо мы стремимся к полному уничтожению государственных границ — есть вопрос не основной... С этим вопросом можно подождать и должно подождать». Он предостерегал от излишних крайностей как централизма, так и стремления к местничеству. Все, говорил В. И. Ленин, должно быть *«в меру, и на известных условиях. Какова мера? Опыт покажет»* (3).

Ленинская мысль о необходимости более медленного, более осторожного, более систематического перехода к социализму (4) в национальных окраинах была предана забвению. Бездумное копирование всего того, что делалось в центре, произвол в централизованном подборе и расстановке кадров на местах, выхолащивание нравственного содержания интернационализма и превращение его в голый политический лозунг, не говоря уже о нашей общей беде — об охватывавших всю страну политических преследованиях так называемых социал-националистов, космополитов и т. п., — таков далеко не полный перечень извращений, допущенных в послеленинское время в сфере национальных отношений. Все это вместе взятое не могло не оживить в уродливой форме старые национальные обиды и не подготовить тем самым соответствующую почву для позднейшего проявления националистических настроений.

В 70-е годы, как и в предшествующие десятилетия, теоретически декларировалось, что для развивающегося социализма характерно диалектическое единство расцвета и сближения наций. В реальной же политической практике основной упор делался на тенденцию сближения, а то и просто ассимиляцию.

Как отмечает советский исследователь В. А. Михайлов: «...Сегодня почти в каждой республике есть такие моменты, которые задевают национальные чувства и вызывают ту или иную неудовлетворенность... Разве возможности реализации политических прав и свобод одинаковы у всех народов? Мо-

гут ли чувствовать себя вполне равноправными в нашем содружестве те из них, которые не имеют своих национально-административных образований? Да и у самой большой среди наших народов русской нации есть основания чувствовать себя в чем-то ущемленной. Скажем, представительство русских в руководящих органах ряда республик значительно ниже их доли в составе населения этих республик» (5).

Все просчеты в национально-государственном развитии народов нашей страны вполне поддавались исправлению политическими, социальными и идеологическими средствами. Но в том и заключалась опасность застойных явлений в обществе, что на реальные противоречия «не принято» было обращать внимание. Так, перенесение «модели» национальной политики, разработанной в 20-е годы, в обстановку 70-х годов, когда, например, в «дотациях» среднеазиатским республикам уже не было потребности, только усилили потребительскую психологию, ждливенческие настроения и даже национальный эгоизм.

Многим кажется, что межнациональные проблемы обострились сейчас, в связи с начавшейся демократизацией нашего общества. Консервативные силы уже упрекают силы обновления в «ослаблении гаек», старательно записывая в свой «реестр благоразумия» все, что подняла на поверхность гласность и что, по их мнению, «расшатывает устои». Это ложь, рассчитанная на неосведомленность. Те же, кто осведомлен, знают, что, например, крымские татары все настойчивее заявляли о себе еще двадцать — двадцать пять лет назад, когда в Средней Азии родилось и духовно сформировалось первое послевоенное поколение переселенцев. Они также собирались на демонстрации, ведомые своими лидерами, среди которых были и экстремисты. Но тогда основным аргументом в споре с ними были запугивание и репрессии. Эмоции, загнанные вовнутрь, застаивались в болезнь, хотя и тогда было очевидно, что от «больных» вопросов все равно не уйти, решение их нельзя более откладывать, в который раз пренебрегая законными требованиями крымско-татарского народа.

Давно было известно о сложных ситуациях в Прибалтике и Якутии. Знали и о выступлениях ингушей, которые в 1973 году требовали возвращения одного из районов Север-

ной Осетии, на территории которого они традиционно проживали вплоть до выселения в феврале 1944 года. Правда, об этих фактах печать тогда сообщать не могла.

Ситуация в Нагорном Карабахе накалялась в течение нескольких десятилетий. Она стала ярким отражением политики прежних лет, когда национальные вопросы и проблемы решались административно-бюрократическими методами, давлением. Поэтому поиски решения вопросов Карабаха (и не только) не следует непосредственно связывать с происшедшими там событиями в течение последних лет.

Серьезные недостатки в национальных вопросах были вскрыты на V Пленуме ЦК Компартии Узбекистана, где также имелись далеко не единичные проявления национальной замкнутости, ограниченности, местничества, изживенчества. В республике в последнее время уменьшилось внимание к вопросам интернационального воспитания и межнациональных отношений. Все реже стали вспоминать о той огромной братской помощи народов страны, и прежде всего русского народа, которую они оказали Узбекистану в его становлении и развитии. Все реже стали вспоминать об участии всей страны в возрождении разрушенного землетрясением Ташкента. В пропагандистской работе недостаточно ярко и убедительно раскрывалось огромное значение интернациональных связей Узбекистана с советскими республиками в области экономики, науки, культуры (6).

На VI Пленуме ЦК Компартии Литвы (1987 г.) говорилось, что руководящий состав кадров по своему национальному составу не соответствует национальной структуре населения республики. Среди заместителей министров строительства, торговли, ряда других министерств и ведомств, среди начальников управлений и отделов министерств высшего и среднего специального образования, здравоохранения, культуры, республиканского комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли нет ни одного представителя некоренной национальности. Аналогично обстоит дело и с руководящими работниками 22 райисполкомов. За последние годы снизился удельный вес студентов, аспирантов, научных работников некоренной национальности. Были вскрыты недостатки в постановке интернационального и патриотического воспитания, особенно среди молодежи. В итоге, говорилось на Пленуме, у части учащейся молодежи нет четкого

представления о процессах, происходящих в сфере национальных отношений (7).

В решении национальных вопросов необходимо чувствовать объективное положение различных народов, различие и порог национальной чувствительности. Здесь важно придерживаться методологического положения, выдвинутого КПСС, — «и сегодня мы не можем ни один вопрос решать без учета положения в республиках, без учета интересов каждой нации, каждого народа, проживающего на огромных просторах нашей страны. Там, где мы забываем об этом, приходит напоминание нам». Именно на эту сторону обратил внимание М. С. Горбачев на переговорах с югославским руководством в марте 1988 года (8).

В Эстонии, например, низка рождаемость, экономика затратная, экстенсивная, удельный вес эстонцев на протяжении одного поколения значительно уменьшился. Добавим к этому затруднения с жильем, с продовольствием, ухудшение экономической среды. Отсюда — ответная реакция, обострение национальной чувствительности, национального самосознания. Словом, в основе национальной ограниченности, которая может перерасти в националистический экстремизм, лежат объективные предпосылки (сложная социально-экономическая и политическая ситуация), вызванные субъективными факторами (отклонения от норм социалистического интернационализма, отсутствие взвешенного подхода к решению национальных проблем и т. д.).

События в Нагорно-Карабахской автономной области в определенной мере также связаны с грубыми нарушениями ленинской национальной политики. Так, капиталовложения, выделяемые на социально-экономическое развитие этой области (в пересчете на душу населения), были ниже, чем в других районах Азербайджана. В областном пединституте не решался вопрос о преподавании истории армянского народа. Неудовлетворительно обстояло дело с преподаванием родного армянского языка в школах. В области искусственно тормозилось развитие армянской культуры: сокращался выпуск художественной литературы, учебников на армянском языке, не изучалась история армянского народа в армянских школах. Программа культурных связей с Армянской ССР, отстоящей от области на расстоянии всего 9 километров, визировалась в республиканских ведомствах

Азербайджана. Возникали проблемы с трудоустройством местных жителей, получивших образование в Ереване, а не в Баку.

События в Нагорном Карабахе и вокруг него высветили необходимость и более внимательного, углубленного отношения к истории народов Закавказья, в частности — трагическим страницам истории армянского народа, включая то, что он стал жертвой геноцида в прошлом.

В постановлении ЦК Компартии Украины «О совершенствовании национальных отношений в свете решений XXVII съезда и январского (1987 года) Пленума ЦК КПСС и усилении интернационального воспитания» (август 1987 г.) обращается особое внимание на необходимость перестройки работы среди некоренного населения республики (поляки, венгры, болгары, гагаузы и др.). Между тем эта работа разворачивается крайне медленно. И не делается не потому, что мы не можем решать эту проблему, а в связи с нашей неоперативностью, подчас и нежеланием выбраться из старых привычных схем «решения национального вопроса при социализме».

Как говорил на пресс-конференции в международном пресс-центре XIX Всесоюзной партийной конференции первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Р. Нишанов, после национально-государственного размежевания, которое произошло после Октября, некоторые из таджиков, проживающих в Узбекистане, по вине иных чиновников оказались записанными по паспорту узбеками. Были закрыты некоторые таджикские школы. «Можно сказать, что в определенной степени ущемлялись права таджикского населения, среди ученых возникали споры о национальной принадлежности великого Авиценны, хотя какие могут быть споры о национальности человека, у которого и отец и мать были таджиками. Стали раздаваться голоса о территориальных проблемах».

Известно, что, например, в Якутии были проявления явно шовинистического характера по отношению к проживающим там эвенкам и другим «малым» народам.

Почти двадцать лет отношения между соседними Башкирской и Татарской АССР на официальном уровне были, мягко говоря, натянутыми. Прежнее руководство Башкирии не шло на широкие контакты, а внутри проводило вредную по-

литику «башкиризации», то есть принудительного изменения национальности татар, введение в татарских школах обучения на башкирском языке в качестве родного, о чем справедливо было сказано на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС. Такие вывихи шли во вред межнациональным отношениям, нежелательным эхом доносились и до соседей. «До сих пор испытываем горечь, — говорит народный поэт Башкирии Мустай Карим. — В таких случаях, как правило, чувства теплоты и родства постепенно уступали место равнодушию, отчужденности» (9).

Наряду с косностью и бюрократией дает о себе знать и местничество, своего рода ведомственный или местный «сепаратизм», который на практике оказывается сродни национализму. Понятно, что местничество возникло в условиях административно-командной системы и всячески ею поощрялось. Ведь легче было отдавать приказы «хозяину» того или иного региона, приказы, которые исполнялись любой ценой и беспрекословно, чем прислушиваться к мнению народа, развивать его самоуправление. Однако включенность местничества в общую систему управления не ликвидирует собственные характерные черты самого местничества и влияния его, в частности, на развитие национальных отношений. Более того, в нашей многонациональной стране проявления местничества обязательно получают национальную окраску, вызывают чувства национальной обиды.

В чем сущность местничества? Прежде всего местничество проявляется в принижении общесоюзных, общегосударственных интересов и, одновременно, в абсолютизации интересов, местных, региональных. В современных условиях подобная недооценка общесоюзных интересов выступает серьезным тормозом перестройки, укрепления межнациональных отношений.

Такого рода негативные явления отмечались в недавнем времени в Грузии, Латвии, Литве, в республиках Средней Азии, Казахстане и других регионах страны. Впрочем, от этой напасти мы далеко не избавились и сейчас.

Местничество проявляется и в том, что незаметно власть к рукам прибирали разного рода ведомства, органы управления, появлялись «хозяева» районов, областей, республик. Иными словами, местничество означает размывание социалистической демократии, когда власть узурпируется относи-

тельно узким кругом людей — партийной и государственной бюрократией, — которые часто действуют с нарушениями советского законодательства, на основе собственного уразумения, доморощенной идеологии или многовекового феодального рефлекса, столь знакомого на Руси — «хватать и не пущать».

В 70-е годы в стране появились своеобразные «коррупцированные зоны» в некоторых республиках, областях, краях. В условиях застойного периода руководители ряда областей и республик (Узбекистан, Казахстан, Молдавия, Краснодарский край и т. д.), наделенные не только суперправами, но абсолютной полнотой власти, создали своеобразные вотчины, в которых процветали самовластие, низкопоклонство, взятки и откровенные поборы, попрание законов, клановость и семейственность, коррупция и казнокрадство. «Советское понятие хозяина своей страны, — отмечалось в одной из статей в газете «Известия», — фактически раздвоилось, трансформировалось в хозяев и множество тех, кто не ощущал себя хозяином. Они-то и стали нести с предприятия все, что могли, ибо не ощущали более эти предприятия своими; стали пить, ибо утратили ощущение ответственности; стали изо всех сил изображать видимость труда, избегая его самого» (10).

Местничество проявляется и в обеспечении «собственных» потребностей в дефицитной продукции, производимой в той или иной республике, ценой срыва плановой поставки этой продукции другим республикам и районам страны; в стремлении заполучить побольше бюджетных ассигнований и материально-технических средств и оборудования для «своей» республики и области; в попытках отдельных руководителей добиваться размещения некоторых отраслей производства в «своем» регионе, без учета их целесообразности и экономической эффективности; в противодействии созданию новых предприятий в «своей» республике и области, из-за боязни массового притока рабочих и специалистов из других республик и городов (11).

С другой стороны, у многих местных работников глубоко засело иждивенчество. Даже там, где для решения вопроса достаточно лишь небольшого усилия, обыкновенного внимания, продолжают кивать на центр и ждать помощи сверху,

объясняют собственные неповоротливость и безразличие «рукой Москвы».

Местничество может проявляться в кадровой политике под видом «покровительства» представителям «коренной» нации без учета их деловых и политических качеств. Тут под личиной добродетели нередко выступает протекционизм, семейственность и даже родоплеменные пережитки.

Очень часто местничество оказывается результатом ложно понятого национального интереса. К сожалению, не всегда мы руководствуемся общесоветскими интересами. В Эстонии, например, при справедливой постановке вопроса о расширении прав регионов, в том числе союзных республик, были высказаны и ошибочные мысли, использованные отдельными людьми против принципов интернационального сотрудничества. Так, правильная в принципе идея о необходимости перехода СССР к конвертируемости рубля, при попытке осуществления только в отдельной республике, может привести к ослаблению межреспубликанских экономических связей (12).

В этом отношении нам досталось тяжелое «наследство» застойного периода. Единство интересов, чувство общности ощутимо размылись, родилась своеобразная тяга смотреть на проблемы нашего развития исключительно с республиканской, областной, районной, словом — местной точки зрения. В годы зстоя сформировалось эдакое локальное, провинциальное, что ли, мышление, мешающее открытыми глазами взглянуть на задачи перестройки с позиции ответственности за судьбу всей страны, многонациональной Родины.

В последнее время появилась тенденция выштыть роль «местных патриотизмов» на различных уровнях (республика, город, край, село), вычленить его в какой-то особый вид патриотической деятельности. Отсюда рассуждения о большей или меньшей «местной патриотичности». Все это чревато опасностью вызвать деформацию естественных национальных чувств. Конечно, конкретная патриотическая деятельность, направленная пусть даже на скромный объект, может быть практически более значимой и весомой, чем еще встречающаяся у нас шумливая патриотическая риторика. Вместе с тем, если региональные интересы идут вразрез с общественными, общегосударственными, утрачивают общесоветские, интернациональные черты, возникает опасность трансформации местного патриотизма в местничество (13).

Разумеется, в советском патриотизме сознание принадлежности к Советской Родине укрепляется от осознания каждым советским человеком того, что Отчизна начинается с конкретного понятия — родного края, родного города или села. Собственно говоря, это чувство придает советскому патриотизму величайшее разнообразие конкретных проявлений и многоцветие оттенков, требует внимательного учета национальных моментов в едином советском патриотизме. Однако сам советский патриотизм нельзя расщепить, сделать его местным, локальным, ничего общего с патриотизмом не имеет уклон к замкнутости и изолированности. Это — местничество. И в наши дни актуальным является ленинское требование: «...во всех случаях... бороться *против* мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего» (14).

Сегодня стоит задача более гармоничного сочетания общесоюзных и республиканских интересов, повышения вклада республик в общесоюзную копилку в соответствии с их возросшим экономическим и духовным потенциалом, проведения принципа справедливости в их взаимоотношениях.

В условиях перестройки важно восстановить и ленинские принципы отношения к религии, церкви, верующим, разрушить бытующее еще представление о церкви как о некой изначально враждебной силе, а о верующих, как о людях второго сорта, забывая, что они советские люди, трудящиеся, патриоты, имеющие полное право выражать свои убеждения. Мы слишком много наломали, наразрушали в вопросах религии. Демократизация нашей жизни необходимо требует признания за каждым советским человеком полного права на свободу совести. Вместе с тем и в наши дни не утратило силу образное выражение А. В. Луначарского: «У религии есть политическое жало». Свидетельство тому — поведение в обстановке демократизации и гласности отдельных экстремистов, которые под флагом «возрождения» религии проявляют враждебное отношение к идейным ценностям социализма.

Вполне понятно, что там, где процесс интернационализации происходит особенно интенсивно, он воспринимается подчас как угроза полной утраты своей этнической самобытности. Отсюда оживление религии, которая воспринимается

как надежная связь с прошлым, как утверждение своей этнической самобытности. Отсюда стремление замкнуться в своей собственной этнонациональной культуре. Ориентация эта грозит серьезными опасностями: она разобщает народы, каждый из которых апеллирует лишь к собственным предкам (15).

Показательно и то, что вольно или невольно в вопросах религии как бы отталкиваются от суждений националистического толка. В издаваемой литовской реакционной эмигрантской газете «Драугас» (Чикаго) из номера в номер помещаются «компрометирующие» материалы об ограблении церквей в Литве, их поджогах, об обворовывании ксендзов, их избиваниях, убийствах и т. п. Одновременно пишется о том, что католическая церковь, несмотря на все чинимые ей препятствия, выступает как оплот литовской нации, спасает литовокатоликов от физического уничтожения (16).

В подобном же духе высказываются и деятели ислама. «Ислам, — утверждает в одной из зарубежных публикаций, — был для турок Туркестана неразрывной частью их национальной направленности, мировоззрения, и сегодня сохраняется это положение... Ислам для туркестанцев — часть их национального бытия, религия ислама — это национальная крепость, которая сохраняет туркестанцев от советизации и русификации».

Говорится о неотделимости национального и религиозного у русских. Известный советолог Н. Струве в книге «Положение христиан в СССР» утверждает, что «на заре второго тысячелетия новой истории в течение нескольких лет христианство стало национальной религией русских». Русские впитали христианство, «как губка впитывает воду», доказав наличие «от природы христианской души» или, по крайней мере, неоспоримого предрасположения к христианству. Отсюда утверждение о «национальном характере русского народа-богоносца», «историческом единении народа и церкви» (17).

Религиозно-националистические проявления находят свое отражение, как правило, в обыденном сознании, отражая определенные установки той общественной группы, в которой воспитывается человек. Следует при этом подчеркнуть, что негативные установки на отдельные виды межнацио-

нальных контактов не всегда являются проявлениями национализма или клерикализма. Они могут возникать в период определенных кризисных ситуаций и не обязательно базироваться на твердых националистических или религиозных убеждениях. Историческое переплетение и взаимодействие национальных элементов с религиозными существует, но они сами по себе создают лишь возможность возникновения клерикального организованного национализма, являются предпосылкой его возникновения. В конечном итоге только буржуазно-клерикальные и клерикально-националистические спекуляции на соотношении национального и религиозного, как со стороны буржуазного Запада, так и «своих», так сказать, доморожденных носителей, заинтересованных в оживлении националистических проявлений на теологической основе, превращают эти предпосылки в реальность.

Словом, на сохранение, а порой и оживление национального эгоизма оказывает сильное влияние именно политизированная религия (клерикализм), которая в последнее время активизировала свою деятельность в социалистических странах.

Клерикальные проявления обладают исключительной способностью к консервации. Их негативное воздействие на сферу межнациональных отношений проявляется и в условиях социализма. Конкретно-социологические исследования в УССР показали, что среди баптистов лишь 24% высказываются за положительное отношение к лицам других вероисповеданий, 32% настроены отрицательно, 11% — безразлично, 18,1% из числа опрошенных баптистов выразили негативное отношение к браку с иноверцами, 10,8% — к браку с представителями других национальностей (18). Налицо тенденция к формированию «конфессионального» брака.

Как заметил Председатель Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР Х. Х. Боков, и мусульманское духовенство пытается выдавать религиозные идеалы за национальные, приукрашивать и преувеличивать роль и значение ислама в истории народов, в общественной и духовной жизни наций на Северном Кавказе. За подобными взглядами на религию нередко скрываются националистические воззрения, происходит своеобразное переплетение клерикальных и националистических представлений (19):

В Узбекистане, например, выросло число незарегистрированных («домашних») мечетей, молитвенных домов и так называемых святых мест, на благоустройство которых часто расходуются государственные и колхозные средства. Религиозная обрядность захватила многих людей, в том числе коммунистов, комсомольцев и даже руководящих работников. Десятки тысяч молодоженов венчаются по религиозным канонам... Дело доходит до того, что и сегодня молодые женщины вынуждены надевать видоизмененную паранджу.

До недавнего времени в Казахстане безнаказанно действовали самозванные муллы, строились пышные надгробия с упоминанием родоплеменного происхождения умерших. Имеется немало населенных пунктов, где функционируют 6—7 кладбищ, основанных по национальным и родоплеменным признакам. И все это, к сожалению, не получает должной оценки со стороны партийных, советских и комсомольских органов.

Порой возникает соблазн такого рода: а не зачислить ли всех верующих в националистов? Ведь у клерикализма и национализма общие мировоззренческие позиции, их функция в идеологических диверсиях — формирование враждебных общественных установок по отношению к другим нациям и народностям, прежде всего за счет усиления обработки нерусского населения Советского Союза. Подчас религиозные экстремисты пытаются использовать религию как прикрытие откровенно националистических, шовинистических взглядов и действий.

Все это так, однако ставить знак равенства между национализмом и религией нельзя. Точно так же, как нельзя и прямолинейно связывать возникающие «перекосы» в национальной сфере с понятием «религиозный фактор» вообще. Национализм и религия — это неоднородные явления. Важно, на наш взгляд, вычленять взаимосвязь между национализмом и клерикализмом, глубже заняться вопросами так называемого «клерикального национализма» («след» которого частенько ведет на Запад), проблемами национальных отношений и религиозной принадлежности людей в нашей стране, соотношением национального и религиозного в духовной культуре народов. Нельзя при этом впадать и в другую крайность, недооценивать возможность трансфор-

мации национальных чувств в националистические настроения на клерикальной почве, не видеть проблем, требующих своего решения.

Присущи ли социализму противоречия?

Упрощенным и политически наивным является представление, будто бы социализм несет избавление вообще от всех противоречий и расхождений, от любых житейских неурядиц. Кстати сказать, по-своему это представление эксплуатируют и наши идейные противники, когда пытаются опровергнуть новый строй, указывая на то, что при нем в жизни людей есть и трудности, и разочарования, и очень нелегкая порой борьба нового со старым. Да, и противоречия, и трудности у нас есть. Думать, что возможен какой-то другой, непротиворечивый ход развития, значит, сворачивать с надежной, хотя иной раз и жесткой почвы реальности, порывать с азами марксистской диалектики.

Долгое время мы пытались представить противоречия как нечто внешнее природе социализма, выражаясь словами Гегеля, как «случайность, как бы аномалию, переходящий пароксизм болезней» (1), связывая сами противоречия в первую очередь лишь с историческим прошлым нашей страны. Отсюда утверждения о «перманентности пережитков прошлого», «отставании общественного сознания», «наличия пережитков не просто у отдельной части граждан, а у большинства советских людей» и т. д.

Нередок был и такой подход, когда «центр тяжести» переносился с вопроса о внутренних противоречиях современного социализма (в экономической, политической и духовной сферах) только на вопросы существования противоречий между социализмом и капитализмом, когда все сложности объяснялись исключительно внешними условиями существования советского общества.

Однако подобная «страусиная» политика не принесла нам ничего, кроме вреда. Отрицая противоречия, присущие социализму, а значит, и закрывая глаза на свои собственные ошибки и даже преступления, мы сами себе мешали реаль-

но смотреть на вполне реальную же нашу действительность. И потому на семидесятом году существования нашего социалистического общества вдруг выяснили, что имеем об этом обществе весьма приблизительное представление. Вот и стоит теперь перед нами задача не спеша, основательно разобраться в своих собственных делах, понять свою собственную противоречивую реальность. Ведь задача в том, чтобы правильно пользоваться внутренними противоречиями социализма в качестве источника его поступательного развития.

Конечно, в этой книге невозможно рассказать обо всех противоречиях, присущих социализму. Внимание читателя будет сосредоточено только на тех, которые деформируют национальные отношения и порождают националистические проявления. При этом следует иметь в виду, что раскрытие противоречий, которые затрагивают национальные моменты, — дело непростое. «Живые противоречия, — подчеркивал В. И. Ленин, — во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется» (2).

Задача всемерного раскрытия противоречий не ставится пока и потому, что мы еще не имеем полного фактического и статистического материала, с помощью которого можно серьезно наполнить теоретические рассуждения конкретными исследованиями. Такие исследования, надеемся, дело ближайшего будущего. И прежде всего изучать необходимо процессы отражения межнациональных отношений в общественном сознании.

Со школьной скамьи известен нам марксистский тезис, определяющий главную причину общественных противоречий — отставание производственных отношений от уровня развития производительных сил. Это «глобальное» противоречие лежит и в основе большинства деформаций национальных отношений. Однако формы проявления его различны и многообразны.

Видимо, первым по важности является противоречие между политическими и социально-экономическими факторами развития и его этнокультурными факторами. Иначе говоря — между сложившимися в предыдущие годы политической системой и хозяйственным механизмом и потребностями национального развития народов нашей страны.

На развитии национальных отношений в СССР не могло не сказаться то, что к началу 80-х годов экономика СССР оказалась в предкризисном состоянии, возникли многие аномальные явления в социально-экономической и духовно-нравственной сферах, искажавшие, деформировавшие принципы социальной справедливости, подрывавшие у народа веру в нее, порождающие социальное отчуждение. Об этом довольно остро говорилось на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС. Собственно говоря, негативные явления в области национальных отношений стали как бы коррозионными наслоениями, образовавшимися в экономической, социальной, духовной, бытовой сферах общественной жизни, конгломератом социальной коррозии.

Сегодня необходимо решение проблемы субординации, сочетания общегосударственных и республиканских, общенародных и специфических интересов каждой национальности в отдельности. Ведь далеко не все интересы каждого национально-государственного образования и каждой национальности непосредственно в данный момент совпадают с общими интересами развития общества в целом. В частности, речь идет о распределении материальных, финансовых, трудовых ресурсов, о размещении металлоемких, энергоемких, трудоемких отраслей промышленности и в особенности в установлении объема продовольственных поставок в общесоюзный фонд, в установлении зональных закупочных цен на продукты растениеводства и животноводства, в строительстве жилья, учреждений культуры и быта и т. д.

Но важнее любых экономических решений сегодня проблемы политические. Указанное выше противоречие порождало и нарушения социальной справедливости, и национальное неравенство, и пренебрежение национальными интересами со стороны государственного и партийного аппаратов власти, и многие другие проблемы в жизни народов нашей страны.

Хорошо сказал о бюрократизме как о составном элементе механизма торможения А. Здравомыслов: «Все начинается с дробления функций в самом аппарате управления. Они все больше обособляются, автономизируются и становятся предметом самостоятельных интересов отдельных чиновников. Возникает привычка к любому вопросу подходить с ведомственных или местных позиций, ставя их во главу

угла. Люди, вовлеченные в этот процесс, постепенно утрачивают способность воспринимать связь их собственного дела с более широкими целями. Управление становится самоцелью» (3).

Более того, административно-командная система сама по себе выступает стимулятором национального недовольства. Она как бы автономно провоцирует людей, ущемляя их национальные чувства. Естественно, что реакция на все эти явления бурная, иногда неуправляемая. События в Казахстане, Прибалтике, особенно в Нагорном Карабахе показали, что решение политических вопросов должно опережать даже ответы на экономические нужды. Более того, только в условиях настоящей демократии возможно разрешение и экономических проблем, и национальных конфликтов. В этом направлении побуждают действовать и установки XIX партийной конференции. И важно, что мы уже ищем пути к реформации политической системы и хозяйственного механизма: приняты первые поправки к Конституции СССР, набирает ход хозяйственная реформа.

Исключительно важным для прогресса межнациональных отношений в нашей стране стал сам процесс перестройки, всесторонняя демократизация общественной жизни, которая применительно к национальной сфере означает ее полную гармонизацию на основе восстановления ленинских принципов национальной политики — свободного и добровольного сотрудничества социалистических наций и народностей, перестройки всей системы межнациональных отношений на демократических началах в интересах каждого советского человека любой национальности.

Важно преодолеть укоренившуюся десятилетиями недооценку роли и места национальных отношений в жизни общества, использовать к ним, так сказать, «остаточный подход».

Важно преодолеть и устойчивое заблуждение о том, что национальная сфера-де не способна оказывать глубокое воздействие на все общественное развитие, не окрашивает его в определенные национальные тона.

Однако сразу же перед нами в полный рост встает еще одно противоречие — между национальным и интернациональным, между интересами одной нации и всей страны. Мы еще коснемся этой проблемы более подробно в другом разделе, но здесь необходимо сказать, что противоречие между

национальным и интернациональным порождает многие сложности нашего развития. Например, оно проявилось в требованиях некоторых представителей народных движений в поддержку перестройки в Прибалтике, об экономическом, а то и политическом отделении Прибалтийских республик от всей страны, о создании национальных армий, введении государственного языка и т. д. Видимо, забывалось, что сегодня *каждая* наша республика стала многонациональной, а значит, надо учитывать интересы разных народов.

Взаимодействие общесоветских и национальных интересов также развивается сложно и противоречиво. Возникающие между ними несовпадения носят как объективный, так и субъективный характер. В первом случае они являются следствием многонациональной структуры советского общества. Во втором — порождаются субъективной деятельностью отдельных руководителей, неверно понимающих объективные трудности, нерешенные проблемы. На местах нередко преобладает местнический подход, стремление извлечь из общесоюзного бюджета средства, не соответствующие вкладу республики в народнохозяйственный комплекс. Имеет место противоречие между демократизмом и централизмом, творческой инициативой национально-государственных образований и централизованным управлением народного хозяйства.

В этой связи возрастает значимость всемерного изучения реального состояния межнациональных отношений, разработки путей преодоления межнациональных противоречий в условиях углубления демократизации.

Сегодня нам важно тщательно разобраться и учитывать реальные противоречия между национальным и интернациональным, возможность неадекватного, искривленного отражения процессов интернационализации в национальном самосознании.

Следует учитывать и то, что полного единства наций у нас нет, существует интернациональное единство, процесс расцвета и сближения социалистических наций только развивается. Полное единство — это программное положение КПСС, которое предусматривается в отдаленной исторической перспективе. Поэтому предстоит огромная работа в этом направлении и в экономическом, и социально-политическом, и духовно-психологическом плане.

Перестройка применительно к национальным отношениям означает острую необходимость максимально использовать национальный потенциал страны, включить в революционные по своей сути преобразования непреходящие национальные ценности, с тем чтобы на перестройку «заработали» на полную мощность национальные культуры, национальные интересы. Важно далее создать и тщательно отрегулировать механизм взаимодействия национального и интернационального, поставив его на службу перестройки, понимая само интернациональное единство с учетом национального многообразия, специфики различий и существующих противоречий.

Словом, всемерное сочетание национальной специфики с интернациональными интересами, одновременное приспособление основного стратегического курса к местным условиям и максимальное включение национального своеобразия в интернациональное по своей сути социалистическое строительство создают объективно существующую основу для решения многих проблем.

Еще одна группа противоречий — это противоречия, порождаемые расхождениями в интересах между советскими нациями и народностями. Они выражаются в различном уровне развития политической, экономической, социальной и демографической структур в отдельных союзных республиках и национальных автономиях.

Данные противоречия складываются в основном в результате просчетов и недостатков в социальном планировании и управлении национальными отношениями. В последние годы это в наибольшей степени проявилось в республиках Средней Азии и Казахстана, которые, обладая огромными природными и трудовыми ресурсами, значительно снизили темпы промышленного и сельскохозяйственного производства. Возникший в годы застоя дисбаланс в экономических связях между советскими республиками еще не преодолен. Так, Казахстан вывозит в другие регионы страны продукцию на 8 миллиардов рублей, а завозит на 16 миллиардов рублей. Латвийская ССР в 1986 году получила средств на развитие своей экономики на 900 миллионов рублей больше, чем стоимость изготовленной в республике продукции, отправленной в другие регионы страны. Таджикская ССР потребляет материальных благ на 20% больше, чем производит.

К сказанному следует добавить, что на противоречия между нациями и народностями влияют и иные факторы: природные и климатические условия; сохраняющиеся исторические и национальные особенности; наличие и характер природных и трудовых ресурсов; плотность населения и т. д. Связанные с этими факторами различия влияют и на структуру производства, и на его объем на душу населения, и на темпы его развития, и на удельный вес индустриальных рабочих «коренных» национальностей в общем числе этой ведущей категорий трудящихся в советских республиках. А значит, и на тот вклад, который вносит республика в общесоюзную копилку.

Противоречия существуют и в самом национальном. Не все черты, присущие той или иной социалистической нации или народности, характерны для всего советского народа, поскольку, скажем, нация несет в себе не только то, что обусловлено социалистическими общественными отношениями, но и то, что сложилось в прошлом (язык, специфические черты культуры, быта, традиции, психологии и т. д.).

Применительно к нашей проблеме речь идет о взаимодействии прошлого и настоящего, старого и нового внутри нации, между которыми есть противоречие. Разумеется, реализация специфических национальных интересов и запросов трудящихся, учет национальных моментов в социальном планировании и управлении, освоение национального культурного наследия и т. п. — это насущная проблема сегодняшнего дня. Но важно, как отмечал на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур. Важно прослеживать всю противоречивую целостность исторического развития, не стремясь вытягивать из ткани прошлого отдельные нити дружбы или нити вражды.

В особенности, когда предпринимаются попытки возродить в национальном патриархальное, устарелое, не служащее сближению народов.

Необходимо сказать и о противоречиях в этнических процессах. «Мыслимо ли сводить все многообразие национальных отношений к расцвету и сближению наций?» — так был поставлен вопрос Э. А. Баграмовым на «круглом столе» в

журнале «Вопросы философии» (1988, № 9). И далее: «Куда девались очевидные противоречия? Что происходит за рамками расцвета и сближения?»

Прав был Ю. В. Бромлей, когда говорил на этом же «круглом столе», что расцвет наций и народностей сам по себе, «автоматически» не обеспечивает межэтнической интеграции, усиления чувства общности. Само понятие «сближение наций и народностей» в прямом смысле подразумевает лишь увеличение их сходства и, даже когда имеется в виду укрепление дружбы народов, это отнюдь не обязательно предполагает образование из них единого целого, слияния разных наций в одну-единственную.

В этнических процессах существуют две взаимосвязанные тенденции, одна из которых носит интегрирующий, другая дифференцирующий характер. Дифференцирующая тенденция наряду с ростом этнического самосознания с первых лет Советской власти наглядно проявилась в духовной культуре народов нашей страны. С усилением в условиях обновления социалистического общества внимания к языково-культурным интересам всех национальностей, в том числе национальных групп в республиках, эта тенденция получила новые стимулы.

Одновременно усилилась интегрирующая тенденция, в результате которой сложилась новая по своим социальным параметрам интернациональная (метаэтническая) общность — советский народ, как закономерное звено во всемирно-историческом процессе неуклонного повышения общего уровня межэтнической интеграции народов мира. Но здесь необходимо указать на сложность и противоречивость самого советского народа, который не является ни новым классом, ни новой нацией.

Еще одна проблема — противоречия, которые имманентно присущи культуре. В СССР насчитывается более 100 наций и народностей. Само собой разумеется, что жизни человека не хватит, чтобы даже в основных чертах освоить культуру каждого из этих народов. Как же преодолеть это противоречие? Основной путь его разрешения заключается в освоении общесоюзной культуры советского народа, которая вбирает все лучшее, что имеется в национальных культурах всех наций и народностей СССР. Овладевая культурой многонационального советского народа, каждый гражда-

нии СССР приобщается к национальным культурам всех национальных групп страны. Остается лишь создавать общесоветскую культуру именно на таких принципах.

Нуждаются в дополнительной проработке и проблемы реальных противоречий, возникающих в процессе интернационализации социалистического образа жизни. Во всяком случае, остра необходимость учета своеобразия реакций разных национальностей на интернационализацию общественной жизни в условиях социализма. При таком подходе мы лучше поймем, почему, например, в среде малочисленных национальностей сильнее проявляется тенденция к национальному эгоизму, между тем как в среде больших — интерес к собственно национальным проблемам ослаблен. Поймем и то, почему представители первых акцент в интернационализме делают, как правило, на его демократическую сторону (на принципы равенства и равноправия, самостоятельности и независимости и т. д.), тогда как представители вторых — на его социально-классовую сторону (единство, солидарность, общность целей и т. п.).

Существует, например, противоречие между интернационалистскими и неинтернационалистскими позициями людей. Но интересы националистически настроенных людей даже с «активной жизненной позицией» находятся не просто в отношениях противоречия, а в непримиримом антагонизме с социалистической действительностью. Их установки расходятся с социалистическим образом жизни, научным мировоззрением, правовыми нормами нашего государства.

Есть противоречие во взаимодействии языка межнационального общения и национальных языков. Противоречие между ними может обостриться вследствие ошибок в реализации национальной политики и других негативных факторов, что имело место в Казахстане, Прибалтике и других республиках. В связи с этим возникает необходимость в создании условий для дальнейшего развития национально-русского двуязычия (4).

Нельзя не сказать о противоречиях между патриотизмом и национализмом, а также патриотизмом и космополитизмом. Обострения этих противоречий возможны из-за нарушения диалектического единства советского патриотизма и социалистического интернационализма.

Требуется научной проработки и проблема соотношения

патриотизма с националистическими проявлениями, проблема, как-то ушедшая из нашего поля зрения и зазвучавшая ныне довольно громко. В самом деле, существует реальная возможность и опасность перерастания национального сознания в националистическое, патриотического сознания — в национально ограниченное, местного, так сказать, патриотизма — в местничество.

Отсюда различные деформации: если патриотизм, так сказать, отрывают от интернационализма, это неизбежно приводит к национализму, если же интернационализм отрывается от патриотизма, это ведет к космополитической деформации.

Итак, в этом разделе были выделены те противоречия, которые, по мнению автора, способны порождать националистические проявления в нашей стране. Пока мы ограничились лишь их перечислением, для того чтобы читатель более точно представил себе структуру и иерархию этих противоречий. Размышления над конкретным материалом — задача последующих разделов.

В завершение хочется сказать следующее. Нам необходимо понять, что противоречия, проблемы и трудности, накопившиеся в национальной сфере, нельзя ни замазывать и консервировать, ни разжигать и фетишизировать. Их следует выявлять и на основе этого своевременно разрешать в интересах дальнейшего прогрессивного развития общества. Важно помнить, что противоречия при социализме (при всем их многообразии, специфичности протекания и разрешения) ни в коем случае не являются выражением какого-то зла. Носителями «зла» они могут стать лишь тогда, когда постоянно происходит их обострение и у общества уже нет возможности их своевременно разрешать.

Существует ли полное равенство между народами?

Многие годы мы во всеуслышание говорили о достижении полного равенства между нациями и народностями нашей страны, о том, что все республики, все народы трудятся оди-

наково хорошо и живут также одинаково хорошо. Если бы это было правдой!

Нет, никто не собирается отрицать того, что было сделано для развития народов за время существования Советского государства. Все мы знаем, что некоторые республики развивались просто фантастическими темпами и за короткий отрезок времени поднялись до высокого уровня экономического и социального развития.

При этом некоторым, наиболее отсталым ранее республикам создавались, так сказать, «льготные» условия существования. Например, в годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) в бюджет некоторых республик направлялся почти весь налог с оборота, взимавшийся на их территории. Так, в 1969 году в Киргизии его оставалось в распоряжении республики 87,7%, в Грузии — 85,9%, в Литве — 81,6%; в 1970-м в Туркмении — 98,6%, в Азербайджане — 79,5%, а в Казахстане, Узбекистане, Армении, Таджикистане в течение ряда лет — 100%. Более того, в годы восьмой пятилетки Казахстану, Узбекистану, Армении, Таджикистану, Туркмении были выделены дотации, составляющие для отдельных республик 20—25% доходной части бюджета (1).

Благодаря последовательным усилиям в этом направлении уже к началу 70-х годов было в основном достигнуто выравнивание уровней экономического развития республик. В течение последних четырех (восьмой, девятой, десятой и одиннадцатой) пятилеток были обеспечены опережающие темпы промышленного развития союзных республик — Белоруссии, Казахстана, Литвы, Молдавии, Латвии, Киргизии, Армении и Эстонии.

И все же, говоря о социальной справедливости, социальном и национальном равенстве, нельзя ни в коей мере абсолютизировать само понятие «равенство». Содержание этого понятия имеет относительный характер. Подобно тому, как нельзя сделать людей равными друг другу, так нельзя добиться полного равенства наций. Пока существуют нации, будут сохраняться и некоторые различия между ними.

И даже зная о том, как много сделано в нашей стране для выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития республик, не стоит преувеличивать эти достижения. Давайте более трезво взглянем на существующее в этом вопросе положение вещей и, опять же никоим

образом не претендуя на некое «абсолютное» знание, попробуем увидеть те явления, которые могут порождать националистические настроения.

Начать, видимо, следует как обычно — с показателей материального производства. Ведь гарантии достижения действительного равенства всех наций и народностей страны заложены в его развитии и совершенствовании.

Несмотря на различные подходы к обеспечению республик из государственного бюджета, показатели экономического роста республик значительно отличаются. Например, по производительности труда — одному из самых существенных показателей развитости производства и вклада национального региона в общесоюзный экономический потенциал — различия достаточно велики. Так, за период с 1970 по 1986 год производительность труда в целом по стране увеличилась на 77%, в РСФСР — на 83%, Белорусской ССР — на 140%, в Эстонской ССР — на 83%, в Армянской ССР — на 99%, в Узбекской ССР — на 40%, Казахской ССР — на 29%, в Киргизской ССР — на 35% (2).

Как видим, темпы роста производительности труда в Белоруссии за 1970—1986 годы почти в 5 раз выше, чем в Казахстане и Таджикистане, и в 3,5 раза выше, чем в Узбекистане.

Вполне естественно, что столь значительная разница в темпах роста производительности труда отразилась и на темпах роста национального дохода. В расчете на душу населения национальный доход с 1970 по 1986 год вырос по стране на 75%, в РСФСР — на 84%, в Белорусской ССР — на 140%, в Эстонской ССР — на 74%, в Армянской ССР — на 113%, в Узбекской ССР — на 39%, в Казахской ССР — на 37%, в Киргизской ССР — на 41% (3).

Характерен и такой показатель, как удельный вес продукции высшей категории качества в объеме продукции, подлежащей аттестации. Нельзя сказать, что в целом по стране в 1986 году этот показатель был высок — всего 46,8%. Низкое качество продукции наша общая беда, но и здесь заметна определенная разница. В РСФСР качественная продукция в данной системе расчетов составляет 47,1%, в Белорусской ССР — 56,5%, в Эстонской ССР — 48%, в Армянской ССР — 39%, в Узбекской ССР — 32,9%, в Казахской ССР — 40,8%, в Туркменской ССР — 13% (4).

Конечно, нам необходимо иметь в виду, что на среднеазиатских и некоторых других республиках особенно сильно сказались «застойные» годы, и нельзя не учитывать этих негативных тенденций в экономическом и социальном развитии союзных республик. Как указывалось в докладе министра финансов СССР Б. И. Гостева на одиннадцатой сессии Верховного Совета СССР, в РСФСР, Казахской ССР не достигнуты предусмотренные пятилетним планом темпы роста национального дохода. В Узбекской ССР экономическое положение остается напряженным из-за отставания в развитии народного хозяйства республики, допущенного в предыдущие годы. И еще несколько цифр. В то время, когда по стране увеличение отчислений от общесоюзных налогов и доходов составило 76 процентов, в Узбекской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР эти отчисления составляют 100 процентов.

Обращает на себя внимание и то, что в двенадцатой пятилетке республики Средней Азии и Казахстана, обладая огромными природными и трудовыми ресурсами, не только не справились с заданиями, но и значительно снизили темпы промышленного и сельскохозяйственного производства. За одиннадцатую же пятилетку Казахстан недодал государству 18 миллионов тонн зерна, около 3 миллионов тонн сахарной свеклы, 380 тысяч тонн мяса, 156 тысяч тонн молока и т. д. 1,5 миллиона трудоспособных людей там вообще не были заняты в общественном производстве. За эту же пятилетку Узбекская ССР недодала стране 3 миллиарда кубических метров газа, 300 тысяч тонн минеральных удобрений, 23 миллиона метров хлопчатобумажных тканей.

И вот два года двенадцатой пятилетки. В Казахстане, например, промышленное производство продолжает отставать от общесоюзного на 12%. Долг предприятий и организаций банкам превышает 1,5 миллиарда рублей. За этот же период Узбекистан недодал общественного продукта на 4,2 миллиарда рублей. Снизился объем валовой продукции сельского хозяйства. В Туркменской ССР каждое третье предприятие не обеспечило объема запланированной прибыли. Из 102 хозяйств 76 не выполнили план заготовки хлопка-сырца.

И что характерно. В 1988 году из союзного бюджета было дополнительно выделено в виде дотаций почти 6 миллиардов рублей: Казахской ССР — 2,5 миллиарда рублей,

Узбекской — 1,8 миллиарда рублей, Киргизской — 556 миллионов рублей, Таджикской ССР — 419,5 миллиона рублей, Туркменской ССР — 344,6 миллиона рублей.

Возникновению застойных явлений в развитии национальных отношений способствовали неповоротливость при разработке экономических планов и отсутствие тесной увязки их с социальной политикой, с решениями национальных проблем, которые имели место до середины 80-х годов. Прежняя система управления экономикой нередко порождала местничество и иждивенческие настроения у определенной части населения. К примеру, Туркмения за последние годы потребляла средств на двадцать процентов больше, чем их производила. Эстония (одна из самых развитых союзных республик) получает из общесоюзных ресурсов сырья и изделий на сумму 3 миллиарда рублей, в то время как ее вклад в народнохозяйственный комплекс страны составляет 2,5 миллиарда рублей (5). А ряд союзных республик (Украина, Грузия, Азербайджан) постоянно обращаются в правительство СССР с ходатайствами о дополнительном выпуске денег.

Все перечисленные и неперечисленные здесь факты вызывают законное опасение — не приведут ли эти обстоятельства, с одной стороны, к иждивенческим настроениям, к обострению чувств национального эгоизма в одних республиках, а с другой, к ответной реакции в других республиках? Мы уже имеем пример Прибалтийских республик, где «коренные» жители выступили против существования одних республик за счет других. Ведь разница в экономическом развитии неизбежно сказывается на уровне благосостояния народов нашей страны. А разница в социальном развитии республик немала.

За годы Советской власти в республиках произошло заметное выравнивание социально-классовых структур, в результате чего доля рабочих коренной национальности в республиках (кроме Туркмении) составила более половины населения. Однако это увеличение происходило преимущественно за счет превращения колхозов в совхозы и, соответственно, колхозников в рабочих совхозов. Так, в Азербайджане в 1959—1978 годах удельный вес сельских рабочих в общей численности рабочего класса повысился на 21,4 процентного пункта, в Грузии — на 15,5, в Таджикистане — на 15,4, в Молдавии — на 10,7, в Туркмении — на 9, в Армении —

на 6,3 пункта. По этой причине остаются еще различия между республиками по доли рабочего класса, квалифицированных его групп в составе населения коренной национальности (6).

Скажем, казахский народ, как и другие народы Казахстана, стал отставать в социальном и культурном развитии от других союзных республик, например, в подготовке индустриального рабочего класса. В республике рабочие составляют всего 18%. Причем по сравнению с 1934 годом этот процент снизился в 2,6 раза (!). Кстати, Казахстан значительно отстает от среднего общесоюзного показателя и по доле научной, производственной и творческой интеллигенции. На снижении уровня жизни и благосостояния национальных групп, проживающих в Казахстане, не мог не сказаться общий спад экономики республики, потеря динамизма ее развития.

Низким остается удельный вес рабочих узбекской национальности, да и они заняты преимущественно в сельском хозяйстве и сфере обслуживания. В целом 70—80% в общей структуре промышленного рабочего класса Узбекистана составляют рабочие узбекской национальности.

Таким образом, в трудноизбыточных регионах, какими являются республики Средней Азии и Казахстана, где имеются огромные трудовые резервы, возник острый дефицит в квалифицированных кадрах рабочего класса коренных национальностей. Возникло противоречие между потребностью в этих кадрах и их подготовкой, что отрицательно сказывается на развитии национальных отношений, интернациональном воспитании трудящихся, усилении борьбы против националистических проявлений и, как мы видели, приводит к известным их «выбросам» (событиям в Алма-Ате и др.).

Значительны различия между нациями и народностями и в темпах урбанизации, развитии миграционных и демографических процессов, естественном приросте населения. Но данные по этим вопросам, к сожалению, отрывочные и несистематизированные. Поэтому здесь будут приведены только некоторые из них.

Так, например, в 1987 году удельный вес городского населения составил по стране 66%, в РСФСР — 74%, в Белорусской ССР — 64%, в Эстонской ССР — 72%, в Армянской ССР — 68%, в Узбекской ССР — 42%, в Казахской

ССР — 58%, в Таджикской ССР — 33%. В то же время в селах Туркмении и Молдавии проживало более $\frac{1}{2}$, а в Киргизии — $\frac{3}{5}$ всего населения (7).

Велика разница в естественном приросте населения. С 1960 по 1986 год естественный прирост населения в целом по стране в расчете на 1000 человек населения уменьшился с 17,8 до 10,2, в РСФСР — с 15,8 до 6,8, в Украинской ССР — с 13,6 до 4,4, в Белорусской ССР — с 17,8 до 7,4, в Литовской ССР — с 14,7 до 6,6, в Эстонской ССР — с 6,1 до 4,0, в Армянской ССР — с 33,3 до 18,3, в Узбекской ССР — с 33,8 до 30,8, в Киргизской ССР — с 30,8 до 25,5, а в Таджикской ССР увеличился с 28,4 до 35,2. Эти показатели означают, что в 1986 году в целом по стране на 1000 человек населения рождалось 20 человек, а умирало 9,8, в РСФСР соответственно — 17,2 и 10,4, на Украине — 15,5 и 11,1, в Эстонии — 15,6 и 11,6, в Армении — 24 и 5,7, в Узбекистане — 37,8 и 7,0, в Таджикистане — 42,0 и 6,8 (8). Демографическая ситуация усложняется и тем, что пока все еще велика разница в числе женщин и мужчин — в 1987 году в целом по стране она составила 16,7 миллиона, при этом в РСФСР — около 10 миллионов, на Украине — около 4 миллионов, в Казахстане — 500 тысяч, в Эстонии — 102 тысячи, в Армении — 70 тысяч, в Грузии — 282 тысячи, в Узбекистане — 252 тысячи, в Таджикистане — 77 тысяч.

В итоге получается, что в Прибалтике удельный вес жителей коренной национальности, достигавший до войны 80—90%, значительно упал. По данным переписи 1979 года, в Латвии до 53%, в Эстонии — до 64%. Сейчас эти показатели еще ниже (полагают, что в Латвии латышей стало менее половины). Одновременно сократилась доля рабочих коренной национальности, возникли дополнительные трудности в обеспечении населения жильем, продуктами питания, товарами широкого потребления.

С 1959 по 1979 год доля народов славянской языковой группы снизилась с 77,1 до 72,8%, а тюркоязычной возросла с 11,1 до 15,2%. Это ведет, в частности, к тому, что в районах расселения одних народов ощущается нехватка трудовых ресурсов, а у других — возникает проблема их использования.

Велика еще детская смертность. Число детей, умерших

в возрасте до одного года, на 1000 родившихся в целом по стране с 1970 по 1986 год увеличилось с 24,7 до 25,4. При этом наибольший прирост дали среднеазиатские республики. Например, в Узбекистане детская смертность увеличилась с 31,0 до 46,2, в Казахстане — с 25,9 до 29,0. В то же время этот показатель снизился в РСФСР — с 23,0 до 19,3, на Украине — с 17,2 до 14,8, в Эстонии — с 17,8 до 16,0, в Латвии — с 17,9 до 13,0, в Армении с 25,3 до 23,6 (9).

Самая высокая детская смертность — в Туркменской ССР (в 1986 году она составила 58,2 младенца до года на 1000 родившихся). Республика не выполнила план одиннадцатой пятилетки по строительству объектов здравоохранения, освоив капиталовложения, выделенные на эти нужды, всего лишь на 54%, а на сооружение детских больниц и того меньше — 43,3%. Распространение калыма в республике объясняет рост числа родственных браков среди туркменов, что влечет за собой высокую смертность среди детей, более чем вдвое превышающую этот печальный показатель по стране.

Как видим, демографическая ситуация в стране очень сложная и неоднозначная. Причины такого положения носят и объективный (например, последствия Великой Отечественной войны), но в большей степени субъективный характер. Например, одной из причин возникновения проблем Центральной России — зон черноземной и нечерноземной полосы — стали грубейшие просчеты в социальном и экономическом развитии. И теперь Нечерноземье, где проживает преимущественно русское население, практически запустело. Так, в Волго-Вятском районе почти за тридцать лет (с 1959 по 1987 г.) население увеличилось всего на 144 тысячи человек. Еще более тревожная ситуация сложилась в Центрально-Черноземном районе, где за тот же период население уменьшилось на 108 тысяч человек (10).

Трудно делать какие-то определенные выводы из приведенных фактов, тем более что в нашей стране вообще крайне слабо исследуются демографические процессы. Однако даже «невооруженным» глазом видно, что эти процессы должны играть и играют огромную роль в формировании национального мировоззрения.

При анализе истоков, порождающих националистические проявления, необходимо учитывать различия в культурной жизни народов СССР. И хотя за годы Советской власти про-

изошли коренные сдвиги в выравнивании уровней культуры и образования (особенно школьного), однако их полного совпадения еще нет. Указанное расхождение связано прежде всего с различиями в уровне среднего специального и высшего образования в определенных регионах. Например, на 1000 человек, занятых в народном хозяйстве, в 1986 году имело высшее и среднее образование в целом по стране 883 человека, в РСФСР — 878, в Белорусской ССР — 861, в Эстонской ССР — 875, в Молдавской ССР — 836, в Узбекской ССР — 916, в Туркменской ССР — 902, в Грузинской ССР — 912, в Армянской ССР — 923 человека (11). Имеются еще некоторые различия в республиках в подготовке кадров научных работников. По удельному весу научных работников ведущее место занимают армяне, грузины, евреи, эстонцы и др.

Начиная с 1979 года представительство коренных национальностей в высших учебных заведениях Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Литвы, Эстонии и некоторых других союзных республик превышало их долю в составе населения. В 1985/86 учебном году на дневном отделении Якутского государственного университета якутов насчитывалось 79,5%, тогда как доля коренного населения в республике составляла 31,1%. На формирование студенческой среды в Казахстане отрицательное влияние оказали родоплеменные связи. На протяжении многих лет в престижных вузах Алматы обучались в основном выходцы из южных областей и алмаатинцы. Доля студентов русской национальности, к примеру, на факультете журналистики Казахского госуниверситета не превышала 31%. Аналогичная обстановка наблюдалась и в других вузах Казахстана.

Наиболее высокий общеобразовательный уровень имеют лица еврейской национальности. За годы Советской власти доля студентов-евреев в несколько раз превысила удельный вес этой национальности в стране. Существенной является доля лиц еврейской национальности и среди научных работников. В 70-х годах (более поздние данные в отечественных справочниках не приводятся) среди научных работников евреев было больше, чем русских, в 6 раз, чем украинцев — в 12, чем белорусов — в 14 раз (12). В то же время доля студентов коренной национальности в общем количестве студентов вузов в БССР была на 10% ниже удельного веса ко-

ренной национальности в населении республики, в ЭССР — на 5,5% выше.

Все это, разумеется, сказывается на уровне развития национального самосознания, дает пищу для различных трактовок проблемы, в том числе и извращенных, националистических. Реально существующая социальная несправедливость в определенных условиях порождает национальный эгоизм. Сам факт существования указанных различий, их оценка отдельными людьми с позиций обыденного сознания поддерживает существование националистических предрассудков.

В целом, рассматривая конкретное положение отдельных наций и народностей в сфере культуры, получаем крайне неоднозначную картину. С одной стороны, очевиден расцвет национальных культур народов Прибалтики (несмотря на потерю большей части интеллигенции в 40-е годы), Закавказья, Средней Азии, с другой стороны, культура и языки десятков других народов (особенно народов Севера) находятся на грани исчезновения, сохраняясь преимущественно в бытовой сфере. Если в 1940 году на национальных языках в СССР выпускалось 25,2% тиража книг и брошюр, то в 1960 году — 18%, а в 1986 году — всего 11%, сходные тенденции также в издании периодики. Можно было бы не приводить эти печальные, в общем-то, примеры, если бы из болотистого застоя не тянулись крепкие нити в сегодня.

На взаимоотношения представителей разных народов накладывает отпечаток и существующие в условиях социализма различия в оплате труда, которые обусловлены неодинаковым уровнем развития производительных сил и производственных отношений, характером обмена и распределения продуктов.

Вызванный НТР процесс дифференциации и интеллектуализации труда вносит коренные изменения в социальную структуру общества, ускоряет стирание различий между умственным и физическим трудом. Вместе с тем интеллектуализация труда, неуклонное увеличение слоя интеллигенции может создавать определенные предпосылки для субъективизма и волюнтаризма в кадровой политике, трудности в осуществлении справедливого материального вознаграждения работника за осуществленный труд, поскольку значительно усложняется оценка уровня квалификации занятых умствен-

ным трудом, количества и качества их трудовых усилий в развитии общественного производства.

Следует заметить, что существующая система контроля за мерой труда и потребления, как показывает практика, пока еще не везде отвечает своему назначению, что не может не задерживать устранение негативных социальных явлений и порой служит прикрытием рвачества, поощрением мелкобуржуазных, в том числе националистических предрассудков.

Назрела необходимость вопрос о фактическом, экономическом равенстве народов теснее увязать с осуществлением именно социальной справедливости в сфере национальных отношений, на основе выработки единой меры труда и потребления с тем, чтобы присвоение повсеместно осуществлялось на основе общих критериев в оценке труда и его результатов.

Между тем фактически отсутствует тесная взаимосвязь между эффектом трудовой деятельности жителей республик и получаемыми ими благами. Так, реальные доходы трудящихся Белоруссии за одиннадцатую пятилетку возросли на 13 процентов, трудящихся же Украины — на 14 процентов. Но при этом рост производительности труда в промышленности БССР составил 21 процент, в УССР — 15, в сельском хозяйстве соответственно — 42 и 21, в строительстве — 22 и 15 процентов. Ставится правомерный вопрос: «Кто возьмется объяснить, почему при такой разнице эффективности производства трудовые доходы населения выросли в большей мере на Украине?» (13). Еще выше был прирост дохода на душу населения в Грузии (на 20 процентов), хотя производительность труда в промышленности повысилась на 19 процентов, сельском хозяйстве — на 16 и в строительстве — на 18 процентов, что заметно меньше, чем в той же Белоруссии.

На «круглом столе» в газете «Правда» (октябрь 1988 г.) говорилось о том, что огромные регионы РСФСР к востоку от центра, часть Казахстана, Украины, обладающие богатейшими природными ресурсами, ставшие национальными кладовыми, одновременно являются регионами, обделенными в социальном отношении. Богатство подчас оказывается ловушкой, ибо подчинено одному: быстрее взять его. А люди? О них мало думают. Возникает потребительское отношение к человеческой личности. Появляется министерское, ведом-

ственное иждивенчество, которое часто выдается за иждивенчество отдельных республик. А этот перекос нередко ведет к перекосу межнациональных отношений.

И еще. В результате деформации цен национальный доход в регионах, где развиты добывающие отрасли, меньше, хотя люди трудятся в полную силу. Нам надо подумать и об этом. Взять, к примеру, Литву. Большую роль в экономике республики играет сельское хозяйство, и уже только поэтому республика становится «убыточной», ведь цены на продукты сельского хозяйства многие годы не повышались, а на технику, удобрения — росли. Да еще как! Литва мяса на одного жителя производит больше, чем в США. «Так какие же мы иждивенцы, когда так трудимся?» — говорит ректор Вильнюсского университета И. П. Кутилюс.

Приведем некоторые данные. В 1986 году среднемесячная зарплата рабочих и служащих в стране составила 195,6 рубля, в РСФСР — 207,8 рубля, в Белорусской ССР — 180,5 рубля, в Эстонской ССР — 221 рубль, в Армянской ССР — 184,5 рубля, в Молдавской ССР — 161,8 рубля, в Узбекской ССР — 165,9 рубля, в Казахской ССР — 192,7 рубля. Среднемесячная оплата труда колхозников составила по стране 163 рубля, в РСФСР — 179,6 рубля, в Белоруссии — 170,6 рубля, в Эстонии — 283,5 рубля, в Армении — 179,7 рубля, в Молдавии — 157,5 рубля, в Узбекистане — 129,7 рубля, в Казахстане — 173,0 рубля (14). При этом следует отметить, что доходы от приусадебных участков колхозников и рабочих Средней Азии и Закавказья несравненно выше, нежели аналогичные доходы жителей Новосибирской или Томской областей РСФСР.

Вот как выглядит даже такой относительный показатель, как средний размер денежных вкладов в сберегательные кассы. Средний вклад по стране составляет 1361 рубль, в РСФСР — 1354 рубля, в Белоруссии — 1188 рублей, в Эстонии — 1733 рубля, в Литве — 2122 рубля, в Армении — 1868 рублей, в Грузии 2013 рублей, в Туркмении — 1638 рублей (15).

Объем платных услуг на одного жителя в среднем по стране составляет 177 рублей, в РСФСР — 158 рублей, в Белоруссии — 150 рублей, в Эстонии — 238 рублей, в Латвии — 203 рубля, в Армении — 137 рублей, в Узбекистане — 87 рублей, в Таджикистане — 73 рубля, в Туркмении —

94 рубля. Иначе говоря, количество платных услуг в сфере быта на одного жителя в Туркмении, Таджикистане, Узбекистане в 2—3 раза ниже, чем в Прибалтике (16).

Нельзя не учитывать и того, что в последнее время такой показатель благосостояния населения, как объем товарооборота в государственной и кооперативной сети, в отдельных республиках повышался неодинаково. Так, с 1970 года по 1984 год разрыв между наименьшим приростом товарооборота (Латвийская ССР) и наибольшим его приростом (Узбекская ССР) увеличился примерно на 25% с учетом изменений в численности населения этих республик.

Сохраняются также определенные различия между республиками и в сфере социального обеспечения. Так, разница в медицинском обслуживании между Грузией и Таджикистаном в 1985 году составляла почти 27 врачей на 10 тысяч населения; аналогичная картина наблюдается в обеспечении больничными койками (на 53 пункта) между Латвией и Арменией.

В выступлении на XIX Всесоюзной конференции КПСС министр здравоохранения СССР Е. И. Чазов указал на необходимость срочного перехода на новые критерии и нормативы финансирования и планирования охраны здоровья населения, для решения на практике существующих проблем в этой области. Он подчеркнул, что в основе этих критериев должен быть установлен процент национального валового дохода, который идет на охрану здоровья, расчет всех финансовых показателей на одного жителя с коэффициентом поправки на региональные особенности.

В плане преодоления национальной несправедливости, видимо, надо тщательно проанализировать соответствие национальной и национально-государственной структур советского общества. Уже одно то, что народы в одном и том же статусе «нация» имеют разные формы государственности (и соответственно, разные возможности для дальнейшего развития, в частности, национальной культуры и т. д.) по истечении 70 лет всевозможных «выравниваний», должно стать предметом серьезных размышлений и реагирования.

Поэтому тем более острым является вопрос о территории тех или иных национально-государственных образований. Обращают на себя внимание, например, допущенные в 20-е годы ошибки в области национального размежевания. Район

Бухары, например, где проживает в основном таджикское население, был присоединен к Узбекистану; Нагорный Карабах, где проживает 75% армян, — к Азербайджану. Уже в 70-е годы в Нагорном Карабахе высказывались суждения о пересмотре этого вопроса, однако в тот период к имеющимся предложениям не прислушивались, а сейчас те же проблемы обострились. Собственно говоря, с 1956 года, когда Карело-Финская союзная республика была преобразована в Карельскую автономную, никаких серьезных изменений в вопросах совершенствования и регулирования форм национально-государственного устройства не было. В то же время с 1977 года усилился поток писем лиц немецкой национальности, проживающих в Казахстане, о создании их национальной государственности (около 9 тысяч немцев выехало в 1987 году в ФРГ против 6,5 тысячи евреев, выехавших в Израиль). Требуется своего решения и проблема крымских татар. Недавно возникла проблема советских турок, выселенных из приграничных с Турцией районов (правда, эта проблема уже решена).

В 60-х годах, когда были предприняты попытки заново пересмотреть границы наших республик (Крым еще в 1954 году из состава РСФСР был передан Украине), к Узбекистану были присоединены некоторые районы Казахстана. Соображения при этом были чисто экономическими — дать возможность монокультуре хлопка «захватить» земли традиционно скотоводческие. И тогда к застарелым проблемам присоединились другие — хозяйственные, экологические. В итоге и монокультура не смогла проглотить свой новый пирог, и животноводство пришлось в упадок. Пришлось, правда, уже без фанфар и митингов дружбы, тихо вернуть Казахстану земли.

Как сложна «перекройка» границ, свидетельствуют и такой факт. Простое уточнение границ между Арменией и Азербайджаном продолжалось без малого 60 лет: от материалов Закавказского ЦИК 1917—1929 годов до декабря 1987 года, когда, уточнив границу на протяжении 975 километров, республики окончательно передали друг другу: Армении — 3243 гектара, Азербайджану — 1604 гектара (17).

Территориальный вопрос — один из самых болезненных в решении национальных проблем. У каждого, даже немно-

гочисленного народа есть своя история, уходящая в глубь столетий, есть территория, на которой он сложился и развивался и которая по разным обстоятельствам сохранялась за ним не всегда или не полностью. Это могло произойти давно, но случалось и на нашем веку. И сегодня нам необходимо тщательно разобраться в этом вопросе. Другое дело, что надо решительно выступать против искусственного возбуждения национально-территориальных претензий.

В этом отношении велика роль перестройки политической системы, демократизации законодательных органов, принципов правового государства. Необходимо дальнейшее расширение прав союзных республик, всех автономных образований в стране на основе демократического разграничения прав и ответственности союзной и национальной государственности, усиления республиканской самостоятельности в сфере экономики, социального развития, окружающей среды с тем, чтобы каждая республика была хозяйном своей судьбы, а союзное государство — реальным гарантом ее свободного национального развития. Следует обеспечить повышение ответственности как республиканских, так и союзных органов управления за комплексное экономическое и социальное развитие региона. Важно отработать качественно новый характер взаимодействия местных органов управления с министерствами и ведомствами СССР, предприятиями союзного подчинения. В связи с этим нужно внести соответствующие изменения и дополнения в Конституцию СССР, Конституции союзных республик, другие законодательные акты Союза ССР и союзных республик.

Необходимо и дальнейшее совершенствование государственно-политической структуры страны в соответствии с возросшим за годы Советской власти экономическим и духовным потенциалом всех наций и народностей СССР и с учетом реальных потребностей национальных меньшинств в местах их компактного проживания, вплоть до создания новых автономных образований. На основе выделения специальных структурных подразделений в Советах народных депутатов снизу доверху мы должны создать надежный и гибкий механизм воплощения в жизнь ленинской национальной политики с целью эффективного демократического решения возникающих проблем развития наций и национальных отношений в стране, выработать юридические гарантии реализа-

ции новых демократических норм межнациональных отношений, имея в виду претворение в жизнь принципа учета мнений, интересов и потребностей всех национальностей при решении общесоюзных и общереспубликанских проблем.

Например, на первое января 1987 года в Верховном Совете СССР было представлено 63 национальности, в Верховных Советах союзных и автономных республик — 73, во всех местных Советах народных депутатов более 100. Вроде бы национальное равенство налицо. Но обращает на себя внимание то, что в Совете Национальностей не представлены такие национальные группы, как немецкая (2 миллиона), польская (около 1 миллиона), венгры (300 тысяч), корейцы (около 400 тысяч), численность которых подчас значительно больше малых народностей. Между тем в Совете Национальностей представлены ханты (около 6 тысяч), манси (21 тысяча) на том основании, что у них есть национальная государственность. А миллионы представителей национальных групп представлены лишь в Совете Союза, но не в Совете Национальностей.

Вне поля зрения оказались и различные, главным образом дисперсные национальные группы, так называемые национальные меньшинства. Между тем именно по отношению к ним В. И. Ленин прозорливо требовал быть архивнимательными. Но, увы, не ему принадлежало здесь последнее слово. Это выразилось, в частности, в ликвидации национальных районов и национальных сельсоветов, которых в начале 30-х годов насчитывалось более 5 тысяч.

Наблюдаются, к сожалению, случаи искусственного стирания национальных особенностей тех или иных национальных групп, форсирование их ассимиляции с коренной нацией республик. Как правило, они сочетаются с искусственным раздуванием национальных особенностей коренных наций. Эти факты противоречат ленинской национальной политике, также служат источником оживления проявлений национализма и шовинизма. В Азербайджане, например, в 70—80-е годы азербайджанцами были объявлены лица талышской национальности, еще ранее — в Грузии — грузинами стали фасы. Причем это была не естественная ассимиляция. Еще в резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу

говорилось: «...Поскольку же эти пережитки превращаются в местный шовинизм, направленный против слабых национальных групп в отдельных республиках, прямая борьба с ними является обязанностью членов партии. Поэтому борьба с националистическими пережитками и прежде всего с шовинистическими формами этих пережитков является третьей очередной задачей нашей партии» (18).

Выходит, что написанное еще в 1921 году приобрело особую актуальность и в наши дни, когда мы просмотрели возрождение опаснейшего рецидива — наступательного шовинизма внутри самих национальных республик.

Вообще исследователи уже давно отметили такой парадоксальный факт: в 20-е годы мы, по-видимому, гораздо лучше знали этнический состав населения страны, чем сегодня. В 1926 году перепись населения выявила 194 этнические единицы. Но в дальнейшем, хотя многие из этих народов и национальностей групп продолжали существовать, большинство из них исчезло из официальной статистики. В 1939 году число официально зарегистрированных народов сократилось в три раза — до 62. Затем за двадцать лет (с 1939 по 1959 г.) оно неожиданно увеличилось до 109. По переписи 1979 года, в стране числился 101 народ. Оказывается, в угоду волевым политическим установкам на «неуклонное сближение» и «досрочное слияние» из официальных справочников исчезло более 80 этнических общностей, и сегодня мы точно не знаем, сколько проживает в нашей стране наций и народностей (19). Следует надеяться, что более точный материал даст перепись населения 1989 года. Ведь точное знание — залог правильного решения.

Необходимо иметь в виду, что сегодня все республики стали многонациональными по своему составу — более 60 миллионов советских людей, то есть 20% населения всей страны, живет не в «своих» республиках. Для них нужно создать четкий правовой механизм, который бы не допускал нарушений тончайших граней в сочетании национального и интернационального. Поэтому требует внимания и обсуждения вопрос о создании в Верховных Советах республик своих Советов Национальностей, которые бы представляли интересы всех народов, проживающих в этих республиках.

Читатель должен был обратить внимание, что в конце этой главы мы вернулись к тому, с чего начали — к необходимости реформы политической системы и хозяйственного механизма. Только вернув стране полновластного хозяина, мы вернем стране подлинного патриота. Нам предстоит вернуть все цепное, собрать буквально по крупицам все, что накоплено за последние годы, что подсказывает передовая практика, да и теоретическая мысль.

Трехлетний (после событий в Алма-Ате) опыт в Казахстане свидетельствует о том, что своевременное решение назревших проблем экономического, социального, культурного развития благотворно влияет на рост национального самосознания, преодоление национальной ограниченности, укрепляет интернационалистические и патриотические чувства трудящихся. Понимая все это, ЦК КПСС признал необходимым подготовить предложения о внесении изменений и дополнений в действующее советское законодательство, регулирующие вопросы межнациональных отношений. В том числе по таким проблемам, как совершенствование советской социалистической федерации, дальнейшее развитие правового статуса союзных и автономных республик, автономных областей и автономных округов, более четкое разграничение компетенции Союза ССР и союзных республик; расширение правовых гарантий в реализации национально-культурных запросов советских граждан, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих таковых, усиление ответственности за разжигание национальной розни, за проповедь расовой или национальной исключительности.

Намечены меры, связанные с подготовкой проекта закона СССР о свободном развитии и равноправном использовании языков народов СССР; новой редакции закона о гражданстве СССР; предложений о внесении соответствующих изменений в Конституцию СССР, Конституции союзных и автономных республик. Изменения и дополнения должны коснуться также новых функций Совета Национальностей Верховного Совета СССР; порядка образования при необходимости в любых Советах народных депутатов постоянных комиссий по вопросам межнациональных отношений.

СВЕТ И ТЕНИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Выше мы рассмотрели большей частью объективные причины националистических проявлений. Вместе с тем негативные явления в национальной сфере связаны и с субъективными факторами, и прежде всего с серьезными просчетами в осуществлении ленинской национальной политики. В этой главе мы выделяем несколько разделов, в которых будут проанализированы ошибки в вопросах теории национальных отношений, в подборе кадров, в сфере развития национальной культуры и т. д.

Теоретические заблуждения и просчеты

К числу причин существования националистических пред-
рассудков относится и определенный застой в общественных науках, догматизм в научном познании, явно недостаточная научная проработка методологических и практических аспектов преодоления национализма, причин его консервации в условиях социализма. Выступая на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, М. С. Горбачев подчеркнул: «В большом долгу перед практикой национальных отношений находится наша теоретическая мысль. Я имею в виду явно недостаточную проработку вопросов национальной политики, соответствующей современному этапу развития страны. Ведь это же факт, товарищи, что вместо объективных исследований реальных явлений в сфере национальных отношений, анализа действительных социально-экономических и духовных процессов — очень не простых и противоречивых в своей сущности — некоторые наши обществоведы долгое время предпочитали создавать трактаты «заздравного» характера,

напоминающие порой больше прекраснотушные тосты, чем серьезные научные исследования» (1).

Характерен такой факт. Институтом социологических исследований АН СССР был проведен специальный контент-анализ содержания 240 публикаций по теоретическим проблемам национальных отношений, вышедших в свет в 1977—1982 годах. Авторы почти $\frac{2}{3}$ трудов лишь упоминали о пережитках национализма и шовинизма в сознании людей в условиях социализма. Подавляющее же большинство авторов вообще не учитывало возможности развития в современных условиях негативных явлений, в том числе и в сфере национальных отношений (2). Как отмечалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, негативные явления, «их проявления оставались в тени, и говорить о них не было принято. Это привело к отрицательным последствиям, с которыми сейчас приходится иметь дело».

По существу, проблемами национальных отношений при социализме в научном плане занимались схоластически, сводя всю остроту вопроса к общетеоретическим рассуждениям, спорам по поводу отдельных дефиниций, рассуждениям о до-вольно произвольно выбранных, подчас мифических носителях национализма. То есть речь шла не об исследовании глубинных процессов, способных привести к печальным последствиям, а к объяснению националистических проявлений как единичных, нетипичных, словом — не опасных, преодоление которых не представляет никакого труда.

Наш подход к проблемам интернационального и патриотического воспитания носил в известной мере абстрактный характер, не содержал достаточной расстановки акцентов в толковании интернационального и национального, их взаимодействия, в понимании подлинно пародного и отжившего, реакционного.

Воспитание непримиримости к национализму базировалось исключительно на просветительском подходе, без глубокой проработки долговременных подрывных акций противника на дестабилизацию социализма, без учета того, что сфера межнациональных отношений в СССР все более и более превращалась на Западе в ударное направление идеологической диверсии.

Сказалась пассивность, позиция невмешательства, запущенность в политическом воспитании, что не могло не отра-

зиться на низкой эффективности идеологической работы, понижении ценностных ориентаций трудящихся.

Одной из причин сложившегося положения является прежде всего трактовка национальных отношений как уже почти решенных. Из нашего лексикона постепенно исчезали такие слова и понятия, как «национализм», «борьба против феодально-байских пережитков». Говорить о них считалось попросту неприличным. Словом, многие негативные явления вольно или невольно не замечались, а порой и игнорировались.

В среде ученых, специализирующихся по данной проблематике, были и попросту ошибочные суждения — своеобразная «теория» денационализации, затухания, упразднения советской национальной государственности, утверждения о якобы уже происходящем в условиях социализма слиянии наций, о существовании или об образовании в ближайшей перспективе «единой советской нации» и т. д. Все это способно вызвать и порой вызывало обеспокоенность, а то и националистические чувства и взгляды.

И еще одно соображение. Увлечение разработкой разного рода дефиниций, чем, к сожалению, мы все грешили, отражало тенденцию к тому, что теоретические аспекты проблемы зачастую выглядели как «вещь в себе», а не как средство решения задач практики. Важность поворота теории к нуждам практики обострилась в современных условиях, когда речь идет о необходимости ликвидировать разрыв между словом и делом. Отсюда острая необходимость восстановить основательно подорванный за годы застоя научный авторитет общественников, реализовать социальный заказ партии по глубокой научно-теоретической проработке современных национальных процессов.

При этом важно, на наш взгляд, максимально использовать накопленный ранее опыт, в частности, прирост научных знаний за прошедший период с тем, чтобы при ломке устоявшихся представлений не отбросить наши позитивные достижения, в частности, в разработке теоретических, методологических аспектов критики национализма. Я пришел в науку в середине 60-х годов, когда довольно активно стали прорабатываться проблемы национальных отношений, научной критики буржуазного национализма. Вскоре к признанным авторитетам добавилась тогдашняя молодая поросль,

внесшая свой вклад в разработку теории нации и национальных отношений. Усилилась интеграция наук в этой сфере с одновременной ее дифференциацией, проводилась координация научных исследований под эгидой Института философии АН СССР. Однако уже в середине 70-х годов эта положительная тенденция стала как бы пробуксовывать. Стала утрачиваться и философская направленность исследования вопросов национальных отношений, усилилась дифференциация наук на основе разного понимания существа общих и специальных проблем национальных процессов. Тем не менее в 60—80-е годы были разработаны ряд рекомендаций по активизации интернационально-патриотического воспитания, воспитанию непримиримости к национализму, было вычленено место и роль интернационального воспитания в системе коммунистического воспитания, осуществлены попытки обособить его систему. Плодотворно работали ученые и в национальных республиках, анализируя проблемы развития отдельных наций и народностей, хотя их работы издавались на национальных языках и не имели всесоюзной аудитории.

Однако теоретические разработки ученых не были взяты на вооружение практикой. Возможно, оказалась недостаточной настойчивость самих ученых. Но дело все же в другом. Как справедливо указывает редакция журнала «Вопросы философии», в условиях жесткого политического и идеологического прессинга административно-командной системы живая теоретическая мысль оказалась задвинутой на задворки научной жизни. Потому недостатки и просчеты в разработке теории национальных отношений объясняются в первую очередь давлением на науку бюрократической системы — источника догматизма и застоя в области общественной мысли. В. Ж. Келле по этому поводу замечает: бюрократия не нуждается в науке, адекватно отражающей реальное положение дел. Для командной системы характерно стремление все решать с помощью различного рода готовых инструкций. Такой тип управляющей деятельности и общественную науку подчиняет выработанным этой системой установкам и инструкциям, которые она должна оправдывать и обосновывать, выдавая за действительность лишь то, что соответствует инструкциям (3).

К этому добавим, что до наших дней для исследований закрыта соответствующая статистика. Как можно судить без

нее о реальном положении дел в национальных и межнациональных отношениях? Например, сколько дает та или иная республика стране и другим республикам и сколько берет от них? Данные — приблизительны. Отсюда приблизительность выводов без точного учета реально существующих проблем и противоречий экономического, социального, духовно-культурного развития национально-государственных образований, тех или иных регионов. Отсюда полуправда, задранные клише, порой поверхностность, штампы, оперирование не фактами, а «голой идеологией».

Если бы наши идеологические институты не были отучены прогнозировать, видеть возникающие проблемы в зародыше, можно было бы снять напряжение, накапливавшееся на протяжении лет в ряде республик. Для этого надо отделиться от умозрительных схем, самоуспокаивающих и самооправдывающих догм, которые отстоялись в 70-х — начале 80-х годов. Все было радужно, все празднично-плакатно, за пиршеским столом народов звучали лишь тосты, один красивее другого. «Полное и окончательное решение национального вопроса в СССР» подкреплялось радостной статистикой — количеством межнациональных браков, снижением численности разноязычного населения города или среди работающих в данном коллективе.

Появилась, скажем, своеобразно понимаемая деликатность, сводящаяся к замалчиванию острых вопросов национальных проблем, реально существующих и довольно острых противоречий, о чем напомним нам события в Якутии и Алма-Ате, Прибалтике, Армении и Азербайджане. Они обнажили и наши просчеты в теории, и серьезные провалы в интернационально-патриотическом воспитании, и недооценку развития национального, и упрощенное понимание соотношения национального и интернационального.

Между тем перестройка заставила ощутить, сколь сильно не хватает действенной, практической отдачи общественных наук, в особенности — прикладных рекомендаций, ориентированных на конкретные вопросы социальной сферы, политической системы, культуры, межнациональных отношений. Собственно говоря, партийные документы последних лет — это истинный призыв к размышлению, творчеству, самостоятельному научному взгляду, осмыслению идущих в обществе процессов, характера новых подходов.

Ныне в печати, научной литературе шире стали освещаться различные позиции по теоретическим и практическим проблемам национальных отношений, критики национализма. И это, конечно, хорошо, соответствует духу социалистического плюрализма. Но здесь важен именно социалистический плюрализм, в основе которого должно быть положение В. И. Ленина: «Мы не хотим приспособлять социализм к национализму». Иными словами, социалистический плюрализм должен преследовать цель устранять все то, что ведет к разобщению советских людей, к разведению их по «национальным» квартирам. Как подчеркивается в решении Политбюро ЦК КПСС от 13 октября 1988 года, главное состоит в том, чтобы добиться подлинной гармонии советской федерации на принципах взаимопомощи и братства, социалистического интернационализма, полного учета интересов каждой нации и народности, добиться того, чтобы каждый человек, независимо от своей национальности, чувствовал себя в любом уголке нашего Отечества как дома. В современной национальной политике приоритет должен отдаваться чуткости, вниманию, максимальной поддержке всего прогрессивного в национальном развитии, будь то проблемы языка, культуры или социально-экономические вопросы.

Конечно, национальные процессы (вследствие их сложной природы) могут восприниматься отдельными людьми и даже социальными группами в идеализированном, искаженном виде, в результате — абсолютизируется либо национальное, что порождает националистические настроения и взгляды, либо интернациональное, что обуславливает национальный нигилизм, космополитизм. Поэтому есть две важные стороны политики в этой области — избежать национального нигилизма, с одной стороны, и проповеди национальной исключительности, с другой.

Не способствуют воспитанию высокой культуры межнационального общения встречающиеся еще попытки выискивать проблемы там, где их нет. Речь идет, в частности, о навешивании ярлыка «национализм» на такие явления (действия), которые не имеют никакого отношения к национализму в его «классическом» проявлении. Так, например, квалифицировали дискуссию в Эстонской ССР о целесообразности разработки в республике фосфоритных месторождений. Ретивые чиновники не прочь были порассуждать на тему

о националистических проявлениях и по поводу выступлений латышской общественности в связи с нецелесообразностью строительства Даугавпилсской ГЭС. В принципе подобный подход является удобным поводом для того, чтобы отмахнуться от реальной жизни, от мнения общественности, но он же способствует возникновению недовольства, ажиотажа вокруг национальных проблем. Налицо проявление политического бескультурья, что, как правило, порождает нарушения социальной и национальной справедливости.

Повышенная национальная чувствительность преодолевается не зачислением ее в разряд националистических проявлений с соответствующими выводами, а серьезной разъяснительной работой, снятием «перекосов», воспитанием навыков высокой культуры межнационального общения. Видимо, надо по-деловому, с учетом местных потребностей решать вопросы культурно-исторической среды, облика, скажем, старой Риги, ее будущего. Во всяком случае, не драматизировать проблему строительства метро в Риге, когда предложения о нецелесообразности такового в городе вновь-таки рационализуются как националистические выступления. Национальные отношения имеют ряд действительно острых «болевых точек», на решении которых и нужно сосредоточивать наши усилия, а не искать надуманных «врагов» и потом «решительно» с ними бороться.

Недостаточен, ограничен и даже ошибочен прежний подход к патриотизму. Недавно еще можно было встретить утверждения о «мелкобуржуазном», «буржуазном» или «пролетарском» патриотизме. При этом считалось, что «рабочий класс, революционный пролетариат куда патриотичнее мелкой буржуазии, но по-своему, интернационалистически патриотичен» (Ю. Суровцев). Подобная позиция приводила к тому, что полностью отрицалась какая-либо самооценность патриотизма, а в нем изыскивались только классовые корни.

Ошибка такой позиции в том, что понятие «патриотизм» связывается только с классом, между тем как это понятие может быть связано прежде всего с Отечеством. Патриотизм — это любовь к Отечеству. Еще В. И. Ленин писал, что патриотизм «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств». Это чувство свойственно «широким массам трудящихся» (4).

Очевидно, сторонники только классового подхода к пат-

риотизму не поняли ленинской характеристики его как одного из наиболее глубоких чувств. Как можно дать классовую оценку чувству? Они идут от сознания, тогда как в основе патриотизма лежит именно чувство, которое может быть и неосознанным, безотчетным. Конечно, классовая принадлежность влияет на само чувство любви к Родине. Например, у социальных верхов его может и вообще не быть. У пролетариата в капиталистическом обществе оно ослаблено потому, что его труд до последней степени отчужден и он не является хозяином собственного положения, а значит, ослаблены и связи с землей, на которой он живет. И получается, что более всего чувство патриотизма в классовом обществе свойственно мелкой буржуазии и крестьянству, труд которых не является отчужденным, и они крепче всего связаны с землей, на которой живут.

Очень часто можно встретить сопоставления патриотизма и национализма. Когда это делается эмоционально, понять можно, но когда такие сопоставления делают специалисты, облеченные учеными степенями, — это вызывает удивление. Ведь, повторим, патриотизм — это не только любовь к нации, а любовь к Отечеству, то есть в основе своей он связан с землей, территорией, на которой проживает народ. Патриотизм может объединять и разные нации и народности.

Отечество не совпадает с нацией ни хронологически, ни территориально. В нашей литературе существует такое мнение, данное в книге «Марксизм-ленинизм о войне и армии»: «Отечество — это исторически сложившаяся общность населения той или иной страны (одного или нескольких народов, наций), включающая данную социальную, политическую и культурную среду, язык и территорию, на которой искони проживает народ (народы)» (5).

Если же мы положим в основу характеристики патриотизма только класс или только нацию, то как быть тогда с советским патриотизмом, который не имеет ни однозначного классового, ни однозначного национального содержания?

Между тем советский патриотизм на новом этапе развития отражает в себе сложные сочетания социально-политического, интернационального и национального. Он наполнен социалистическим, интернационалистским содержанием. Со-

ветский патриотизм проявляется в интернационалистском чувстве общесоветской гордости и любви к Советской Родине, в гражданской активности, направленной на кардинальную перестройку советского общества и сознание личной ответственности за ее судьбы.

К сожалению, в некоторых работах личность советского патриота рассматривается как идеальная модель, состоящая из набора только положительных качеств («беспредельная любовь к Родине», «преданность коммунистическим идеалам», «постоянная готовность защищать интересы Отечества»), лишенная каких-либо живых противоречий. Такой подход заслоняет сложности диалектического процесса формирования патриотического сознания в условиях совершенствования социалистического общества.

Каждый народ, большой или малый по численности, обладает здравым смыслом, чувством самосохранения и сочетается в своем сознании национальное и общечеловеческое видение мира, помогающее ему признать священное право другого народа, соседа или живущего на другом материке, на достойное существование и благополучие. Лишь бы идеологические институты не «плелись» в хвосте событий, когда единственной реакцией на любое проявление национального сознания вновь, как и раньше, становятся обвинения в экстремизме, запретительство и угрозы применить силу закона. Закон, вне сомнения, надо применять к злоумышленникам, но те, кто ищет пути к подлинному, а не показному интернационализму, имеют право быть выслушанными (Т. Пулатов).

Стремительный и впечатляющий рост национального самосознания — реальный и огромной важности факт нашей советской действительности. Этот рост стал возможен благодаря социально-экономическому и культурному подъему каждой из наций, обязанной своими успехами не только себе, но и всему содружеству республик, духовным богатствам страны. Формирование развитого национально-исторического самосознания — это не региональное явление, это новая ступень духовной зрелости всего нашего многонационального общества, это завоевание социализма, а не его просчет или промах. Нивелировка, бездумная «интернационализация», унификация — вот что могло бы быть величайшим просчетом и глупостью социализма.

Но одновременно хорошо бы, наверное, помнить, что становление и развитие самосознания — нации или отдельного человека — не застраховано от «болезней роста», в том числе опасных: чрезмерного самомнения, претензий на исключительность, отказа от здоровой, критической самооценки.

Оживление, скажем, националистического высокомерия вполне может быть побочным продуктом расцвета национальной жизни. Проявление националистического чванства особенно присуще ранее отсталым народам. И причина этого не только в пережитках прошлого. Развитие национального самосознания является закономерным результатом экономического и культурного прогресса народов. Невысокая эффективность интернационального воспитания может привести к появлению у тех или иных лиц той или иной национальности определенных националистических предрассудков. Люди, пораженные вирусом национализма, подменяют социалистический патриотизм местничеством, национальную гордость — национальной кичливостью и зазнайством. Успехи своей нации они объясняют какой-то ее особой природной одаренностью. Свои рассуждения они маскируют национальной одеждой, а себя представляют защитниками национальных интересов.

Национальный эгоизм находит, например, свое отражение и в теории «этноэкономического комплекса», согласно которой нельзя якобы отрывать молодежь от некоторых районов страны, от родной экологической и этнической среды для работы в других регионах страны. Нетрудно понять, что такие суждения противоречат интернациональным традициям нашего общества, по сути, закрепляют национальную обособленность.

Сегодняшний день поставил множество проблем, острота которых не снижается, а нарастает. В них наши прошлые и нынешние недоработки, а нередко и однолинейное понимание процессов живой жизни наций и народностей, недостатки анализа тех или иных реальных явлений в развитии национального самосознания. Во всяком случае, любой вопрос, где бы он ни возникал, мы должны видеть во взаимосвязанном контексте общественной жизни, рассматривать с широкими партийными и общегосударственными позиций, а если требуется, то и идти на необходимые компромиссы.

Националистические шатания, отступления от принципов

социалистического интернационализма в хозяйственно-организаторской и идеологической работе являются помехой на пути перестройки общественной жизни, наносят существенный вред укреплению интернационального существа.

Например, в журнале «Знамя» (1988, № 1) утверждается, что территориальный принцип в сфере национальных отношений исчерпывает себя, становится в иных случаях тормозом, и поэтому предлагается создание на хозрасчетных началах «национальных землячеств» в городах, районах, областях, республиках. «Весьма полезна, на мой взгляд, — пишет один из авторов, — культурно-национальная автономия».

В этой позиции авторов журнала просматривается линия не на объединение, а на разъединение наций, разведение их по «национальным квартирам». Всем известно, что еще В. И. Ленин резко осудил «культурно-национальную автономию», которая, по его мнению, отражала стремление «уплотнить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный, национализм» (6). И вряд ли пужно говорить о надуманности и ненужности такой перестройки в существующей системе национальной государственности.

Следует также помнить, что идея «культурно-национальной автономии» поддерживается прежде всего сионистами. Просионистские элементы в нашей стране разработали рекомендации о создании домов, улиц, кварталов по национальному признаку, об образовании «еврейской ассоциации для борьбы с антисемитизмом». Вполне естественно, что в московской печати авторам этой идеи был задан такой вопрос: не станет ли эта ассоциация «чем-то вроде печально знаменитой, агрессивной и не брезгующей никакими средствами лиги защиты евреев, действующей в США»?

До сих пор продолжают споры о сущности национализма. На «круглом столе» в журнале «Вопросы философии» (1988, № 9) было высказано мнение о том, что в условиях социализма существует не только национализм, как архаичный, консервативный феномен, так сказать, национализм со знаком минус, но и национализм позитивный, так сказать, со знаком плюс, ибо он, выражая охранительную функцию — биологического и культурного выживания этноса, — направляет против деформаций социализма, преследует цель

обновления, совершенствования национальных отношений, а следовательно, социалистического союза наций. Обществе-
ды в этой связи обвинялись в непонимании положительности
этой «разновидности» национализма, так сказать, «перестро-
ечного» по своему духу национализма.

Я подумал было, что речь идет о возрождении в наши
дни положений дискуссии 60-х годов о «добром» или «гуман-
ном» национализме, дескать, существующем в определенных
республиках, и о «злом» или «негуманном», присущем наро-
дам других республик. Однако речь идет о другом — о не-
точностях, допущенных автором вышеназванной гипотезы.
Под «оборонительным национализмом», по существу, пони-
маются здоровые, естественные национальные чувства, кото-
рые кое-где оценивали как националистические. Думается,
что эта расширительная трактовка национализма не может
быть взята на вооружение даже на уровне рабочей гипотезы.
Другое дело, что существует возможность, даже опасность,
перерастания, скажем, национального сознания в национали-
стическое, патриотического сознания — в национально огра-
ниченное, региональных проявлений патриотизма — в мест-
ничество.

Здесь есть одна важная проблема — поработать над ме-
тодологическим осмыслением тех явлений, с которыми мы
сталкиваемся в области современных национальных процес-
сов, в частности над участвовавшими националистическими
проявлениями, попытками сеять межнациональную рознь
и т. п. В. А. Лазутка справедливо пишет: нельзя не видеть
и того, что национализм и шовинизм в настоящее время уси-
ленно ищут социальной опоры в массах, пытаются использо-
вать в своих националистических интересах такие вновь
возникающие массовые движения, как «Народный фронт»
в Эстонии или «Движение в поддержку перестройки» в Лит-
ве. Интересы социализма, интересы сохранения единства
Страны Советов и дружбы народов требуют изоляции лю-
бых националистических сил от этих прогрессивных массо-
вых движений за революционное обновление советского об-
щества. Примечательно в этой связи еще одно соображение
того же автора — сегодняшнее усиление националистических
шатаний в ряде регионов страны явилось прямым следствием
недостаточности полновесной социалистической демократии,
которую партия не укоренила своевременно как в целом

в нашем общественном бытии, так и в межнациональных отношениях. Антидемократизм ведь непосредственно связан с национализмом, что история подтвердила не раз (7).

Казалось, с этим, в общем-то, ясно, но вот появились утверждения о том, что негативные явления последнего времени, проявившиеся в сфере национальных отношений, это вовсе не национализм, а лишь обострение проблем, связанных с многонациональной спецификой страны, причем обострение, принявшее нездоровый характер. Значит, полагают некоторые авторы, «национализма как такового у нас вообще нет, а есть проблемы в области национальных отношений, то есть явление качественно различное национализму» (8).

С последним, разумеется, можно согласиться: национализм никогда не имел никакого отношения к здоровым национальным чувствам, являясь их извращением. Но в остальном — позиция неверна. Деформации в сфере национальных отношений, это, в общем-то, причина, но должно быть и следствие, соответствующее реагирование на эту причину — в позитивном, так сказать, плане, с пониманием сложившегося положения и желанием его преодолеть или в плане обострения ситуации, спекуляций на национальном начале, что и выливается в националистические проявления.

Что проявилось, скажем, в Армении и Нагорном Карабахе? Имеют ли эти события националистический пафос? При вышеприведенной характеристике вроде нет. Можно все свести к озлобленности, может быть, коллективной, с помощью которой нельзя решать любые, в том числе национальные проблемы. А куда деть проявления национально-эгоистического высокомерия и упрямства? Обострение, разжигание и ожесточение конфликта? Нагнетание душевной, раскаленной вражды и жестокого противостояния? Национальная неприязнь и вражда — это разве не национализм?

Выше уже говорилось о неправомерности расширительного толкования самого понятия «национализм». Но не следует и слишком суживать это понятие. В опубликованной в газете «Правда» статье А. Турсупова (Душанбе) высказывается соображение, что под национализмом следует понимать лишь явление, имеющее «определенный логический признак» — «признание национальной исключительности и вытекающее

из нее противопоставление данной нации другим». При этом автор подчеркивает, что именно так понимал этот феномен В. И. Ленин. В самом деле, говоря о националистических предрассудках, Ленин сводил их содержание к признанию своей нации «образцовой нацией» (Маркс) или «нацией, обладающей исключительной привилегией на государственное строительство» (9). Однако здесь есть один нюанс, который не учтен автором. В вышеприведенных оценках В. И. Ленина речь идет о такой разновидности национализма, как шовинизм. Между тем существует и ленинская градация носителей национализма на национал-реакционеров, национал-либералов и национал-демократов. Он определял наличие разных форм национализма — «черносотенный», буржуазный, либеральный, мелкобуржуазный. При этом Ленин указывал на то, что марксисты-ленинцы «все усилия прилагают, чтобы дать отпор *всякому* национализму, как грубому, насильственному, черносотенному, так и самому утонченному, проповедывающему равноправие наций *вместе... с раздроблением* рабочего дела, рабочих организаций, рабочего движения *по национальностям*» (10).

Местнический и региональный национализм проявляется не всегда в виде национальной исключительности, но и в форме национальной замкнутости, изоляционизма, национальной узости и других видов обострения национальных чувств за счет гипертрофизации национального.

Еще большее удивление вызывает мнение автора, что национальные обиды могут вызвать в нашей стране оборонительный национализм. Видимо, не следует путать национализм с защитой национальных интересов, ведь национализм — это извращенное, гипертрофированное представление о коренных интересах той или иной нации. Использование термина «оборонительный национализм» волею или неволею ведет к оправданию самого национализма. Ведь оказывается, что несправедливое отношение к той или иной национальности делает и при социализме правомерным ее национализм (оборонительный, местами, как говорится в статье, наступательный). Между тем этот феномен сам автор определяет как признание исключительности своей национальности и ее претензий на привилегии за счет других национальностей.

В резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции «О межнациональных отношениях» подчеркивается: «Жизнь убедительно показала: там, где обескровливается практика советского патриотизма и социалистического интернационализма, начинают активизироваться *национальная ограниченность и шовинистское чванство* (выделено мной. — Ю. Р.). Борьба с этими уродливыми отклонениями, устранение порождающих их причин — гражданский долг каждого советского человека. *Всякие действия, разобщающие нации и народности* (выделено мной. — Ю. Р.), попытки ущемления прав граждан любой национальности пужно рассматривать как нравственно неприемлемые и противоречащие интересам Советского государства». И далее: «В духе ленинской традиции следует бороться прежде всего со «своим» *национализмом и шовинизмом* (выделено мной. — Ю. Р.), и делать это должны в первую очередь представители соответствующей национальности» (11).

В силу изложенного вряд ли приемлемы, на наш взгляд, предложения не включать в конкретные виды, формы национализма такие явления, как местничество, восхваление архаических бытовых, родовых обычаев и обрядов, отказ от принципа партийности при освещении вопросов культуры... Полагают, например, что национальная ограниченность — это еще не национализм. Столь же далеко от национализма и этническое предубеждение. Последнее — не более как произвольная социально-психологическая установка.

Что можно сказать по этому поводу? Мы не всегда учим, что в наши дни националистические рецидивы выступают подчас, так сказать, не в «чистом виде», то есть не в чисто национальной сфере. Они своеобразно трансформируются и проявляются при решении хозяйственно-бытовых, образовательных, религиозных и даже спортивных проблем. Эгоизм, самодурство, бюрократизм, поддержка подхалимов, зажим критики, взяточничество, спекуляция могут способствовать оживлению и возрождению националистических проявлений и паоборот. Ошибки в проведении кадровой политики партии, забвения принципа одинакового подхода к кадрам всех национальностей могут повлечь за собой ответное недоверие.

Сами же проявления национальной ограниченности

отноюдь не безопасное явление. Они сужают социальный и духовный горизонт личности, деформируют ориентацию на патриотические и интернационалистские ценности социалистического образа жизни, делают человека восприимчивым к буржуазной идеологии. Национальная ограниченность является серьезным препятствием для реализации возможностей социалистического развития. Видимо, процесс ликвидации «обособленности и заскорузлости» более длителен, чем мы предполагали, и потому мы не занимались в достаточной степени этими проблемами в научном плане.

Национализм может порождать и неверный подход к истории. Более того, как показывает жизнь, некритическое отношение к прошлому стало самой удобной и потому самой распространенной формой выражения национальной кичливости, проникающей в литературу и искусство, а также в отдельные научные работы по истории.

Нездоровый интерес вызвала книга «Родоплеменной состав и расселение казахов», изданная в 1968 году в Казахстане, в которой в различных формах художественного творчества (в стихах, прозе, песнях) искажалась история, в приукрашенном виде изображался кочевой образ жизни. Осуществлялись также попытки взять под защиту националистических деятелей прошлого, реакционное движение во главе с Кенесары Касимовым. Недооценивалось прогрессивное значение добровольного присоединения Казахстана к России.

Искажение исторической правды, отход от партийно-классовых позиций наблюдался в литературном творчестве писателей Грузии, Армении, Казахстана и других республик. В идеалистических тонах представлялись цари, князья, военачальники и служители культа. Журналы «Литературная Армения» и «Литературная Грузия» вели бессмысленный спор: «Чей царь был лучше?»

К сожалению, не всегда лучший пример демонстрируют ученые Азербайджана и Армении, перетягивающие канат в доказательствах об историческом первородстве. К чему, например, Фариде Мамедовой в изданной в 1986 году Институтом истории Академии наук Азербайджана монографии для утверждения явно неверной версии предостерегать от «переоценки сведений античных авторов» Плиния, Аппиана, Диона

Кассия, Плутарха, Помпея, ибо «информация их носила случайный, противоречивый характер и могла быть неточной». К чему, например, хачкары, священные для армян со времен средневековья кресты-камни, объявлять ритуальными атрибутами чуждой армянам материальной культуры? Грешат антинаучностью, националистическими вывертами и некоторые ученые круги в Армении. Все это убеждает лишь в одном: «логика» взаимного поношения иррациональна, она разобщает народы.

К числу условий, способствующих появлению и муссированию негативных явлений, относится также недостаточное знание исторической правды, исторического прошлого национальных республик представителями самых различных национальностей, что создает питательную почву для экстремистских элементов, националистически настроенных лиц, пытающихся навязать свои ущербные трактовки массам, спекулировать, кстати, и на недостаточной разработанности этих вопросов в исторической науке. Недостаточное знание прибалтийской молодежью событий 40-х годов, подлинной истории своих республик, недостаточное знание той же истории молодежью Украины, равно, как и вопросов истории вхождения Казахстана в Россию и других, конечно, не способствует формированию высокой культуры межнациональных отношений, может вызывать и подчас вызывает нездоровые настроения, националистические суждения о том или ином периоде истории нашей многонациональной Родины.

История Советского государства, его культуры — это общая история народов нашей страны, но также непременно история каждого вошедшего в Советский Союз народа, его культурного и политического обновления. Русский народ не нуждается в том, чтобы из уважения к нему в учебниках истории смягченно и глухо говорилось о колониальной политике царизма на национальных окраинах, о его карательных акциях, не имеющих к самому русскому народу никакого отношения.

А ведь сегодня опять начинают возрождать и насаждать модное в 20-х годах мнение о России как «тюрьме народов», в котором главным «тюремщиком» был русский народ. Между тем в ленинском понимании превращение России в «тюрьму народов» связано не с расширением границ, а с торжеством крепостничества и усилением самодержавного произвола:

И заключенным с самым строгим режимом в этой тюрьме был прежде всего сам русский народ, над которым крепостнический и бюрократический гнет был наиболее несиосим.

Обращает на себя внимание и такое преподавание истории союзных республик, когда, скажем, при изучении истории в средних школах Казахстапа школьники узнавали про-шлое Греции, Рима, Западной Европы и Америки, и, конечно, России. Но из истории казахов — ни одного имени, ни одного события... (12).

«Известия», например, опубликовали материал о том, что в школах Литвы нет последовательного изучения курса истории республики. Почему — никто, пожалуй, толком не ответит. Несколько десятков часов, разбросанных по программам разных классов, представления о том, какими непростыми путями-дорогами развивалась Литва, не дают. И вот, видимо, чтобы «не пугать» племя молодое, составители решили начать историю с удобных дат — с 1917 и 1940 годов (13).

К сожалению, в исторической литературе многие факты далеко не простой этнической истории народов нашей страны либо просто игнорируются, либо трактуются упрощенно, а то и вовсе искажаются. Академик Ю. В. Бромлей справедливо полагает, что в ряде республик стал прямо-таки болезненным вопрос о происхождении «коренных» народов. Особенно фантастический характер эта тенденция приобретает в сочинениях некоторых писателей. Например, делаются попытки установить «родство» между тюркским и шумерским языками. Более того, подчас отдельные авторы, затрагивая delicate вопросы национальной психологии, видимо, даже не сознают, что скатываются на далеко не интернационалистские позиции косвенного или даже прямого признания исключительности собственной национальности (14).

Полтора-два десятилетия назад в научный обиход все настойчивее стала вводиться «энергетическая» концепция этноса. По мнению автора этой теории, Л. Н. Гумилева, уровень развития народов находится в зависимости от высокого или низкого процента пассионариев, то есть лиц с повышенной способностью абсорбировать энергию из окружающей среды. Л. Н. Гумилев опровергает «бесперспективное стремление видеть в «этнoсе» социально-историческую категорию», так как история этноса — это «флуктуация биохимической энергии живого вещества биосферы», а «межэтнические коллизии» —

это «модус биохимической энергии живого вещества биосферы».

За всем этим стоит довольно простая вещь: раз «пассионарные» этносы способны к существованию, то им позволено все, ибо, «поскольку речь идет об энергии, моральные оценки неприменимы». «Непассионарные» же этносы должны быть подчинены «пассионарными», так как первые не могут самостоятельно существовать. Откуда берется «пассионарность», совершенно не ясно, а значит, таковую можно приписать кому угодно, в зависимости от расположения автора к тому или иному народу. Так, Л. Н. Гумилев всячески доказывает благость татаро-монгольского нашествия для Руси, ибо рать Батые была пассионарной, а русский народ нет (15).

Как видно, эта теория служит оправданию неравенства народов, разделению их на высшие и низшие. При этом отрицается какая бы то ни было социально-историческая закономерность развития, а все объясняется прямо-таки «божественной» пассионарностью. И в этом отношении Л. Н. Гумилев недалеко ушел от тех «ненстовых ревнителей», которые в 20—30-е годы требовали уничтожения традиционной («непассионарной») национальной культуры ради идеального «светлого будущего». Методология у них одинакова.

Кто из нас не проходит сегодня без горечи мимо тех пустырей, где полвека назад стояли старые национальные храмы? Но разве идея их разрушений, как и сотни иных «лихих мер», определялась лишь политикой нескольких руководителей и архитектурных групп? Нет, все тогда жадно спешили в царство «разумной гармонии», и всех тогда можно было назвать, используя выражение Велимира Хлебникова, будетлянами. Рвались в будущее и срочно подгоняли под его образ всю нашу, еще такую «патриархальную» и неустроенную жизнь. Здание этого будущего должно было воссиять на месте старинных порталов и арок, и, разрушая старое, горделиво возводили фантастические строения в причудливом конструктивистском стиле, всем своим обликом выражавшие эту всеобщую устремленность в мир ничем не ограниченной человеческой свободы...

Без осознания каждым народом ответственности за свое прошлое мы все просто не можем двигаться вперед, к подлинному взаимопониманию. Лишь отказавшись от односто-

ронных подходов, мы перестанем огульно чернить или обелять целые исторические эпохи, лишь тогда мы будем способны воспринять и осветить всю сложность и неоднозначность исторических событий и судеб. И тем самым избавим себя и от национального самоуничтожения, и от идеализации. А если человек даже во имя самого высокого жизненного идеала будет «подчищать пятна» в истории своего народа, то это уже патриотизм с изъяном, патриотизм на грани скрытого национализма.

Не могу не вспомнить тут знаменитые слова Михаила Лермонтова: «Люблю отчизну я, но странною любовью». Почему же «странною»? Я думаю, поэт хотел подчеркнуть, что любовь к своему народу и боль за его судьбу, горечь воспоминания о его прошлом — понятия неразрывные. Странно выдержать такую боль в душе. Но именно она и должна уберечь и наш, и другие народы от самоуверенности, дешевого самолюбования и самомнения, помочь им вырвать с корнем ростки национального «нарциссизма» (16).

В этой связи обратим внимание на одно важное обстоятельство. На Всесоюзной конференции по этнопедагогике (1976 г.) были сделаны большие усилия, чтобы найти особенности народного воспитания, отличающие одну нацию от другой. Эти усилия никаких серьезных результатов не дали: у трудящихся всех советских наций и народностей в прошлом имело место поразительное единство не только воспитательных целей, но и воспитательных средств. Главный педагогический принцип здесь — воспитывать в труде и для труда. К этому добавим, что сама проблема, скажем, общесоветской гордости, звучала довольно приглушенно, адресуясь в основном к узким специалистам. Отсюда такие трактовки: меры по интернациональному воспитанию могут иметь более или менее серьезный эффект лишь в группах менее образованного и менее квалифицированного сельского населения (?!). Отсюда следующий шаг — вычленив так называемый «сельский национализм», вызванный, дескать, меньшей интернационализацией на селе, в частности, в сфере культуры и быта, устойчивостью стереотипов. Об этом, в частности, говорилось на «круглом столе» историков по Всесоюзному телевидению в начале 1988 года. Допускаем, что на селе в культурном плане обстоит неблагоприятно. А что в городе? На этом же «круглом столе» предлагалось вычленив и «ин-

теллигентский национализм», возникающий на основе «известной конкурентности за престижные места». При такой логике забастовки на заводах и фабриках Еревана и Степанакерта в период известных событий есть проявление уже «рабочего национализма»?

Здесь гораздо более плодотворным, на наш взгляд, является выявление конкретных носителей национализма и ведение такой же конкретной борьбы с ними. Мне лично импонируют слова председателя ВЦСПС С. А. Шалаева, сказанные на заседании Президиума Верховного Совета СССР по поводу Нагорного Карабаха: «Сегодня настоящая защита законных интересов рабочих и крестьян двух республик — это защита их от действий подстрекателей и провокаторов, дезорганизаторов производства, разжигающих межнациональные страсти» (17).

Между тем в философской и социально-политической литературе при освещении национальной политики КПСС и практики государственного строительства в многонациональной, чрезвычайно сложной по своей историко-экономической родословной стране, как правило, опускалось подробное исследование негативных моментов, возникающих на пути интернационализации общественных отношений. Отсутствие комплексных исследований проблем антиобщественного поведения позволяло останавливаться на констатации видимой, поверхностной связи негативных моментов развития общества и делать выводы типа: «Наряду с пережитками буржуазного национализма пока еще существуют и другие пережитки капитализма. Это — хищение социалистической собственности, взяточничество, спекуляция, стяжательство, лодырничество (?)!, пьянство...» (18).

Не вытекающие из принципов социализма и коренных условий коммунистического строительства, прямо противоположные коммунистической идеологии и морали, но собственные, унаследованные приобретенные негативные элементы развития советского общества имеют и объективный характер. Поэтому представляется методологически неверным утверждение, что «...объективные факторы социалистической действительности обеспечивают победу интернационализма» (19). Самоуспокоение в разрешении национальных проблем, слепое следование привычным трафаретам в межнациональных отношениях больших групп людей без учета изме-

пившейся обстановки (в частности, того факта, что каждый пятый гражданин СССР живет постоянно не на территории «своей» республики), без исследований социально-психологических сдвигов в общественном сознании недопустимо.

В криминологической литературе положено начало исследованиям региональных особенностей преступности, получены весьма убедительные данные, подтверждающие зависимость состояния, динамики и иных характеристик преступности от специфики экономики, быта, культуры отдельных социальных групп. Однако этнические различия, особенности психического склада людей различных национальностей сознательно обходились юристами как объекты криминологических анализов, хотя и в действующем уголовном законодательстве, и в практике рассмотрения и разрешения уголовных дел данные вопросы имеют место.

И в заключение хочется сказать о том, что не следует все же забывать немалых результатов проведения ленинской национальной политики, в основе которой лежали теория, принципы, стратегия и тактика решения национального вопроса, разработанные В. И. Лениным. На заседании Политбюро ЦК КПСС 13 октября 1988 года отмечалось, что за годы Советской власти проделана исторической важности работа по решению национального вопроса в СССР, достигнуты впечатляющие результаты в достижении фактического равенства наций и народностей, укреплении братских отношений между народами, интернациональном воспитании трудящихся. Они являются предметом законной гордости всех советских людей.

Об этом следует помнить сегодня, когда кое-кто стремится вместо исправления допущенных искажений, отступлений от ленинской теории наций и национальных отношений обесценить сделанное в развитии этой теории, представить скомпрометированным все достигнутое. В выступлении С. Т. Калтачяна на «круглом столе» в журнале «Вопросы философии» (1988, № 9) обозначены приобретения нашей теоретической мысли в области национальной проблематики. Не будем утомлять читателя их перечислением. Важно другое — учет этого при полемике с теми, кто хочет все достигнутое превратить в руины, предложить сомнительные рецепты и представить дело так, будто надо начинать с нуля.

В самом деле, устами публицистов, а также ученых,

не специализирующихся в разработке национальных проблем, ставятся вопросы, которые уже давно не только поставлены, но и решены — о национальном самосознании, сущности нации и т. п. Причем все это подается с претензией на первооткрывательство. Как новация, например, преподносится утверждение о том, что новая историческая общность — советский народ еще «не сложился на основе сближения различных языков и народностей, их культур, исторических особенностей, традиций». Здесь нужно не зряшное прямое отрицание существования советского народа, а теоретическое осмысление соотношения между нациями, входящими в советский народ, изменений, которые та или иная нация претерпевает в качестве элемента новой общности. Здесь важен, как нам представляется, и анализ объективных противоречий и возможных причин националистических реакций на них.

Разумеется, это ни в коей мере не снимает ответственности и с ученых, особенно в современных условиях, когда пужно учиться работать в условиях гласности, знать не только проблемы истории, но и то, какие проблемы мучают трудящихся различных национальностей, что их не удовлетворяет. Нужен постоянный поиск, нужны заинтересованность, равнодушие. Нужен «прорыв» в области теоретических исследований, национальных отношений, в выработке практических рекомендаций, в частности, в отношении причин, сущности и путей преодоления националистических проявлений в СССР.

Во всяком случае, важно преодолеть подход, при котором считалось, что коллизии, которые сегодня возникают в национальной сфере — лишь негативные проявления, не имеющие-де отношения к национализму. Может быть, подумать над тем, что социалистическое общество при всех его деформациях, которые оно претерпело в конкретно-исторических условиях, изменило и природу проявления национализма? Но социализм его не отменил. И не потому, что если существуют нации, то должны существовать такие явления, как национализм. Прав А. Ф. Дашдампров: национализм может возникнуть там, где противоречия не находят своего разрешения, где национальный эгоизм получает беспрепятственное развитие, не встречает отпора, противодействия.

Отход от ленинских принципов в кадровой политике

Практика национального строительства в СССР и других социалистических странах показала, что сохранению или даже оживлению национализма способствуют ошибки субъективистского характера в деятельности партийных и государственных руководителей, нарушение ленинской линии в кадровых вопросах, просчеты в хозяйственно-организаторской и идейно-воспитательной работе.

Негативные процессы отразились и на поведении части коммунистов, занимавших еще недавно руководящие посты. В довольно извращенных формах негативные процессы, связанные с перерождением кадров, с нарушением социалистической законности, проявились в Узбекистане, Молдавии, Туркмении, ряде областей Казахстана и Украины, Краснодарском крае, Ростовской области, в Москве и некоторых других городах, областях, краях и республиках, в системе Министерства внешней торговли и Министерства внутренних дел. Все это отрицательно сказалось на авторитете Коммунистической партии, снизило эффективность интернационально-патриотического воспитания.

Национальные обиды и подозрительность порождаются также тогда, когда при подборе и расстановке кадров приоритет представляется не идейно-политическим, деловым и нравственным качествам личности, а национальной принадлежности.

В кадровых вопросах необходима большая щепетильность. На «круглом столе» в журнале «Вопросы философии» (1988, № 9) говорилось, что в стране, к сожалению, не публикуются данные о национальном составе высших эшелонов власти, включая центральные министерства и ведомства, общесоюзные учреждения и институты, но даже по отрывочным сведениям видно, что центральный аппарат с 40-х годов явно не отражает многонациональный характер советского общества.

В 70-х — начале 80-х годов в ряде национальных республик были допущены нарушения кадровой политики, особенно в Грузии, республиках Средней Азии, в Казахстане, где

руководящие кадры подбирались «не по деловым качествам, а по биографии, по географии» (1). Протекционизм, кумовство, предпочтение представителям определенного рода и племени при решении кадровых вопросов нанесли серьезный ущерб развитию национальных отношений. Так, в республиках Средней Азии и Казахстана получила широкое распространение практика подбора и расстановки кадров по личной преданности, землячеству, родовым связям. На XIX съезде Компартии Узбекистана была подвергнута принципиальной критике подобная практика, приводившая к тому, что трудовые достижения рабочих, колхозников, интеллигенции ставились в заслугу одному Рашидову — «первому руководителю» республики, создавался культ его личности. А сам этот, по выражению писателя К. Икрамова, «новоявленный узбекский хан» раздавал своим приспешникам в вотчину колхозы, районы, целые области, научные институты.

И вполне естественно, что в этой республике государственные преступления в особо опасных размерах совершили четыре секретаря ЦК КП Узбекистана, Председатель Совета Министров и заместитель Председателя Президиума Верховного Совета республики, семь первых секретарей обкомов партии, восемь областных начальников МВД во главе с министром внутренних дел Узбекистана. Они и их сподручные украли у социалистического государства и Советского народа материальных средств на сумму, превышающую годовой бюджет Узбекистана, который с дотацией из союзного бюджета составляет более 10 миллиардов рублей.

Созданию нездоровой обстановки в общественно-политической жизни республики, в том числе в сфере национальных отношений, во многом способствовали беспринципная позиция бюро ЦК Компартии Казахстана, грубые нарушения норм и принципов партийного руководства бывшим секретарем ЦК Д. А. Кунаевым (2). В постановлении ЦК КПСС по Казахской республиканской партийной организации указывается, что «прежнее руководство ЦК Компартии Казахстана, многие партийные комитеты республики допустили серьезные ошибки в реализации национальной политики, существенно ослабили работу по интернациональному и патристическому воспитанию трудящихся. Не учитывался быстрый рост национального самосознания, не находили своевременного и правильного решения возникающие проблемы. На оп-

ределенном этапе партийные организации по существу прекратили борьбу с проявлениями шовинизма и местничества в экономической, культурной и духовной сферах. Это негативно сказалось на социально-экономическом и культурном развитии республики».

Обо всем, что десятилетиями копилось в Нагорном Карабахе, люди говорят с горечью и обидой, возлагают ответственность на бывшее руководство Азербайджана и Нагорного Карабаха. Политическим банкротом оказался возглавлявший свыше полутора десятков лет партийную организацию Карабаха Б. Кеворков, который считался в Азербайджане одним из самых больших специалистов по интернациональному воспитанию и даже делился его рецептами в своей книге «В семье единой», где писал: «В условиях многонационального состава населения укреплению дружбы способствуют различные формы пропаганды чувства семьи единой».

Однако конкретные дела по интернациональному воспитанию во многом носили ритуальный характер, когда праздники, юбилеи, фестивали демонстрировали исключительно единство. Превалировала, так сказать, монолитная и тяжелая, как плита, демонстрационная скука, стереотип «монолитного единомыслия». И вот результаты.

На начало 1989 года общее число беженцев из Армении и Азербайджана достигло 300 тысяч человек, и проблема их возвращения в родные места продолжает оставаться довольно острой.

Откуда же взялся в том же Сумгаите этот человеческий порох, пылавший несколько дней? Какие провода потребовались, чтобы токи из Нагорного Карабаха вызвали здесь такую молнию? И все это — все! — произошло в «городе комсомольской славы», «интернациональной дружбы». Сколько же елей вылито на этот рабочий город за 40 лет его существования! У въезда поставили бетонную стелу из флагов союзных республик и крупно вывели: «Дружба! Дружили делегациями. За несколько месяцев до трагических событий в Сумгаит съехались представители соревнующихся городов союзных республик. Были гости и из армянского Ленинканана...

Но пока процветала дружба делегаций, рождались оды рабочим рукам сумгаитских химиков, металлургов, строите-

лей, эти самые люди, дающие алюминий, трубы и чуть ли ни все продукты большой химии, в основном жили по общечеловеческим законам. Но и они казались счастливыми, потому что другим приходилось осваивать «нахалстрой» — в треугольнике между дымящими, коптящими, нылящими заводами вырос никому не ведомый город из старой жести, кусков ракушечника, бракованных блоков (3).

Выше указывалось на то, что деформация социально-экономических отношений не может не деформировать и национальные отношения. Бюрократизм, ведомственность особенно опасны, когда речь идет о культурно-исторической среде в той или иной национальной республике, том или ином национальном районе. Подчас то, что очень близко принимается там к сердцу, абсолютно безразлично соответствующим общесоюзным министерствам, решающим порой свои узковедомственные задачи без учета национальной специфики, национальных особенностей, устоявшихся традиций.

К сожалению, администраторский, начальнический пыл и зуд, догматизм мышления, упрощенное понимание проблем национальной культуры, истории, языка по сей день мешают и вредят идеологической работе в республиках. Вероятно, нужно решительно отказаться от прилипчивого «наследства» прежних времен, хотя прошлые психологические поведенческие стереотипы изживаются трудно и нет-нет да и дают о себе знать...

Возьмите хотя бы пресловутую политику концентрации населения. Ее последствия мы видим повсюду. Но особенно — в нечерноземной полосе России. Заброшенные дома, постройки, упадок хозяйственной жизни, старики, доживающие свой век в запустении некогда больших, богатых сел и деревень. Людей просто сгоняли с земли.

А что делается с самой землей, природой? Трагедии Кара-Богаз-Гола, Арала, Прикаспия, Каракалпакии, Севана, горных деревень Грузии, «битвы» за Байкал, угроза Балхашу, Приднепровью и Куршской косе в Прибалтике...

Когда осуществлялись эти «локальные» и «глобальные» проекты, никто ведь не поинтересовался мнением народов, веками живших на этих землях. Сказалось полное отстранение людей, пренебрежение «национальным фактором» в процессе принятия решений. Все это сильнее всего искажает сам процесс формирования национального сознания лю-

дей, «программирует перекосы», вызывает недоверие к «властям из Москвы».

Каждому народу надо предоставить реальную возможность жить в соответствии с его национальными устремлениями. В противном случае давление «сверху» вызовет сильное сопротивление «снизу». Такая «схема» решения национальных проблем противопоказана нашей сегодняшней действительности. Перестройка в этом случае может опасно «заболеть» рецидивом прошлого.

Казалось бы, серьезные просчеты, грубые нарушения национальной справедливости подчас не связаны с шовинизмом или национальным нигилизмом. На первый взгляд может показаться, что наяву — обычное равнодушие ко всему, в том числе к национальной культуре, языку. Однако на самом деле — это недостаточная политическая зрелость и гражданская ответственность, а подчас самый обыкновенный карьеризм: делать то, что от меня требуют, чтобы прослыть «интернационалистом» хотя бы на словах. Вот персонаж такого рода — бывший секретарь Башкирского обкома КПСС М. З. Шакиров. С трибуны XXV съезда КПСС он заявил: «Дружба народов — наше великое завоевание, способное творить чудеса... С этой высокой трибуны, выражая волю и сокровенные чувства коммунистов и всех трудящихся республики, мы заверяем, что и впредь будем беречь как зеницу ока священную дружбу народов...» (4).

Таковы, значит, слова. А вот дела — уничтожение в республике татарских школ, сталкивание буквально лбами двух братских местных национальностей Башкирии. Дальше больше, бывший «первый» решил стать... «отцом нации на века», родоначальником эдакого нового башкирского ренессанса, который обеспечит народу, так сказать, «небывалый в истории культурный скачок». И вот, по существу, в жизнь посаждался своеобразно понимаемый лозунг «Башкирия для башкирцев», когда татар принялись переделывать в башкир, взяв на вооружение понятие так называемых западных башкир, которые, мол, «желают вернуться к обучению на родном (то есть башкирском. — Ю. Р.) языке». За какие-нибудь 12 лет (1969—1981 гг.) все сто татарских деревень Болтачевского района из татар превратились в башкир, а вскоре это же произошло в других районах Башкирии. Были изменены положения Конституции БАССР, которыми ранее пред-

усматривались публикация законов на башкирском, русском и татарском языках, а ныне — только на башкирском и русском. По существу, речь идет не просто о национальной несправедливости, допущенной представителями власти, принадлежащими к одной из наций по отношению к другой нации. Это настоящий национализм. Здесь мы воочию столкнулись с наступательным шовинизмом нации более сильной против слабой внутри самих республик. В известной мере именно так воспринимают ситуацию в Нагорном Карабахе армяне, полагая, и не без основания, что представители власти Азербайджана вели по отношению к Нагорному Карабаху политику шовинистического толка.

Вне связи с шовинизмом разговор о национализме просто бессмыслен. Шовинизм — это национализм большей нации по отношению к меньшей. Причем в этой роли может оказаться любая нация. Например, чеченцы, представляя наиболее многочисленную национальную общность в Чечено-Ингушетии, в какой-то мере выступают с шовинистических позиций по отношению к другим национальным меньшинствам. В том числе — к местному русскому населению. Уже в силу такого сложного сочетания множества аспектов характер шовинистических, националистических проявлений в республике нельзя оценивать по упрощенной «схеме», как это, к сожалению, делают местные «спецы».

Нелишне, видимо, будет вспомнить опыт КПСС в этой сфере. X съезд РКП(б) акцентировал внимание на том, что в некоторых республиках, имеющих в своем составе несколько национальностей, позиция национального руководства превращается нередко в национализм, а то и в завязанный шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик. Все эти виды шовинизма «...являются величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в арену грызни, склоки» (5).

Характерно в этом плане отношение многих руководителей к вопросам национальной культуры. Как подчеркивалось на VIII Всесоюзном съезде писателей, положение с национальными культурами, языками явно неблагополучно. Впрочем, русская культура и русский язык в этом неблагополучии не виноваты. Виноваты, можно сказать, местные

административные представители, не в меру ретивые «миссионеры».

Способом выражения «подлинного интернационализма» было для недавнего руководства Молдавской ССР беззаботное отношение к родному языку, впрочем, и не так уж и беззаботное. Стращали тогда жупелом национализма всех, кто смел проявить хоть какую-то озабоченность состоянием молдавского языка: писателей, деятелей культуры, учителей.

Р. Гамзатов в газете «Известия» справедливо пишет: «Я убежден, что в Москве никто не был заинтересован в том, чтобы в дагестанском театре по звонку местного начальника снимали с репертуара острый спектакль, чтобы в педучилище было упразднено преподавание национальных языков, литературы и истории, чтобы строящаяся в дагестанской глубинке электростанция называлась переводным словом «Светогорская»... Великий русский поэт Лермонтов, воспевавший наши горы, не переименовывал привычных нашему уху названий — это с легкостью сделал чиновник из дагестанцев... Нужно ли все это кому-нибудь, кроме местного чиновничества, руководствующегося отжившими представлениями о том, как должно выглядеть торжество национальной политики? Но такую ли политику называем мы ленинской?» (6).

В высшей степени опрометчиво поступают храбрые и самоуверенные в силу малой своей компетентности люди, когда берутся, к примеру, рассуждать о «неперспективности» какого-либо языка и основанной на нем культуры. А надо бы сначала задуматься, не был ли этот язык годами ущемлен, не находился ли в неравных условиях с другим, доминирующим языком, не внушались ли «между делом» мысли о его «второсортности» и обреченности?.. Да и над тем не мешало бы нам подумать, что «всяк сущий» в наших пределах язык — результат долгого общественного развития, вместилище неповторимого, уникального народного опыта, исторической памяти и психологии... И вот некое чиновное лицо объявляет его «отживающим», обреченным, как какую-нибудь «неперспективную» деревню! Не абсурд ли?

Хлопочем о сбережении лесов и вод, учимся дорожить каждой живой малостью природы и в то же время спокойно, равнодушно относимся к возможному исчезновению языка, а то и малой народности. И после такого равнодушия к охране богатств человеческого мира удивляемся резким всплескам

национального чувства, разного рода протестам? Удивляться в иных случаях нечего: вспышки и протесты как бы «спровоцированы» некомпетентностью, недостаточной культурой тех или иных, в том числе и местных, работников, их неумением вести равноправный диалог, уяснить тонкости национальной ситуации.

Порой поражает неповоротливость или показная бурная деятельность, за которой скрывается все та же некомпетентность. Такой «неугомонной деятельницей» была работавшая до недавнего времени секретарем ЦК КП Узбекистана Р. Абдуллаева. Все традиционное в укладе жизни, что вместе с современным создает полноту бытия, все народное, начиная от древних праздников, кончая ритуалами похорон, она объявила реакционным, давая повод обывателю говорить о «руке Москвы». Право же, не Москва ратует за такое толкование узбекско-русского двуязычия, когда отдается приоритет русскому, а наши доморожденные «национальные нигилисты», стремящиеся показаться передовыми. Как тот, кто в известной притче бежит впереди арбы и, подбадривая возчика, кричит в его честь здравицы, зато попавших под колеса упрекает в отсутствии патриотизма (7).

Создававшаяся обстановка в Армянской ССР являлась, кроме всего прочего, результатом грубых просчетов и ошибок в политической, организаторской и идеологической работе партийных комитетов, первичных партийных организаций. Они поверхностно подошли к оценке ситуации, не осознали политическую опасность необоснованных призывов к пересмотру существующего национально-государственного устройства в регионе, заняли пассивную выжидательную позицию. Партийные комитеты в экстремальной ситуации не смогли повести за собой людей, уберечь их от необдуманных поступков, убедить, что давление на органы государственной власти ни к чему, кроме обострения обстановки, не приведет (8).

На партийном активе Латвийской ССР (начало 1988 г.) отмечались промахи и упущения в подготовке кадров по вопросам марксистско-ленинской теории наций и национальных отношений, когда многие «воспитатели» не могут отличить, где кончается национальное и где начинается националистическое. Пренебрежительное отношение кадров к изучению теории национальных отношений, интернациональному

воспитанию явилось одной из причин вспышки националистических настроений в ряде регионов страны.

ЦК Компартии Казахстана принял по этому поводу установку: руководитель, не владеющий теорией нации и национальных отношений или не умеющий использовать ее на практике, не обладает необходимыми политическими качествами и не может возглавлять коллектив трудящихся.

Причин для вспышек национализма много. Здесь важно сохранить ленинский методологический подход при анализе подобных ситуаций. Он состоит в следующем: никогда, ни при каких обстоятельствах не стремиться делать «козлом отпущения» народ. Этот ленинский принцип наши «провинциальные дантоны и республиканские робеспьеры» решительно отбрасывают, сваливая всю вину на народ и в то же время выводя за грань критики само «руководство», неразумные действия которого как раз и задевают национальную гордость и самолюбие.

Порой к волевым решениям, которые нанесли серьезный ущерб, добавляется личное пренебрежение к своему родному народу, своего рода национальный нигилизм наоборот. «Я понимаю, — говорил на пленуме Союза писателей СССР (март 1988 года) С. Баруздин, — когда в Москве на русском языке проходит вечер памяти великого таджикского поэта Лахути и совершенно не могу понять, почему на русском языке такой же вечер идет в Душанбе». На том же пленуме подчеркивалось также то, что искривления в ленинской национальной политике, происходившие еще в 30-е годы и пыльным цветом распутившиеся в годы застоя, когда, как остроумно заметил Пятрас Браженас, серьезно занимались интернационализацией искусства тостов, по сей день дают себя знать в издательской практике (особенно тяжело это сказывается на положении дел в автономных республиках, у которых нет своих издательств) и излишней централизации всего культурного процесса. По словам Чингиза Айтматова, тормозом в решении национальных проблем во многих случаях оказывается местное руководство: подчас выступающее с позиций псевдоинтернационализма, ультраинтернационализма, прикрывшее этим свое административно-бюрократическое рвение.

Возникновению националистических взглядов и настроений способствовала также недостаточная информированность

населения о проявлениях национализма, которые в той или иной форме возникали в некоторых регионах страны. В свое время Я. Галан и Ю. Смолич, выдающиеся писатели и публицисты, которые много сделали для разоблачения антигуманной сущности украинского буржуазного национализма и реакционной деятельности их западных покровителей, неоднократно подчеркивали необходимость более полного освещения в прессе борьбы с оуновским подпольем (1944—1952 гг.). Отсутствие гласности, особенно по таким острым проблемам, какими являются национальные отношения, порождает различные слухи и домыслы.

Интересное соображение на этот счет высказал Ю. Шарковин: «Нужна система, нужны люди, нужна работа, которая сделала бы процесс гласности необратимым. И начинать эту работу надо с нижних уровней, с руководителей районов и городов, колхозов и заводов. Люди имеют право знать, что происходит у них в трудовом коллективе, в городе, районе, республике. Разве можно утверждать, что люди в Нагорном Карабахе, в Азербайджане и Армении, да и во всей стране знают или знают все, что они имеют право знать? Думаю, что нет. Иначе не было бы той стихии слухов, которой обросла эта нелегкая проблема. Не было бы и порождений ими обстановки нервозности и недоверия к средствам массовой информации. И нет таких вопросов трудящихся, на которые никогда нельзя было бы ответить».

На недостатках в работе по информированию населения, особенно на просчетах в проведении курса на совершенствование национальных отношений, спекулировали и спекулируют противники социализма, буржуазные пропагандисты. Выдавая себя за объективных информаторов, они фальсифицируют национальную политику партии, распространяют враждебные нам трактовки сложных вопросов истории и современности.

Теперь мы знаем, что дружба народов существует не только в выставочном, бесконфликтном варианте, но и в подлинно живых и сложных, противоречивых вариантах действительности. Одни из них вызывают нашу общую законную гордость, другие — общую горечь, заставляя ломать голову над нерешенными, а то и запущенными проблемами, над неизжитыми противоречиями. Мы все имели возможность убедиться, что в жизни большой многонациональной

страны ничего со временем не упрощается, национальное — вопреки предсказаниям и административному усердию — не подгоняется в едином языковом море, а старые, туго затянутые исторические узлы, доставшиеся в наследство, сами собой не развязываются, и это лишний раз подтверждает: в истории ничего не проходит бесследно. Народы не забывают ни хорошего, ни плохого, и не считаются с этим, не замечать этого — опрометчиво, бестактно и опасно. Более того, приятно нам это или нет, но помнить и знать нужно все: не для растравливания, а для заживления старых, незаживших ран, для дружной жизни и работы, основанной на взаимодоверии, взаимопонимании и взаимопомощи.

Сегодняшняя ситуация представляет собой принципиально новое явление для идеологической практики, оставшейся, по существу, в течение длительного времени застойной и «оживляемой» лишь многочисленными юбилейными кампаниями. Отсюда понятна определенная растерянность некоторых идеологических работников, впервые столкнувшихся, например, с необходимостью вести дискуссии по актуальным политическим проблемам, когда одного монолога уже недостаточно, а нужно умение выслушивать другое, порой прямо противоположное собственному мнению, быть способным обосновать свою точку зрения, убедить собеседника (или, наоборот, воспринять его аргументы). И при этом обойтись без навешивания ярлыков, без командного тона.

И новые подходы к идеологической деятельности партии требуют полностью изжить бесполезное сотрясение воздуха красивыми словами и прочие «идеологические излишества». Обсуждение, разъяснение любого вопроса, особенно в сфере межнациональных отношений, должно быть включено в процесс поиска практических решений. Перестройка требует, чтобы каждый практический шаг был осмыслен, освещен идеями обновления социализма, чтобы, следовательно, повседневная организаторская работа не превращалась в делячество, а способствовала духовному, социально-нравственному, интернационалистическому сплочению трудящихся, повышению их сознательности и общественной активности.

Партийные люди, указывал В. И. Ленин, должны взять на себя почин усиления, объединения, напряжения соответственной работы в общегосударственном масштабе.

Нарушения национальной справедливости в сфере духовной культуры

Надо учитывать то обстоятельство, что вирус национализма и шовинизма находит питательную среду там, где неправильно относятся к развитию национального языка и культуры или тенденциозно искажается история того или иного народа. На этой почве и дают себя знать настроения национальной исключительности, ущемленное чувство справедливости.

Порой просто забывалось, что интернационализм не имеет ничего общего с обезличиванием национальных структур, традиций, образа жизни. Интернациональное и безнациональное не синонимы. Интернационализм основан на общности социалистических ценностей, социального идеала, объединяющей людей разных национальностей.

Еще Ф. Энгельс писал, что «интернациональный союз возможен только между *нациями*, чье существование, автономия и независимость во внутренних делах включаются, следовательно, в само понятие интернационализма» (1). Он же подчеркивал, что «*подлинно* национальные идеи... в то же время всегда являются и подлинно *интернациональными* идеями» (2).

Прямо скажем, понимание «интернационализации» только как «одной из целей идеологического развития советского общества» не способствовало делу интернационального сплочения трудящихся. Интересна мысль В. Быкова, полагающего, что препоны в развитии национальной культуры — дело рук «своей», так сказать, национальной бюрократии без какого-либо вмешательства со стороны, с ее пресловутой перестраховкой, опасениями, как бы чего не вышло.

Мы чаще говорим о проявлениях интернационализма в больших делах. Их каждый из нас пазовет много. Но интернационализм проявляется не только во взаимоотношениях республик и народов в целом, он и в повседневном поведении людей. Это и убеждение в том, что мой народ не выше другого народа, а такой же, как и другие народы, что они, как и мой народ, столь же способны к социальным и культурным достижениям. Это и представление о том, что

культуры разных народов не могут развиваться в изоляции, не испытывая воздействия современного научно-технического и культурного прогресса. Наконец, это готовность к контактам с людьми другой национальности в быту, умение видеть и чувствовать интересы своего народа и осознавать интересы соседей, других народов, а главное — наши общие социальные заботы.

Порой мы стали стесняться затрагивать эту тонкую и щепетильную сферу взаимоотношений. В прошлом сложился ритуал публичных заклинаний в словесной верности интернационализму, которые нередко замещали подлинную веру, подлинную честность, порядочность. Чего таить, слова любви и дружбы мы научились говорить во время больших праздников: поем песни, разучиваем танцы народов мира, обнимаемся, когда приезжают представители из братских республик. А вот полюбить своего иноязычного соседа, живущего рядом, помочь ему преодолеть языковой барьер у нас не хватает культуры (3).

Выступая в журнале «Дружба народов», В. Быков поставил вопрос в таком звучании: «Какие объективные причины вынуждают семь миллионов белорусов, испокон веков населяющих собственную землю, отречься от родного языка, довольствоваться «основным» языком межнационального общения?» Уже в конце 20-х годов была подвергнута разгрому Академия наук БССР, на рубеже 30-х — Союз писателей Белоруссии и другие творческие союзы. В те годы был нанесен непоправимый урон национальной культуре: не успев дать сколько-нибудь ощутимые результаты, была прекращена политика «белоруссизации». Белорусское слово в городах республики снова становилось олицетворением «нижайшие» и «провинциальности» и «необразованности». К давнему пренебрежению национальным языком прибавилось всеобщее чувство страха и опасение быть причисленным к национальной демократии, «нацдемовщине».

Долгое время говорилось о татарской литературе как младописьменной, которой дал письменность Октябрь. Но оказывается, что она имеет почти тысячелетнюю историю. Так же относились и к удмуртской литературе. Однако всего несколько лет назад в США издали грамматику удмуртского языка... к 200-летию ее создания. Возникает вопрос — что же, специалисты, партийные и советские работники респуб-

лики не знали, что еще 200 лет назад удмуртский народ создал свою грамматику? В чьих интересах было умалять и принижать духовное богатство целого народа? Разве Великая Октябрьская социалистическая революция нуждается в таких неопозволительных реверансах в ее сторону? (4).

Вот такие-то политические ляпсусы, фальсифицирование исторических фактов и создают благоприятную почву для досужих разговоров неподготовленных, политически незрелых людей, порождают подозрительность и недоверие.

Известны и имевшие в Крымской области отдельные факты нарушений прав граждан татарской национальности при выборе ими места проживания, учебы и работы, в связи с чем союзным, республиканским и местным органам рекомендовано обеспечение дополнительных мероприятий по более полному удовлетворению культурных запросов крымских татар, расширение выпуска литературы на крымскотатарском языке, произведений современных национальных авторов, организации, где это требуется, новых газет, увеличение времени для радио- и телепередач. Намечены также пути развития татарских художественных промыслов, театрально-концертных коллективов.

Накопились проблемы в культурной сфере и в Нагорном Карабахе, которые сейчас в поле зрения партийных и местных государственных органов.

Национальное самосознание и национальные отношения в целом хотя и зависят от социально-классовых основ общественной жизни, однако сохраняют и определенную самостоятельность. Их формируют исторические, политические и духовно-культурные традиции прошлого. Наследственность национальных традиций может временами выступать и как пережиток, который противоречит социальным интересам, задачам, встающим перед той или иной социально-исторической общностью в социалистических условиях.

Консервации предрассудков национализма способствовали, в частности, просчеты в организации широкой пропаганды прогрессивного наследия народов, приверженность к традиционному, недооценка роли интернациональных связей и русского языка как средства межнационального общения, стремление ограничить духовную жизнь того или иного народа узконациональными рамками, недостаточная развитость

общей культуры и прежде всего культуры межнационального общения.

Как подчеркивается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, мы обоснованно гордимся достижениями советской многонациональной социалистической культуры, но важно, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался бы в попытку отмежеваться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур. Нельзя мириться с тем, что в некоторых изданиях отсутствует классово-партийный подход к оценкам событий прошлого в жизни той или иной нации, идеализируются устаревшие национальные обычаи. На VIII съезде писателей СССР упоминались, в частности, некоторые литераторы Армении, которые в работах исторического жанра занимаются «косметикой» истории собственного народа и проявляют неуважение к национальным святыням других народов.

Характерные примеры проявлений национальной ограниченности на ниве художественной литературы приводились на съездах Компартий Казахстана и Узбекистана (февраль 1986 г.). Так, в серии «Мой Казахстан», которая выпускалась издательством «Жалын», отдельные книги имели идейно вредное содержание: звали молодежь не вперед, а назад, к источникам феодально-родовых отношений. Псевдопатриотические позиции заняли и некоторые узбекские литераторы. В романах Мамдели Махмудова «Немеркнущие вершины», С. Караматова «Последний бархан», Ю. Шаммарова «Ер нафаси» негативные тенденции, чуждые социалистическому образу жизни, выдавались за позитивные, игнорировалась классовая оценка общественных явлений. Журнал «Билим Жане енбек» (Казахстан) публиковал определенное время пространные материалы, в которых с помпезностью освещалось происхождение родов и жузов в Казахстане.

Непростая ситуация сложилась в стране с изучением национальных языков. Известный дагестанский поэт Р. Гамзатов говорит о том, что «новая ситуация, перед лицом которой мы все неожиданно, но не вдруг оказались, требует и более точных подходов. Нет ничего опаснее, чем навязывать что-либо человеку, в том числе и язык. Не только мы выбираем язык, но и язык выбирает нас. Сейчас раздаются голоса об обязательном двуязычии для республик. Конечно,

это внутреннее дело каждого народа. Я лично не сторонник того, чтобы деликатные вопросы решать с помощью закона — ведь его невыполнение должно предполагать какие-то санкции, как же иначе? С другой стороны, всем нам хорошо известно, что даже самые лучшие законы ничего не стоят, если они не обеспечены гарантиями... Убежден, что вопросы экологии языка должны решаться гласно, в свободной дискуссии, с учетом имеющегося опыта, исходя из интересов будущего. Что может быть страшнее нигилизма по отношению к родному языку, родной культуре? Увы, слишком часто приходится слышать: наш язык еще, может быть, и нужен по эту сторону гор, а в большом мире — к чему он?.. Так ли мы воспитываем в наших детях чувство патриотизма? В глухом аварском селении звучит приветствие приехавшему в гости прославленному земляку... на ломаном русском языке. Так ли следует утверждать интернационализм?.. Если родной язык вызывает у меня образ колыбели, то русский язык — образ очага, собравшего вокруг себя многих людей. Им не нужно притворяться друг перед другом. Достоинство каждого народа в том, чтобы, раскрыв душу миру, оставаться самим собой» (5).

Истинный интернационализм, истинная дружба народов возможны только при глубоком уважении к достоинству, чести, культуре, языку и истории каждого народа, широком общении между ними. Между тем здесь имеется ряд острых и нерешенных проблем.

Нередко национальное механически противопоставлялось интернациональному, а родной язык превращался в чуть ли не в некий отчужденный от народа товар: родной язык — элемент «не интернациональный», значит, неперспективный, ненужный; русский язык — «интернациональный», значит, перспективный, единственно необходимый.

Между тем еще В. И. Ленин полагал крайне необходимым «перевести истинное коммунистическое учение... на язык каждого народа», требовал «ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в интернациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно. Нет сомнения, что под предлогом единства... фискального и т. п. у нас, при современном нашем аппарате, будет проникать масса злоупотреблений» (6). Так и случилось.

Украинские писатели, например, с горечью говорят и пишут о том, что в республике украинский язык становится факультативным. Во многих городах вообще нет украинских школ. На пленуме Союза писателей СССР (1988 г.) говорилось и о том, что в Горно-Алтайске в 60-е годы была закрыта единственная школа, где преподавание велось на родном, алтайском, языке. Сходная обстановка в Киргизии, Белоруссии, других республиках. Тяжелейшее положение сложилось с изучением языков народов Севера.

Вот и в Чувашии еще в 60-е годы в целях улучшения изучения русского языка была отменена национальная школа. И кроме татарской, других нет. Все предметы изучаются на национальном языке только до четвертого класса, потом уже, скажем, чувашский язык и литература остаются как предметы, а все остальное преподается на русском языке. Причем в основе этих «нововведений» было парадоксальное утверждение о том, что с расширением функции русского языка национальный язык будто бы тоже расширяет свои функции.

Мы должны откровенно признать, что у нас есть проблемы исчезновения языков, даже исчезновения малых народов. В 1980 году было принято специальное решение о языках народов Сибири, прошло восемь лет, но задача восстановить обучение и «оживить» двадцать с лишним языков в Сибири так и не реализована.

С начала шестидесятых годов под предлогом «улучшения преподавания русского языка» и непременно «по желанию самих родителей» сотни национальных школ в Башкирии были переведены на обучение на русском языке. Нет теперь в республике ни одного детского сада, где воспитатели говорят на башкирском и татарском. При этом весь процесс замены национальных языков русским проводился в полной тишине: о нем не говорили на собраниях общественности, не писали в газетах. Вершилось все это под покровом красивых фраз и, естественно, от имени Советской власти. Писатель Айдар Халим пишет: «Как случилось, что в некоторых важнейших областях жизни, в частности, народном образовании, суть национального равенства оказалась выхоленной? Здесь под прежней вывеской стало царить неравенство, поскольку нраво на образование на родном языке в действительности стало уничтожаться. И вот что приме-

чительно: заступаться за родной язык в школе и нельзя стало: сразу навешивался ярлык националиста» (7).

В Азербайджане и в некоторых других республиках еще в 30-х годах волевым решением был ликвидирован арабский алфавит, на котором столетиями писались все труды по истории, праву, философии. Арабский алфавит был заменен на латинский. Через десять лет вновь стали проводить замену, теперь уже на кириллицу, хотя в кириллице явно не хватало буквенных знаков для того, чтобы отразить всю гамму звуков азербайджанского языка.

По мнению академика Академии наук АзССР З. М. Бунятова: «Дважды за короткий период времени был нанесен губительный удар по общественному и интеллектуальному сознанию азербайджанского народа. Самым грубым, насильственным образом мы были отрезаны от своей национальной культуры, от своего исторического прошлого... Азербайджанцы вместе с туркменами, узбеками, каракалпаками, киргизами, казахами, татарами, башкирами, нагайцами, кумыками, балкарцами и другими народами были искусственно, в приказном порядке лишены возможности знать свою историю, культуру, литературу».

Прямо скажем, забвение родной речи отнюдь не содействовало сближению народов, которые лишь отдалялись друг от друга, так как усиливались симптомы взаимного недоверия и националистического «синдрома». Удар по национальным языкам был одновременно и ударом по русскому языку, так как пользовались им многие не из любви, а по необходимости, пренебрежности, что ли.

И здесь нужна перестройка умов, отметающая догмы и заскорузлые методики преподавания. Скажем, учебники по молдавскому языку предлагают убогую мешанину из переслащенных или трескучих текстов. Видимо, их составители всерьез уверены, что чем громче и чаще дети будут восклицать по-молдавски «да здравствует!» или «как хорошо живется», тем большими патриотами станут. Язык — важнейшее средство воспитания интернационалистов, и если на языках братских народов сегодня и завтра заговорят дети, через десять лет будут говорить взрослые (8).

Вот что пишет по этому поводу эстонка Айно Юданова: «Что удивительно: раньше ясли и детсады не делились на русские и эстонские, были общими. А сегодня это разделе-

ние есть. В журнале «Викеркаар» — «Радуга» один автор даже написал, что обучение русскому и эстонскому языку с малых лет может привести якобы к полужычию, денационализации и даже к недостаткам в умственном развитии. Наши мамы переполошились — дети вырастают дебильными. Я им отвечаю: мои начали говорить сразу на двух языках, вы их знаете, разве они похожи на умственно отсталых?» (9).

Есть и такая проблема. Скажем, в Эстонии трудно найти простой и доступный самоучитель эстонского языка, по которому можно было бы научиться элементарному общению, мало увлекательных книг, написанных эстонскими литераторами об истории, культуре республики для русскоговорящего населения. Справедливости ради отметим, что в последнее время наблюдаются перемены, которые должны устранить причины, вызывающие националистические настроения. Например, разработаны новые программы изучения эстонского языка в русских школах и на курсах. Для работы в сфере обслуживания, медицинских учреждениях, правоохранительных органах, решено готовить людей, владеющих двумя языками.

А ведь для республик Прибалтики проблема устранения языкового барьера между представителями «коренных» наций и других национальностей особенно остра. Ее решение автоматически сняло бы половину негативных проявлений в быту. Это важно и потому, что долгие годы упор делали главным образом на обучение русскому языку, как межнациональному. Вместе с тем есть примеры пренебрежительного отношения инонационального населения к эстонскому языку, к культуре местного населения республики. Академик В. Маамяги замечает: «Я не преувеличу, сказав, что и руководящие работники всесоюзного масштаба порой забывают о наличии национального момента при решении многих вопросов в республике. Все это не способствует интернациональному сплочению советского общества» (10).

Там, где скапливается горячий материал неизжитых национальных обид и распрей, где социальные, экономические отношения приняли национальную окраску, где ретивые уполномоченные «большого» государства пренебрегают языком, культурой, традициями, историей государства «малень-

кого», там — вольно или невольно — как бы закладывается «взрывное устройство» замедленного действия. Если его вовремя не заметить и не обезвредить, оно рано или поздно сработает. А ведь есть еще законы детонации. И если другие, схожие «устройства», заложенные чьим-то безрассудством, а то и чьей-то политической безграмотностью или откровенным, вызывающим шовинизмом, отзовутся и сработают тоже? Что тогда? На улице каких сил будет тогда праздник и ликование? Гуманных, светлых, справедливых? На улице равноправия, свободы и дружбы народов?

Нелишне напомнить в связи с этим, что вопрос о языке — вопрос не только культуры, но и политики. В языковой же политике, как отмечал неоднократно Ленин, одинаково неприемлемы как искусственные ограничения (тем более принуждение), так и особые привилегии. Главное же — конституционное обеспечение во всех регионах и республиках равноправного сосуществования и общественного функционирования национального и русского языков. В частности, не надо пугаться «ужасной» мысли, что «в общем парламенте раздадутся речи на разных языках». В традициях нашей партии принципиальная и постоянная борьба против не только национальной узости, но и любых форм национального нигилизма, в том числе и языкового, — явления, часто вырождающегося в свою противоположность — воинствующий национализм.

Мы много говорили с высоких трибун о необходимости глубокого изучения языка межнационального общения, устраивали всесоюзные и республиканские конференции, местные издательства выпустили массу брошюр. Небольшие сдвиги выдавали за огромные достижения, а где их не было, из «лучших побуждений» добивались подтасовки. Вот факты. В 1970 году, по данным Всесоюзной переписи населения, свободно владели русским языком 14,5% узбеков, а через девять лет цифра стремительно «возросла» до 49,3 процента. Причины «успехов» не в кропотливой работе, а в тех «коррективах», которые были внесены. В ряды свободно владеющих русским языком автоматически включили всех лиц со средним образованием, а также связанных с производством и техникой, в том числе шоферов-механизаторов, имеющих квалификационные разряды. «Приписки» здесь

вред приносили не меньший, чем дутые цифры в общеизвестном «хлонковом деле».

Подобный подход сыграл свою роковую роль — затруднил овладение широкими народными массами отечественного и мирового наследия, способствовал национальной обособленности и замкнутости, росту религиозности.

Более того, несмотря на все радостные цифры официальной статистики и возмущения «насаждением» русского языка, на самом деле каждый третий человек перусской национальности не владеет свободно русским языком, а распространение русского языка среди местных национальностей союзных республик проходит очень неравномерно.

Например, сегодня лишь треть местного населения Узбекистана владеет русским языком, лишь пятая часть студентов республиканского института русского языка и литературы удовлетворена качеством лекций, четвертая — семинарскими занятиями. Поэтому остается актуальной задача качественного улучшения знания русского языка, особенно в сельских районах Средней Азии, Закавказья, Прибалтики. В то же время существенное значение имеет овладение русскими и лицами других национальностей языками «коренных» жителей той или иной республики. Национально-русское двуязычие — вот что должно стать главным направлением языковой политики в СССР.

«В наших условиях, — пишет Герой Социалистического Труда Мирза Ибрагимов, — когда двуязычие стало повседневной потребностью каждого из нас, благодаря русскому языку мы познаем жизненный опыт и мудрость многих народов, постигаем богатства их культуры. Есть у этого процесса еще одна важная сторона. Общение, взаимный интерес учит нас бережнее относиться и к языку материнскому, ко всему ценному, непреходящему в культуре собственного народа» (11).

И не случайно лингвисты ставят задачу развития и усовершенствования, в частности, украинского языка с учетом достижений науки, техники и культуры, достижений мировой цивилизации и на основе ценностей, выработанных другими языками, на основе контактов и взаимосвязи с языками наиболее родственными — русским и белорусским. Главное, чтобы законная любовь к родному языку не превраща-

лась в языковой шовинизм, который стал бы барьером на пути интернационализации, взаимосвязи национальных культур. Русский язык выступает не только как основной язык научно-технического и культурного обмена, но и как главный посредник в процессе различных форм общения духовной жизни советских народов.

Следует обратить особое внимание на культуру воспитания русской речи в условиях национально-русского двуязычия, усиления борьбы с тенденциями архаизации, искажений в национальных языках, со стремлением к его ограниченности и раритетности.

Нельзя не видеть и того, что в последнее время участились высказывания, в том числе и в прессе, которые явно грешат национальной ограниченностью. К сожалению, им не всегда дается правильная политическая оценка. А наши научные и идеологические кадры порой занимают явно выжидательную позицию.

В ряде газет и журналов, издающихся в Казахстане на казахском языке, в частности, «Казахстан айсылдери» («Женщины Казахстана»), «Мадениет Жане Турмыс» («Культура и быт»), «Онтустик Казахстан», на фотоснимках представлены, как правило, только люди коренной национальности. Газета «Вечерняя Алма-Ата» (за 10 декабря 1986 г.) с большой похвалой отзывалась об открытии детского сада, в котором обучение ведется только на казахском языке, как якобы захотели «сами дети» и их родители. Линию на национальную обособленность занимала и молодежная газета «Лениншил жас». Она призывала больше открывать в республике школ и детских садов лишь с казахским языком обучения.

Вот, например, какие стихи Б. Кананьянова печатает республиканский журнал «Простор» (1987, № 1) в период, когда в Казахстане проявляется особая забота о двуязычии как о норме нашей жизни:

Позабывтый мною с детства язык,
Пресловутое двуязычие,
При котором теряешь свой лик
И приобретаешь двуличие...

Ориентация на национальную изоляцию (чаще всего в замаскированном виде) стала лейтмотивом ряда статей газет

и журналов и в других регионах страны. Авторы некоторых публикаций призывают изучать только язык «коренной» национальности. Некоторые из них выразили свое отрицательное мнение по поводу того, что украинское телевидение стало вести передачу «Вокруг зеленой лампы» на русском языке, и резко осудили учительницу из Харькова, которая высказала свое желание иметь на русском языке произведения Д. Селинджера.

Однако историческая логика убеждает в необходимости изучения двух языков — «коренной» национальности и русского, как языка межнационального общения. Двуязычие — объективная потребность современного общественного развития, одно из важнейших условий обеспечения всестороннего расцвета и сближения наций и народностей СССР. Двуязычие улучшает межличностные отношения, является нормой жизни в республиках, залогом дальнейшего развития новой исторической общности людей — советского народа.

В последнее время общественность, например, Украины довольно остро ставит вопросы, которые касаются практики двуязычия, усовершенствования культурной и языковой политики. Понятна тревога украинской интеллигенции по поводу резкого сужения сферы действия украинского языка в республике. Но, разворачивая давно назревшую и такую необходимую работу по повышению роли украинского языка в жизни республики, следует чувствовать под ногами твердую интернационалистскую почву. Иначе вновь зазвучат требования, выдвинутые в отдельных газетах, на пленуме Союза писателей Украины, в некоторых выступлениях на съездах учителей, театральных деятелей республики — провозгласить украинский язык государственным и отказаться в школах республики от принципа свободного выбора языка обучения.

Непаучное толкование русско-украинского двуязычия нередко сочеталось со ссылками на резолюцию Восьмой Всероссийской конференции РКП(б) «О Советской власти на Украине» (декабрь 1919 г.), в которой, в частности, говорится об обязанностях членов партии на территории Украины на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план (12).

Несомненно, партийная резолюция и сегодня сохраняет свое принципиальное значение. Однако нельзя выдергивать ленинскую мысль из конкретно-исторического контекста. Предложенные в ней мероприятия выдвигались в повестку дня в 1919 году вследствие того, что «украинская литература (язык, школа) и т. д. в течение веков подавлялась царизмом и эксплуататорскими классами России» (13). Можно ли считать замалчивание этого факта научно оправданным?

Хорошо известно, что В. И. Ленин выступал против какого-либо насилия в вопросах языка и потому возражал против декларирования общегосударственного языка. Отвечая в 1914 году тем, кто обвинял большевиков-правдистов в отрицании обучения, преподавания на родном языке, он писал: «Правдисты *первые* в России, примкнув к совещанию марксистов, провозгласившему *отсутствие обязательного государственного языка*, признали *полностью* права родного языка!» (14). Вопрос о языке, принятом для большинства, В. И. Ленин неизменно ставил в зависимость от потребностей экономического развития. Именно объективные потребности развития советского общества обусловили в нашей стране практику национально-русского двуязычия. Таковы ленинские уроки, которые нам не следует забывать.

Нужно также отметить, что те, кто выдвигает предложения о придании украинскому языку государственного статуса и внесения соответствующей записи в Конституцию республики, по-видимому, не разобрались в следующем.

Во-первых, придание одному языку государственного статуса является проявлением его привилегий перед другими. Такой конституционный языковой гарант нередко использовали эксплуататорские классы, чтобы еще больше закрепить интересы господствующей нации. Исторический опыт свидетельствует, что, провозглашая свой язык государственным, они душат языки других наций страны, а зачастую и запрещают их в законодательном порядке. Известно, что именно так было в Австро-Венгерской монархии, панской Польше в 1918—1939 годах. Такое положение ныне в Южно-Африканской Республике, правительство которой проводит политику апартеида.

В «Тезисах по национальному вопросу» В. И. Ленин писал: «Отстаивая последовательно демократический государственный строй, социал-демократия требует безусловного равноправия национальностей и борется с какими бы то ни было привилегиями в пользу одной или нескольких национальностей. В частности, социал-демократия отвергает «государственный» язык» (15).

Ни в одном программном документе нашей партии по национальному вопросу мы не найдем положения о «государственном языке» в многонациональном социалистическом государстве. Наоборот, в партийных документах подчеркивается полное и безусловное равноправие национальностей, определяется недопустимость какого-либо привилегированного языка.

Во-вторых, ленинские принципы национально-языковой политики нашли свое отражение в Конституции СССР и Конституциях союзных республик. Так, в статье 34 Конституции СССР провозглашается, что граждане СССР равны перед законом независимо от происхождения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств (16). Статья 36 устанавливает равенство прав граждан СССР различных рас и национальностей и указывает, что осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользования родным языком и языком других народов СССР (17). Статья 45 обеспечивает права граждан СССР на образование, в частности, возможность обучения в школе на родном языке. Статья 116 закрепляет положение о том, что законы СССР, постановления и другие акты Верховного Совета СССР публикуются на языках союзных республик (18). Статья 159 Конституции СССР провозглашает, что судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики, автономной области, автономного округа или на языке большинства населения данной местности. Важно и то, что участвующим в деле лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, обеспечивается право полного ознакомления с материалами дела, участие в судебных действиях через

переводчика и право выступать в суде на родном языке (19).

Все эти основные принципы государственно-правового и культурно-языкового развития республики отражены и законодательно закреплены также в Основном Законе Украинской ССР — ее Конституции 1978 года. Они зафиксированы в статьях 84, 43, 68, 103, 154, 157.

Статья 103 Конституции УССР установила, что законы Украинской ССР, постановления и другие акты Верховного Совета УССР публикуются на украинском и русском языках, что является абсолютно естественным и закономерным (20). Такой подход оправдан и необходим, ибо русский язык превратился в эффективное, незаменимое средство межнационального общения и братского сотрудничества народов нашей многонациональной Родины. Он является, по сути, вторым родным языком народов СССР, о чем свидетельствуют переписи населения страны. Так, на Украине во время Всесоюзной переписи 1979 года русский язык назвали родным 15,5 миллиона человек, или 31,2 процента, а еще 19,9 миллиона (40 процентов всего населения) указали на русский язык как на второй родной язык, которым они свободно владеют. Еще более показательны в этом отношении данные, характеризующие население столицы Украины — города Киева. Преобладающее большинство киевлян — 87,3 процента свободно владеют русским языком, при том, что русские по национальности составляют только 22,4 процента всего населения города (21).

В соответствии со статьей 43 Конституции УССР право граждан Украинской ССР на образование обеспечивается, в частности, возможностью обучения в школе на родном языке (22).

Таким образом, в существующем Основном Законе республики достаточно полно закреплены конституционные гарантии украинского языка. Другое дело, что этим правом нужно более активно пользоваться. Сегодня, в условиях перестройки, это и возможно, и необходимо. Задача заключается в том, чтобы привести в полное соответствие с духом и буквой Основного Закона повседневную языковую жизнь.

Подобные примеры можно привести и по другим респуб-

лика, в которых введен или вводится государственный язык. Что ж, это суверенное право каждой республики. Но как быть с другими языками, в том числе с русским? Мы против того, чтобы посредством введения государственного языка создавался привилегированный статус одному из языков. Ведь там, где существует привилегия, не может быть места равенству. И видимо не стоит игнорировать ленинского отношения к этому вопросу (23).

Выше уже говорилось о 60 миллионах советских людей, живущих не в «своих» республиках. Благополучие этой категории — важнейший показатель интернационального здоровья общества — они ведь оказываются чаще всего ущемленными в удовлетворении своих национальных запросов. Примениительно к языку, речь идет о требовании знать в обязательном порядке два языка — язык союзной республики и язык межнационального общения. А как быть с 22 миллионами человек, которые живут на территории того или иного национально-государственного образования и не относятся ни к основному для этого образования народу, ни к русскому — и, значит, стоят перед необходимостью владения минимум тремя языками — родным, русским и государственным (пример — армянин в Азербайджане). Помимо этого, в нашей стране около 0,5 миллиона человек, стоящих перед необходимостью владения четырьмя языками (пример: украинец в Абхазии). Проблема, как видим, стоит довольно остро и порождает недовольства, бурную реакцию общественного мнения. Однако введением государственного языка ее не решишь, а только усугубишь.

И еще одна проблема. Собственно говоря, впервые после В. И. Ленина прозвучала в полный голос мысль о том, что истинный интернационализм состоит не только в том, что украинец, узбек, белорус владели бы русским языком межнационального общения, но и в том, чтобы в соответствии с потребностями жизни русский, проживающий на территории, скажем, Украины или Белоруссии, знал язык той нации, на территории которой он проживает.

В книге Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» раскрывается методологическая основа подхода КПСС к решению вопросов национально-языковой жиз-

ни: «Временами у нас разгораются дискуссии о развитии национальных языков. Что тут можно сказать? Даже самому малому народу нельзя отказать в языке. Ведь это человеческая культура во всем своем многообразии, в каком она дошла до нас, во всем этом многоязычии, в одежде, обрядах, внешнем облике. Это наше общее богатство. Разве можно проявлять к нему невнимание, допускать его умаление?»

Но в то же время, живя в нашей огромной многонациональной стране, не обойдешься без средства общения, каким естественно стал русский язык. Всем нужен этот язык, да и сама история определила, что объективный процесс общения развивается на основе языка самой крупной нации... Тем более что русский народ доказал всей своей историей, что у него огромный потенциал интернационализма, уважительности, доброжелательства ко всем народам. Жизнь показала — надо изучать два языка (помимо иностранного): родной и для общения — русский.

Всякие попытки разжигать страсти на национальной почве могут лишь осложнить поиски разумных решений. Мы не собираемся уходить от этой и других возникающих проблем, будем их решать в рамках демократического процесса, укрепляя наше интернационалистское сообщество народов» (25).

Развитие национальных языков и национальных культур у нас — забота государственная, не забудем это. Мы констатируем наличие проблемы. Наскоком ее не решить. Как и другие проблемы, которые могут когда-то и где-то резко проявиться. Эту конкретную проблему сейчас подметили писатели, социологи, историки. Пока она не превратилась в неразрешимую, надо искать наилучшие варианты.

Нужно при этом учитывать и исторический опыт. Борьба за любые национально-культурные символы, например, язык, всегда отражала социальные интересы определенных групп. В наше время важнее видеть не только свои национальные интересы, но и общие для страны. Они важны, это несомненно, нельзя уходить от их решения, но еще более важно, чтобы внешне проявленные национальные факторы (например, языковые, культурно-исторические, территориальные) не затмили решения экономических и общесоциальных проблем нашего общества.

О «бытовом национализме»

Мы много говорили о социально-экономических и политических причинах появления национализма в нашей стране. Но ведь националистические проявления подчас находят свое выражение в так называемом «бытовом национализме», когда тот или иной человек испытывает неприязнь к представителю другой национальности, руководствуясь слухами, обывательским подходом, стереотипами. То есть речь идет о националистических проявлениях на бытовом уровне, свидетельствующих, в частности, о низкой культуре межнационального общения у конкретного индивидуума, слабой воспитательной работе в конкретной микросреде. В психологическом плане «бытовой национализм» опирается на устойчивые стереотипы — образы той или иной нации, оскорбляющие национальное достоинство.

Понятно, что проявления национализма в быту проистекают от нерешенности ряда социальных и экономических вопросов и там, где четко организован труд, где людей объединяет дело, там нет места национальной розни. Однако «бытовой национализм» существует.

Сотрудниками Института социологических исследований в июне 1988 года проведен опрос москвичей по проблемам национальных отношений. Из 156 человек, указавших конкретные факты, 29% сталкивалось с негативным отношением к лицам другой национальности в других республиках (Прибалтика, Закавказье, Средняя Азия, западные области Украины и Белоруссии), 10% москвичей указали на проявление недружелюбия по отношению к русским со стороны населения других регионов страны, 12,2% — к лицам еврейской национальности, 5% — к кавказским и среднеазиатским народностям, 2% — к другим.

Результаты опроса показали, что в своем большинстве проявления недружелюбия такого рода встречаются в бытовой сфере — в магазинах, на рынках, в общественном транспорте и т. д. (Интересно при этом высказывание одного рабочего: «С уверенностью могу сказать, что в рабочей среде нет национализма. С ним я не встречался».) Элементы недружелюбия чаще всего проявляются в пропихивании раз-

говорах, шутках, анекдотах. Значительно реже отмечаются факты издевательства или оскорблений. Только в 4% случаев приводились примеры дискриминации по национальному признаку в действиях должностных лиц — при выезде за границу, при устройстве на работу, при поступлении в институт и т. д.

Следует задуматься над тем, что питает бытовой национализм. Национализм в психологическом плане — это эгоизм, себялюбие, разделение всех на своих и чужих, на «чистых» и «нечистых». Мы долгое время недооценивали психологические аспекты национальных отношений. Об этом в «Известиях», в частности, пишет К. Карина из Москвы, говоря об устойчивых стереотипах-образах того или иного народа, оскорбляющих национальное достоинство. Вот характерное письмо: М. Шульга из Краснодарского края, помянув «Джугашвили и Берия» как виновников всех наших несчастий, высказывается в том смысле, что и ныне «русским труженикам нет житья от кавказских спекулянтов».

С другой стороны, необходимо изменение психологической установки по отношению к русскому народу. Например: русский народ ранее всегда выступал в роли помогающего другим народам. Сегодня надо понимать, что уровень жизни русского народа уже сравнялся с уровнями жизни других народов, а то стал и отставать в своем развитии. Значит, психологическая перестройка должна произойти и у тех, кому помогали (они должны понять, что не могут больше рассчитывать на прежнюю «массу» помощи), и, разумеется, у тех, кто помогал (они должны увидеть рядом равных партнеров). Сложность в том, что перестройка психологии будет происходить довольно долго, и определенное время будет существовать какая-то психологическая неудовлетворенность. А в многонациональной среде любая неудовлетворенность часто переносится на национальную почву.

Порой «бытовые» проявления национальной ограниченности существуют в виде разного рода «национальных анекдотов», прозвищ и т. п. Как говорилось на VIII съезде писателей СССР, к сожалению, особенно на киноэкране, если появляется представитель Средней Азии или Закавказья — это, как правило, глубокий провинциал, говорящий по-русски с ужасным акцентом, в папахе или старомодной дурацкой кепке. Такие стереотипы негативно влияют на обыденное со-

знание некоторых лиц, создают нездоровую психологическую атмосферу, которая может привести к откровенным проявлениям национализма.

Подчас эмоции захлестывают нас в споре, в беседах, в оценках явлений общественной, в том числе национальной, жизни, когда с их помощью стремятся объявить абсолютной истиной собственную ограниченность, собственную предвзятость, собственную культурно-историческую слепоту и глухоту. Такое впечатление, что кто-то попросту «проспал» не один год нашего развития, не читает газет и журналов, не слушает радио и не смотрит телевизор, не знает партийных документов последнего времени.

Газета «Вечерний Киев» в июле 1988 года опубликовала специальную подборку писем по поводу дальнейшего развития украинского языка в республике. Я — украинец, и потому особенно горько было мне читать эти письма.

Приведу некоторые из них, наиболее ретроградные, что ли, в которых есть все: и застарелая желчь, и злость, и дремучее невежество, и провинциальная предубежденность, и влопыхательство. Но обо всем по порядку. Вот письмо следующего содержания: «Мы с благоговением слушаем прекрасную речь москвичей, ленинградцев». Чего же боле? «А наш язык (украинский. — Ю. Р.) никто не любит (! — Ю. Р.). Куда бы ни поехал, никто с украинцами даже жить не хочет. И что только не услышишь: что и нация предательская, и все хануги, и больше всего полицаев было среди украинцев, и не кто, а украинцы преподнесли Гитлеру хлеб-соль...»

Другой автор обосновывает тезис о «сельском национализме», проникшем в украинские города с папльвом в них выходцев из сел. «А в селах, — говорится в письме в газету, — сколько свет стоит, была струнка национализма и выпячивание вперед украинского происхождения».

Еще один автор прокладывает, так сказать, «мостик» в современность, говоря: «Надо было вам самим сделать революцию, тогда бы ввели только свой язык — украинский. Хотеть все на украинском языке — национализм». И далее: «Не для того русские кровь проливали, чтобы вы пятаками только на ридной мове. В партию вступать не желают, языком русским разговаривать не желают, убивают людей из-за тряпок, трудятся кое-как. Хватит и того, что русские учат

украинский язык и литературу. Гласность должны представлять умным, а не дуракам и националистам». Хотя письмо подписано «кандидат наук...», перед нами злобствующий мещанин, выплескивающий свою шовинистическую желчь.

Еще один читатель полагает, что если развивать украинский язык, то «ретивые бездельники подымут вопрос «за самостійність України» (выражение автора. — Ю. Р.). Так можно дойти до того, что все пятнадцать республик поднимут свой специфический вой о родном языке и начнут всех в стране учить грузинскому, армянскому языкам».

В связи с опубликованием в газете «Вечерний Киев» стихов С. Музиченко на украинском языке автор еще одного письма возмущается, сигнализируя об этом как еще об одном «безобразном», как он считает, проявлении национализма. Дальше — угроза отправить экземпляр газеты в «Правду», чтобы там увидели воочию, до каких фантастических пределов дошел национализм на Украине, и, разумеется, павели там порядок. Закачивается это удивительное в период перестройки письмо так: «Плохой вы редактор, да это и понятно — вы же украинец».

Характерны и письма, в которых так и проскальзывают нотки национальной предвзятости, более того — даже враждебности к русским. А один аноним не постеснялся кощунственно взять себе псевдоним «Тарас Григорьевич Шевченко», чтобы выразить вновь-таки невежественный взгляд на русскую историю и охарактеризовать наш братский русский народ как «презираемый во всем мире татаро-монгольский сброд». И это о народе, исторические заслуги которого, вклад в мировую цивилизацию, в строительство нашего общего дома неоценимы, наконец, высокие моральные и духовные качества которого всегда почитались всем человечеством.

Права газета, когда пишет по этому поводу: «Собственно, здесь видим, как взаимно питают друг друга великодержавно-шовинистические и националистические умопомрачения, шовинистически или националистически окрашенная предвзятость, темнота, бескультура» (1).

Мы много рассуждаем о высоких материях, о проникновении интернационализма в ткань национального организма, его отражение на личном уровне, о вхождении элемен-

тов высокой культуры межнационального общения в жизнь. Однако национальная предубежденность очень часто выражается в межличностных отношениях, например, в неодобрении межнациональных браков. Газета «Известия» в январе 1988 года опубликовала такое письмо. «Я — узбек, хочу жениться на русской девушке, — пишет Г.П. из Ташкента. — Услышав о моем решении, дома подняли большой скандал. В чем меня только не обвиняли. И в том, что я кофур, то есть неверный, и в том, что я предатель своей нации, что рано или поздно такие семьи распадаются. И это была только одна сторона дела. У меня есть старшая сестра и младший брат. По словам родных, и им будет несладко, если я женюсь на русской. Сестру мою никогда не выдадут замуж, а брат никогда не женится, проклетие повиснет над нашим домом». Материалы конкретно-социологических исследований, проведенных в Чечено-Ингушетии, показали, что из числа опрошенных 29,6% чеченцев, 24,5% ингушей и 14,8% русских все еще не одобряют браки с представителями других национальностей (2).

К сожалению, в последнее время наблюдаются случаи «рукопашного» решения проблем национальных отношений, когда, скажем, эстонские парни устроили драку в микрорайоне Таллина Вейдемяе с русскими парнями, сопровождая ее националистическими возгласами. Прав К. Кохберг, приславший письмо в газету «Известия» следующего содержания: «Мой дед, революционер с 1905 года, старый большевик, жизни не пожалел за Советскую власть, прошел тюрьмы, каторгу, Сибирь, был членом ЦК Компартии Эстонии с 1944 года. Отец, честный коммунист, воевал на фронтах Отечественной войны. И я вправе предъявить счет партийным, советским, комсомольским работникам республики за то, что они плохо занимаются воспитанием молодежи в духе интернационализма» (3).

А вот о чем писала «Комсомольская правда»: «Били выборочно. Выбирали по цвету шевелюры... Плотное кольцо подростков окружило парней с Кавказа. Сбили с ног, стали пинать ногами... Избиваемые не то чтобы защищались — и понять не успели: за что?.. И вот что выяснилось. Мероприятий по интернациональному воспитанию много. Здесь и интернациональные клубы, ансамбли политической песни, слеты и митинги. В Тюмени, где произошел этот возмущи-

тельный случай, что-то около сотни национальностей. Но дальше аплодисментов дело не шло».

Оказалось, что о традициях, обрядах, образе жизни людей за рубежом тюменские школьники знают иногда больше, чем о национальностях, которые живут в нашей стране. Представителя обкома комсомола спрашивали в одной из тюменских школ: «А правда, что на Кавказе дети носят пионерские галстуки?», «С каких лет там идут в школу?», «Изучают ли русский язык?» То есть школьники Тюмени не знают элементарных вещей, и их представления о той или иной нации нередко складывались по торговцам на рынке, по анекдотам в своем кругу, по слухам, которые гуляют по городу. Словом, о дружбе между народами и о друзьях стали судить по отношениям через прилавок рынка. Интернационализм стал для ребят абстрактным понятием. В чинных залах говорили о «братской семье народов», а дома и во дворе о том, что чеченцы вроде бы убили в Новом Уренгое подростка, что в Сургуте вроде бы передрались одесский и дагестанский стройотряды. Разговоры заканчивались одним: понаехали тут! (4).

Авторы письма в «Комсомольскую правду» справедливо полагают, что понятие «интернационализм» за минувшие годы несколько сузило свой спектр. Вместо симфонического оркестра порой обходились струнной группой или даже одним ударником.

Судя по письмам, большинство отрицательных мнений, скажем, о латышах, рождены турпоездками, «экскурсионными» обидами, неприязнью продавщиц к транзитным пассажирам... Возникают, скажем, порой и такие суждения, «латыши цивилизованные и хозяйственные, но вот только негостеприимные к своим восточным братьям», «Латвия и вся Прибалтика — это же маленькая капстрана в СССР», «в русских даже через семьдесят лет после революции не исчезли имперские чувства».

Откуда берется «бытовой национализм»? Думается, что социальной средой, питающей это явление, стал довольно широкий в нашей стране слой мещанства — людей, для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к паживе любым способом. Прослойка таких людей существует во всех классах и социальных группах нашего общества. К сожалению, их циничная позиция приобретает се-

годня все более воинствующие формы, порождает новые волны потребительства.

Прав М. С. Джунусов, говоря о том, что для подобного рода людей главное — «гнездо», тишь, уют, благоденствие, непыльная работа, отдохновение от всяких забот. Вот на этой сонной почве и расцветали у нас самодовольство, самоуспокоенность, инертность мышления. Затронь личные интересы такого мещанина — и поднимается вопль. А если обидчик другой национальности, узбек, латыш или удмурт, то и любому конфликту придается «межнациональный» оттенок. С обывательского, стереотипизированного мышления и начинается национализм.

Но кто виноват, что у какого-нибудь нравственно незрелого москвича при одном упоминании о наших южных народах в воображении возникают Центральный рынок и загорелая рука, протягивающая букетик гвоздик «всего за десятку»? Разве какой-то определенный народ, а не косная система экономических отношений, которая возвела спекуляцию чуть ли не в закономерность, виновата в этом? Тут наш обыватель до сих пор щедро наделяет ярлыками и узбека, и грузина.

«Словом, — пишет М. С. Джунусов, — мещанство, разлагающее национальное сознание, — это, на мой взгляд, не менее глобальная проблема, чем ядерная угроза или охрана окружающей среды. И если народы до сих пор с легкостью разделяют мир на «своих» и «чужих», то в первую очередь потому, что не разглядели еще в масштабе своего врага номер один» (5).

И все же, сталкиваясь с проявлениями националистических предрассудков, не следует драматизировать события, впадать в панику. Это было бы только на руку экстремистам, социальным демагогам. «В самой примерной семье, — подчеркивает заслуженный работник культуры Каракалпакской АССР В. Бочин из Нукуса, — порой возникают недопонимания, трения и конфликты. Тем более это возможно во взаимоотношениях между нациями».

О РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЯВЛЕНИЙ НАЦИОНАЛИЗМА

Где корни тех инцидентов, которые произошли в Алма-Ате, Прибалтике, Закавказье? Почему в некоторых республиках и регионах усилились иждивенческие настроения и там столкнулись с проблемой перерождения значительной части кадров? На какой почве возродились некоторые архаические, реакционные традиции и обряды? Однозначный ответ на эти вопросы, разумеется, дать нельзя.

В предыдущих разделах мы говорили об общих причинах появления национализма в СССР. И все же, хотя причины националистических проявлений в СССР однотипны по своей сущности, они имеют специфическую форму проявления в каждом отдельном регионе, обуславливаются определенными историческими, социально-экономическими и идейно-политическими факторами. Вот почему конкретный (региональный) вид националистических проявлений порождается как общими, так и особыми причинами.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что народы нашей страны к моменту установления Советской власти находились на различных уровнях социально-экономического развития, которые обуславливали особенности национального строительства и которые следует принимать в расчет при выработке современной политики, направленной на совершенствование национальных отношений. По уровню достигнутого к тому периоду социально-экономического развития народы, населявшие нашу страну, могут быть разделены на четыре группы:

1. Народы, стоявшие на капиталистической стадии развития и уже сформировавшиеся в нации, — русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, латыши, эстонцы, литовцы и некоторые другие.

2. Народы, находившиеся на стадии перехода от феода-

лизма к капитализму, у которых начался процесс складывания наций, — узбеки, туркмены, казахи и др.

3. Народы, находившиеся на докапиталистической стадии развития, — уйгуры, каракалпаки, часть горцев Кавказа, башкиры, марийцы, удмурты, якуты и некоторые другие. У них еще не было условий для формирования в нации.

4. Народы, находившиеся на стадии патриархально-родовых отношений. Это народы Сибири, Дальнего Востока и частично Северного Кавказа (1).

Невозможно пока с одинаковой степенью точности рассказать об особенностях всех регионов нашей страны — слишком мало накоплено материалов, ведь эта проблема практически не исследована.

Поэтому остановимся на анализе причин проявлений национализма там, где национальные конфликты получили особую остроту. В этом отношении наибольший интерес представляет выяснение специфических причин проявлений национализма в Казахстане и Средней Азии, Армении и Азербайджане, Прибалтике.

Казахстан и Средняя Азия

Как известно, народы Казахстана и Средней Азии пришли к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Поэтому социально-этнические процессы в этом регионе происходили особенно трудно. И здесь серьезным препятствием в социалистическом строительстве стал национализм, который, правда, имеет специфическую природу.

Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О работе Казахской республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся», прежнее руководство ЦК Компартии Казахстана, многие партийные комитеты республик допустили серьезные ошибки в реализации национальной политики, существенно ослабили работу по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся. Не учитывался быстрый рост национального самосознания, не находили своевременного и правильного решения возникающие проблемы. На оп-

ределенном этапе партийные организации, по существу, прекратили борьбу с проявлениями шовинизма, национализма и местничества в экономической, культурной и духовной сферах.

Каково же своеобразие причин проявления национализма у этих народов? Возникновение национального згоизма в указанном регионе — это прежде всего следствие неразвитости материального производства, составляющего основу всех общественных, в том числе и национально-этнических, отношений. Длительное время у народов Советского Востока сохранялся кочевой или полукочевой образ жизни с крайне слабыми экономическими связями между этническими группами. Например, к 1929 году более 90% бурят еще не перешло к оседлости, а киргизы и алтайцы стали отказываться от кочевого образа жизни и переходить к оседлости лишь с 1931 года. У казахов этот процесс в основном завершился только к 1936 году.

В Средней Азии, Казахстане и ряде других регионов страны процесс преодоления национализма и его пережитков замедлялся устойчивыми родоплеменными традициями, проявляющимися в сфере труда, семейно-бытовых отношений, идеологии и культуры. Стоит вспомнить мнение В. И. Ленина, который писал: «Чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального згоизма, национальной ограниченности» (1).

Националистические предрассудки и их живучесть обусловлены и отсталостью социально-классовой структуры. Так, в 1913 году в Средней Азии имелось лишь 813 предприятий полукустарного типа, в том числе 425 находились в Узбекистане (в рамках современной территории республики). На всех предприятиях было около 22 тысяч рабочих, из них около 18 тысяч в Узбекистане, 2011 — в Туркмении, 1500 — в Киргизии, 207 — в Таджикистане. К тому же эти рабочие в своем большинстве не представляли «коренную» национальность.

В составе населения преобладали крестьяне или кочевники-скотоводы, находившиеся под сильным идейным и политическим влиянием феодально-родовой верхушки и духо-

венства. В Казахстане и Средней Азии значительно выше, чем в Целом по стране, оставался удельный вес эксплуататорских классов, которые, стремясь сохранить свои привилегии, выступили противниками Советской власти, сеяли вражду и недоверие между народами.

Опыт показал: чем больше и дольше остаются в стране после совершения в ней социалистической революции остатки эксплуататорских классов и мелкобуржуазных устоев, тем больше объективных и субъективных источников, питающих национализм. И не случайно, как заметил В. И. Ленин, «у широкой массы крестьян и мелких хозяйчиков» национальное недоверие «держится часто крайне прочно» (2).

Экономическая и социальная неразвитость определила и культурную отсталость, господство средневековых предрассудков и традиций, сильное влияние мусульманской религии, безграмотность. У 110 народов дореволюционной России отсутствовала письменность. По данным переписи населения, в 1920 году на одну тысячу населения грамотных приходилось в Европейской России 330, в Туркестане: казахов и киргизов — 21, узбеков и таджиков — 18, туркмен — 6 человек.

Культурная отсталость обусловила обыденный уровень сознания подавляющего большинства населения указанных регионов, что само по себе явилось серьезной помехой в интернационально-патриотическом воспитании.

На возникновение национализма в Средней Азии и Казахстане могло повлиять и несовершенство политической структуры. Длительное время существовали переходные формы власти, связанные с неразвитостью общественно-экономических укладов и духовной жизни народов. Так, в Бухарской и Хивинской народных социалистических республиках некоторое время сохранялся аминно-аксакальский аппарат, унаследованный от старого режима. Центральный исполнительный комитет Бухары в 1922 году состоял из 5 рабочих, 12 купцов и владельцев мелких предприятий, 3 служителей культа, 30 представителей интеллигенции и служащих, 35 дехкан. Разумеется, Советы в таком составе не могли последовательно и настойчиво вести борьбу с национализмом и его носителями.

Источником, порождающим националистические предрассудки, а вместе с этим и механизмом, снижающим эффективность борьбы с ними, явилась «социальная память» о коло-

ниальной политике царского правительства, которая вызывала напряженные и острые национальные конфликты. В. И. Ленин обращал внимание на то, что пережитки национализма имеют более глубокие корни у того народа, который длительное время добивался национальной справедливости (3).

Конечно же, на консервацию националистических предрассудков традиционно сильное воздействие оказывал и оказывает ислам.

Влияние империализма и реакционных режимов, расположенных у границ Среднеазиатских советских республик, было также одной из главных причин, обостривших трения на национальной почве между народами, населявшими эти республики, и усложнивших борьбу с национализмом и его пережитками. Правящие круги Англии, США, Ирана, Турции и других государств, стремясь посеять антирусские, антисоветские настроения и помешать революционным преобразованиям, начавшимся под влиянием Великого Октября, помогли свергнутым классам Средней Азии организовать басмачество, которое нельзя рассматривать иначе как составную часть гражданской войны и иностранной военной интервенции против Советской России.

Силы, организовавшие басмачество, под прикрытием националистических лозунгов навязали народам Средней Азии самую острую форму классовой борьбы, сопровождавшуюся жестоким террором, принимавшим изуверские методы насилия. Басмачество зародилось в 1917 году. Оно то ослабевало, то вновь оживало и было ликвидировано лишь в 1931 году.

Перечисленные выше факторы оказали большое влияние на весь ход строительства социализма народами Казахстана и Средней Азии. Неверный подход к их преодолению в предыдущие десятилетия послужил тому, что многие из них законсервировались и расцвели пышным цветом в застойные времена. Они стали составной частью повой группы причин деформаций национальных отношений, порожденных уже самой административно-командной системой.

К причинам подобного рода несомненно относятся прежде всего негативные тенденции в области экономики, когда темпы роста потребления национального дохода в Казахской ССР и в республиках Средней Азии увеличивались быстрее,

чем темпы его производства, недооценивалась возможность развития современных отраслей промышленности, ускорения научно-технического прогресса. Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС, на рубеже 70—80-х годов вклад Казахстана в единый народнохозяйственный комплекс страны стал все больше не соответствовать его возрастающему экономическому и научному потенциалу.

В последние годы стали вообще утрачиваться традиции социалистического соревнования предприятий Казахстана с родственными коллективами братских республик, способствовавшего укреплению производственных и общественных связей трудовых коллективов.

Среди первоочередных проблем, решение которых оказывает непосредственное влияние и на состояние национальных отношений, важное место занимает последовательное осуществление принципов социальной справедливости, в частности, в распределении доходов, при решении жилищных вопросов, в торговле, бытовом обслуживании и т. д. Анализ положения дел, в частности, в Казахской ССР показал, что негативные явления в названных сферах проецируются и на национальные отношения.

Мы просто не учитывали, что, скажем, строительство жилья, улучшение продовольственного снабжения, расширение ассортимента и улучшение качества товаров народного потребления, торгового и культурно-бытового обслуживания трудящихся имеют важное значение в совершенствовании интернационального и национального в сфере быта, упрочении общесоветских черт образа жизни.

Застойные явления, охватившие все отрасли народного хозяйства и сферы общественно-политической жизни Казахской ССР, усилили проявления обособленности и эгоизма, создали нездоровую морально-правственную обстановку, породили нежелательные явления в межнациональных отношениях, у части кадров повысили чувство национального эгоизма и самодовольства. Довольно ощутимое влияние на формирование межнациональных отношений оказывает непропорционально малое представительство казахов в составе рабочего класса.

События в Казахстане наглядно свидетельствуют, к каким последствиям могут привести нарушения в обеспечении национального представительства во всех звеньях обществен-

но-политической структуры. Эти нарушения, а также невнимание к нуждам и запросам некоторых национальных групп вызвали отток части этого населения из республики, особенно из Гурьевской, Джезказганской, Кызыл-Ординской, Целиноградской областей.

Сыграли свою роль и коррумпированные круги, которые всячески стремились уйти от ответственности, скрыть свои преступления под «национальной оболочкой». Они поощряли проявления национализма, подталкивали людей, особенно молодежь, на националистические выступления. Словом, как пишет первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Г. В. Колбин, «горючий материал создавали те, кому нужна круговая оборона, они же и подожгли его» (4).

Насаждался показушный, точнее, подстраховочный «интернационализм» в виде взаимоприятствующего празднословия, крепкого рукопожатия по случаю и без, что подчас считалось единственной формой проявления интернациональной благонадежности. В то же время полностью игнорировались насущные проблемы развития школы и культуры.

В литературе, печати, на конференциях, собраниях, фестивалях мы восторженно говорили о том, что отдельные народы нашей страны шагнули в социализм прямо из феодализма. И не заметили, что этот скачок потянул за собой в современность патриархально-родовые обычаи, феодально-байские права и религиозные предрассудки.

На национальную жизнь в республиках Средней Азии отрицательное воздействие оказывают, например, пренебрежительное отношение к женщине, рецидивы феодально-байского отношения к ней. От зари до зари выполняют женщины обработку, окучивание хлопка тяжелым кетменем, перепосят порой непосильные грузы и одновременно выполняют домашние работы. Народный писатель Узбекистана А. Якупов справедливо пишет по этому поводу: «Сегодня мужчины наши, отказавшись от «пережитков прошлого», взяли на себя менее обременительный труд. В июле они работают чаще всего весовщиками, и грустно видеть, как муж управляет весами, в то время как его жена или ребенок тащит фартук, набитый хлопком». Подчас женщинам в Средней Азии чинят препятствия в поступлении на учебу, насильно выдают замуж, избивают, издеваются, что приводит к сотням самоубийств в Узбекистане, десяткам — в Таджикистане. И эта

острая проблема, которая продолжает существовать, требует незамедлительного решения в интересах женщин, в интересах всего советского общества, радикальных перемен во всех сферах нашей жизни.

Но тут вряд ли правомерно списывать все на пережитки прошлого. «Да мы своих, советских баев вырастили», — замечает в этой связи читатель «Известий» В. Челмаев из Усть-Каменогорска. Многие читатели связывают негативные явления в сфере национальных отношений с общей «безнадзорностью, бесконтрольностью, в которой протекала наша государственная и общественная жизнь». Г. Никонова из Тюмени, долгое время проработавшая в Узбекистане, полагает, что «национальное чванство — это результат общего падения прав». Многие разучились быть порядочными людьми».

Мы сейчас знаем, почему произошли события в Алма-Ате. Они связаны с грубыми нарушениями принципа социальной справедливости, протекционизмом, клановостью, что не могло не вызвать серьезных изменений морально-правовенного и политического климата. Сказались и серьезные недостатки в интернациональном воспитании и в научной разработке проблем развития национальных отношений, попытки представить все процессы и явления в розовом свете, закрыть глаза на неверные мнения и нездоровые настроения пусть и небольшой части людей.

Словом, теперь ясно, что симптомы болезни проявились задолго до кризисных событий. Атмосфера откровенного самодушования, беззащитная пропаганда дутых, несуществующих успехов привили своего рода иммунитет к критическому восприятию назревавших проблем. Тяжелую роль сыграла личная дружба Д. А. Кунаева с Л. И. Брежневым, породившая протекционизм на самом высоком уровне.

В республике катастрофически падали темпы производства национального дохода, копились миллиардные долги из-за недопоставок стране продукции промышленности и сельского хозяйства, пустели полки магазинов, росли очереди на получение жилья и мест в детских дошкольных учреждениях, а на Казахстан обильно лились золотые дожди наград.

Вокруг Д. Кунаева сплотилась значительная группа людей, объединенных общими паразитическими устремлениями. Они же возвели тогда монументальный памятник тестю Кунаева — Ш. Ялымову, белогвардейцу, члену колчаковской

акмолинской думы, принимавшему личное участие в расправах над борцами за власть Советов.

Трудно понять, почему Д. Кунаев потворствовал родоплеменному, жузовому делению, чуждому и партии, и обществу. Но именно при нем набрали силу землячество, кумовство, махровый протекционизм, сломавшие немало судеб. Об этом убедительно свидетельствует пример «политики», осуществлявшейся бывшим первым секретарем Чимкентского обкома партии Аскарковым, окружавшим себя только подхалимствующими земляками, вытесняя тех, кто принадлежал к иному роду-племени. Ту же линию проводили руководители в Талды-Курганской, Уральской, Гурьевской областях, во многих городах и районах. Проявлялось откровенное пренебрежение к людям. Протекционизм и землячество в самых различных органах управления, в том числе и правоохранительных, попирали основы законности, подрывали веру людей в социализм и социальную справедливость.

Все это вело, с одной стороны, к утрате доверия к политике руководителей, с другой — шла переоценка политических и нравственных ценностей, деформация сознания людей. Причем главной жертвой становилась молодежь. ЦК Компартии Казахстана на своем Пленуме в июне 1988 года еще раз проанализировал причины ее эмоционального срыва, приведшие к беспорядкам: в ряде вузов почти в открытую велось формирование националистических убеждений, идеализировалось дореволюционное прошлое. Кое-кто из числа профессорско-преподавательского состава проводил целенаправленную обработку студентов в националистическом духе. Стоит ли удивляться, что решение V Пленума ЦК Компартии Казахстана, освободившего Д. Кунаева от должности первого секретаря, частью молодежи было воспринято как удар по национальному самолюбию и тщеславию, как личная трагедия, как крушение надежд.

Кроме организованных бесчинств в Алма-Ате, были предприняты попытки спровоцировать антиобщественные шествия в 12 областных центрах республики, распространены сотни листовок и воззваний. Ну а где же были в это время многочисленные пропагандисты, идеологи?

Вот что сказал по этому поводу первый секретарь Алма-Атинского обкома партии М. Мендыбаев:

— У нас многие партийные и советские работники па

деле оказались беззубыми, плохими интернационалистами, не готовыми к настоящей бескомпромиссной борьбе. Самый серьезный спрос и прямая ответственность за прошедшее должны быть с работников ЦК, непосредственно отвечающих за этот участок работы. Даже сам Д. Кунаев, имевший возможность выбора — выйти к народу и разъяснить мотивы партийных решений или же молчанием поддержать свое ближайшее окружение, выбрал второе...

Сегодня немало сделано для подъема народного хозяйства и укрепления социальной справедливости. Но наследие прошлого в некоторых отраслях экономики и общественной жизни все еще напоминает о себе.

Кое у кого укоренилась привычка не только к материальному, но и духовному иждивенчеству. Как отмечалось на пленуме, борьбой со взяточничеством и коррупцией на местах занимаются в основном союзные и республиканские органы. Однако и помощь из центра иногда воспринимается как непущее вмешательство: просят не беспокоить, свернуть работу по проверке писем, сигналов и нарушений. Этот мотив прозвучал в выступлении первого секретаря Джамбулского обкома партии А. Жакупова, протестовавшего даже против приезда корреспондента в его область. И это говорится сейчас, когда продолжаются тревожные сигналы о случаях протекционализма, коррупции, местничества, зажима критики.

Серьезный урон идеям перестройки, демократизации общественной жизни наносит зажим критики, принявший циничные формы, маскируемые под высокую требовательность и принципиальность.

Сегодня партийная организация Казахстана продолжает очищаться от случайных людей. Только за 1987 год заменено свыше четверти ответственных работников в обкомах, более трети — в горкомах и райкомах партии. Такая же работа проведена в советских, профсоюзных и комсомольских органах. Важно, что проблемы, волнующие, например, казахов, поднимают и помогают решать русские или люди других национальностей, и наоборот.

Есть уже и первые результаты. Успешно ведется строительство жилья. Выполнены планы по вводу школ, детских садов, профтехучилищ, больниц и поликлиник. В 1,5 раза больше, чем в 1986 году, построено клубов и Домов культу-

ры. Потребление мяса на душу населения за два года поднялось на 6 килограммов.

По выступлениям делегатов пленума чувствовалось, что большинство коммунистов республики разобрались в причинах, породивших в недавнем прошлом негативные явления, и со всей ответственностью воспринимают партийную критику. В Казахстане намечена большая программа экономических, социальных и воспитательных мер, которые должны исключать все проявления шовинизма, национализма, местничества. Это дело далеко не простое. И работа впереди предстоит большая и нелегкая. Испелиться от старых ошибок помогут только обстановка социальной справедливости и гласности, честное отношение к делу, к товарищам, к какой бы национальности они ни принадлежали (5).

События, которые произошли в Алма-Ате, мы понимаем и воспринимаем глубже и больше, чем не скрывающая свое ликование буржуазная пропаганда. Как отмечалось на Пленуме ЦК Компартии Казахстана, абсолютное большинство казахов продемонстрировали преданность священной дружбе и братству всех национальностей. Казахский народ проявил интернационализм, осудил содеянное националистически настроенными элементами.

«Разбуженной инициативе — политическую зрелость и созидательность» — под таким девизом в ноябре 1988 года состоялся очередной Пленум ЦК Компартии Казахстана, на котором был рассмотрен вопрос о работе партийных организаций республики с самостоятельными общественными формированиями.

Замечено — там, где движение общественной самостоятельности находит понимание и поддержку, партийные комитеты, советские и хозяйственные органы, общественные организации обретают деятельных и надежных сторонников в ликвидации порочного наследия прошлого, исправлении допущенных ошибок, поиске и внедрении новых резервов роста. А следовательно, здесь быстрее и решительнее устраняются всевозможные преграды на пути ускорения, эффективнее используются материальные и другие ресурсы, лучше удовлетворяются постоянно повышающиеся запросы населения.

Уверенные шаги к налаживанию подобного взаимодействия делаются в Алма-Ате. В столице республики стали

искать неординарные подходы к работе с движениями общественной самодеятельности. И вот первый результат: при горисполкоме начала функционировать общественная приемная, которая, по замыслу ее организаторов, должна стать штабом действенной реализации гражданской инициативы.

Много интересного появилось в последнее время в деятельности партийных и советских органов Талды-Кургана. В этом городе, как и в ряде других в республике, было раньше немало узких мест в организации досуга населения. Однако здесь не стали ждать открытого проявления общественного недовольства, а, определив самые болевые точки, взяли инициативу в свои руки. И теперь общественные активисты широким фронтом ведут обустройство подвалов и заброшенных помещений под культурные центры.

Как говорил в своем интервью «Литературной газете» первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, по мнению некоторых «неформалов», строить жилье, растить хлеб, возвращать к жизни заброшенные деревни, проявлять милосердие к сиротам, больным — это не политика. «А вести салонные разговоры о демократии, свободе слова — политика?! Я отвечаю просто и резко: болтунов у нас и так хватает. Это и соловьи перестройки среди аппаратчиков, это и радетели за народ среди «неформалов». Знаете, у них есть общая черта — и те и другие чаще всего лишь имитаторы. И те и другие, красуясь перед народом, занимаются одним и тем же — забалтывают перестройку, дискредитируют ее» (6).

Обращает на себя внимание и вот что: низкий уровень жизни в казахской глубинке, апатия, равнодушие к себе, к жизни, бедность в семьях... Бывшие руководители республики, считавшие себя «отцами нации», никак не помогали своим соотечественникам, не использовали по назначению материальные ресурсы, деньги, которые выделялись на социальное устройство. А когда пришло время отвечать, эти «отцы» заявили, будто они не участвовали в улучшении жизни своего народа потому, что боялись обвинений в национализме. Более спекулятивную позицию представить трудно.

В движении общественной самодеятельности есть и течения, чуждые социалистическим идеалам. Сказывается то, что к здоровым, созидательным силам то тут то там прима-

зываются безответственные люди, зачастую обладающие только одним достоинством — хорошо подвешенным языком. Это, как правило, те, кто не желает заниматься общественно полезным трудом, к тому же зачастую находится не в ладах с законом. Они пытаются дирижировать мыслями и поступками народных масс, добиваются дестабилизации общественно-политической обстановки, предпринимают попытки внести раскол в общество, повернуть вспять дело перестройки.

Порой это им в определенной мере и удается. Дают о себе знать слабое влияние партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских органов, нерешительность, безынициативность, тяготение к шаблонным формам и методам работы, уже изрядно набившим оскомину. Плюс ко всему, некоторые должностные лица даже не подозревают о существовании враждебно настроенных группировок и лидеров, а если и знают о них, то предпочитают не вмешиваться в ход событий, оставаться в тени. Подобную позицию можно объяснить лишь слабой теоретической подготовкой отдельных работников, боящихся вступать по разным причинам в прямые дискуссии, плохо знающих конкретную ситуацию на местах.

Практически на виду у всех в Доме ученых дважды собиралась инициативная группа по созданию так называемого «алма-атинского народного фронта». При этом его администрации и в голову не пришла мысль поинтересоваться: получено ли разрешение на проведение подобных встреч, предусмотренное законом? Между тем, собрав десяток-другой случайных участников, инициаторы мероприятия громкогласно заявили ни много ни мало как о сформировании воиждельной организации.

Спрашивается, что полезного для общества планирует сделать этот фронт? Оказывается, в его установках нет и намека на позитивную деятельность. «Декларация» характеризуется противоречивостью и тенденциозностью, к тому же почти полностью списана с бумаг аналогичной московской организации. Зато намерений поставить даже прописные истины с ног на голову хоть отбавляй. К примеру, функционеры «фронта» хотят разъяснить населению вредность принятия правительством решения о строительстве метро в столице республики. Внешне затея выглядит, конечно, наивно, но не столь уж безобидно: ее авторы не останавливаются пе-

ред подтасовкой фактов, распространяют среди алмаатинцев сведения о якобы принятом инстанцией решении пригласить в город десять тысяч строителей с БАМа. А это, дескать, обернется срывом программы «Жилье-91», так как мифическим гостям надо будет выделять квартиры, которых и без того хронически не хватает.

Еще большим экстремизмом отличаются установки инициаторов создания в республике групп «демократического союза», претендующего на роль некоей оппозиционной КПСС партии, без утайки ставящего в качестве конечной задачи изменение существующего в стране политического строя. С целью достижения намеченного они заявляют о готовности «подталкивать общество к кризисной ситуации», «создавать конфликтные очаги», организовывать массовые беспорядки, всячески пытаются включить в сферу своего влияния Казахстан. Попытки создания филиалов «демократического союза» уже имели место в Алма-Ате, Караганде, Уральске.

Близки к нему по духу формирования так называемого «всесоюзного социально-политического клуба». Его подразделением является, например, «дискуссионный политический клуб» при Доме культуры «Химик» в Кустанае, на заседаниях которого распространяются самиздатовские документы, грубо и бесцеремонно порочащие советскую действительность, намечаются пути организации актов массового гражданского неповиновения и прочей антиконституционной деятельности. И что странно, все это происходит буквально под посом у горкома и обкома партии, безапелляционно заявляющих о нормальной обстановке в областном центре.

Немаловажная деталь — экстремистски настроенные течения всеми правдами и неправдами стремятся поднять свой авторитет, поднять под себя позитивное в движении общественной самодеятельности. При этом первостепенное внимание уделяется идеологической обработке организаций, уже имеющих багаж добрых дел и инициатив. Так, в Алма-Ате группой враждебных делу подлинной перестройки лиц была предпринята попытка переломить ход рабочего собрания представителей групп «алма-атинского зеленого фронта», на котором шла речь о налаживании деловых контактов общественников-экологов с горисполкомом. Активная наступательная позиция работников советских органов, принимавших участие в собрании, и принципиальность самостоятельных ор-

гаанизаторов данного мероприятия позволили дать надлежащий отпор непрошеным гостям.

На недавней встрече активистов зеленого фронта с руководителями Алма-Аты «всплыл» некий Естиков, один из вдохновителей алма-атинского «народного фронта». С чем он пришел на встречу? А вот с чем: «Большевикам верить нельзя. Надо создавать демократический союз, объединяться с крымско-татарским национальным движением...» Знают ли сами «неформалы», что Естиков был дважды судим: в одном случае за изготовление, хранение и сбыт наркотиков, а в другом — за подделку документов (7).

Тревожным симптомом является и то, что начинают формироваться самостоятельные группы националистического толка. В Джамбуле, в частности, военпослужащий, член КПСС В. А. Даукинов разработал программу общества «Атамакан» («Отечество») и направил ее ряду лиц с призывом принять участие в съезде по созданию этой организации. Цель — объединение казахов на почве изоляции от других народов СССР, прежде всего в области языка и культуры. А это, как известно, прямой путь к национальной ограниченности, постепенному интеллектуальному вырождению народа.

Растет число подростковых самостоятельных групп, в которых проповедуются культ силы и насилия, объединившихся, по сути дела, на почве нарушений общественного порядка. Они есть в Алма-Атинской, Джезказганской, Целиноградской областях. С хулиганствующими здесь группами пока работают только органы милиции. Партийные, советские и комсомольские органы — опять в стороне.

Подобное имеет место еще и потому, что партийные комитеты, советские и другие органы нередко слабо владеют обстановкой, имеют искаженное представление о реальной расстановке сил на местах. Отсюда и благодушие, и пассивность, и стремление выдать желаемое за действительное.

Более того, у отдельных партийных работников проявляется настойчивое стремление создавать видимость мнимого благополучия. Так, некоторое время назад в ЦК Компартии Казахстана в числе ряда областей, где неудовлетворительно ведется борьба с негативными явлениями, называлась Джамбулская область. И что же? Вместо исправления допу-

ценных ошибок и упущений секретари обкома партии начали протестовать, всячески оспаривать очевидное.

Много пареканий вызывает деятельность ЦК комсомола Казахстана. В свое время как о большом деле в его стенах говорили о проведении всесоюзного рок-фестиваля в Целинограде. Но специалисты придерживаются обратного мнения: из более чем двух десятков коллективов, участвующих в данном мероприятии, от силы лишь два могли претендовать на какой-то профессионализм, музыкальную культуру. Не этот ли фестиваль способствовал возникновению в Целинограде всевозможных групп «любителей рока», буквально бесчинствующих сейчас на улицах и в зрительных залах?

Точно так же обстоит дело с разного рода видеосалонами, видеотеками, функционирующими под эгидой фондов комсомольской инициативы: на их экранах только зарубежные, не лучшего толка фильмы. Если присмотреться попристальнее, то за фасадом подобного времяпрепровождения кроются безвкусица, попытка привить нашей молодежи чуждые советскому обществу человеческие ценности. Где же принципиальность и инициатива комсомольских лидеров? Ведь тон в движении общественной самостоятельности чаще всего задают молодые люди, и кому, как не комсомольским активистам, бороться за настоящее их эстетическое воспитание.

Неудовлетворительно ЦК комсомола руководит и молодежной прессой, не уделяет должного внимания созданию в редакционных коллективах здорового морально-психологического климата. Поэтому в некоторых из них возникли очаги раздоров и склок. В частности, в газете «Оркен» — «Горизонт», где пост редакторов занимает В. В. Столяров, разошлись русская и казахская редакции, а на страницах издания появляются сомнительные политически ущербные публикации.

Или другое. Когда «Ленинская смена» дала реплику по поводу напечатанного в «Комсомольской правде» материала о литовском «Саюдисе», редактору газеты устроили разнос в ЦК ЛКСМ Казахстана. Что это: политическая близорукость или своеобразное понимание плюрализма мнений?

Надо признать прямо — некоторые партийные организации, как показывает складывающаяся сейчас обстановка в республике, еще не палладили глубокой пропагандистской

работы вокруг решений XIX Всесоюзной партконференции, касающихся углубления демократизации и реформы политической системы. И, естественно, образовавшийся вакуум стремятся заполнить политические демагоги, крикуны и идеологические спекулянты. А ведь сейчас пора активных действий, большой, сложной и напряженной работы. Говоря словами В. И. Ленина, наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...

По обсужденному вопросу принято постановление ЦК Компартии Казахстана. В нем говорится о том, что обкомам, горкомам, райкомам партии, первичным партийным организациям, коммунистам советских, профсоюзных и комсомольских органов предложено развернуть широкую разъяснительную работу в трудовых коллективах, учебных заведениях, среди научной, технической и творческой интеллигенции, молодежи республики о путях, формах и средствах реализации выдвинутой КПСС программы демократизации советского общества (8).

«Процесс демократизации жизни в республике весьма не прост, противоречив, и нам, партийцам, важно вместе со всеми на деле учиться демократии, уметь слушать друг друга, идти друг другу навстречу, — говорил Г. В. Колбин. — Демократия — великая ценность, но если ею пользоваться неправильно, можно очень далеко зайти. В сторону от демократии. Когда партийные и советские органы выпускают из рук контроль над ситуацией, верх берут аполитические силы, под давлением которых могут даже приниматься решения, не совместимые с советскими законами. Пример тому — положение, сложившееся в Эстонии. Последняя сессия Верховного Совета СССР дала ему, думаю, точную правовую и политическую оценки» (9).

Азербайджан и Армения

Свою специфику имеют националистические проявления в Азербайджане и Армении. Более полную картину факторов и условий, которые вызвали проявления национализма в

республиках Закавказья, надлежит еще выяснить. Мы же попытаемся выделить только те, которые повлияли на обострение отношений между армянским и азербайджанским народами. Иначе говоря, не будем анализировать причины националистических настроений только в Армении или только в Азербайджане, а обратим внимание читателей на причины конфликта между народами этих республик. И начнем, как обычно, с истории.

Как известно, конфликты между разными народами Закавказья имеют давнюю историю. В дооктябрьский период на протяжении длительного времени эксплуататорские классы Армении и Азербайджана сеяли ненависть и вражду между народами этих регионов. В основе конфликтов лежали прежде всего политические и экономические причины, когда господствующие группы Армении и Азербайджана стремились за счет широких масс населения обеспечить исполнение своих корыстных интересов, заработать политический капитал и тем самым продолжать удерживать народы под своим контролем.

В то же время большое влияние на отношения армянского и азербайджанского народов накладывал религиозный антагонизм. Стремление реакционных исламских кругов натравить мусульман на христиан и таким образом усилить свое влияние в Закавказье значительно осложняло нормальное существование двух народов.

Все это вместе неоднократно приводило к кровавым столкновениям между представителями армян и азербайджанцев. И характер прошлых отношений, как показали недавние события, еще остается в памяти нынешних поколений этих двух народов.

К историческим причинам нынешнего конфликта вокруг Нагорного Карабаха следует отнести то обстоятельство, что при решении в начале 20-х годов вопросов национального строительства в Закавказье были допущены отдельные просчеты. О существовании наследия прошлого в этом регионе много говорили участники заседания Президиума Верховного Совета СССР (18 июля 1988 года), на котором рассматривались острые вопросы, связанные с Нагорным Карабахом.

К сожалению, давние причины вражды были законсервированы, а то и обострены нарушениями в ходе построения социализма в Закавказье и частично легли в основу новых

конфликтов. И все же у событий последних лет — современные причпы. Серьезная деформация социалистических общественных отношений, вызванная коррупцией в партийном и государственном аппарате Азербайджана и Армении, вследствие идейного и нравственного перерождения многих его представителей, нарушений лепипских принципов социальной справедливости, стала питательной средой для национального эгоизма. В сознании части людей, говорил в выступлении на XIX Всесоюзной партконференции первый секретарь ЦК Компартии Армении С. Г. Арутюнян, произошла девальвация социалистических, идейно-моральных ценностей, пустили корни такие явления, как хищение социалистической собственности, очковтирательство, стяжательство, пренебрежительное отношение к законам, частнособственническая психология. Сложившийся механизм торможения сдерживает осуществление перестройки общественных отношений, мешает трудящимся быстрее и полнее ощутить ее революционный и гуманистический характер. В этих условиях коррумпированные элементы, чтобы сохранить свое привилегированное положение, прибегали к отвлекающему маневру и, пользуясь возможностями демократии и гласности, искусственно разжигали национальную вражду. Раскрывая причины националистических проявлений в Азербайджане и Армении, М. С. Горбачев в выступлении на заседании Президиума Верховного Совета СССР обратил внимание на то, что в этих республиках процветают протекционизм, стяжательство и теневая экономика. Там сформированы определенные кланы, которые хотели бы держать все главные сферы жизни в своих руках, а перестройка требует другого, она выводит на арену политической деятельности, как решающую главную силу, трудящихся. Поэтому Нагорный Карабах, и с одной, и с другой стороны, был использован как повод, чтобы подхлестнуть национальные чувства, доведя их до националистической формы, и скрыть тем самым действительно сложные, буквально кричащие проблемы, которые накопились в жизни азербайджанского и армянского народов.

Коррупция, которая охватила значительную часть партийного и государственного аппарата Азербайджана и Армении, обусловила идейное и моральное перерождение многих коммунистов, политическую деформацию местных парторганизаций, что в конечном счете привело к ослаблению связи

партии с населением и ее влияния на трудящихся. Партийные организации и органы Советской власти Армении и Нагорного Карабаха скрыли от трудящихся постановление Президиума Верховного Совета СССР о мерах, связанных с обращением союзных республик по поводу событий в Нагорном Карабахе, в Азербайджанской и Армянской ССР. В этом постановлении указывалось на недопустимость действий, направленных на то, чтобы сложные национально-территориальные вопросы решались путем давления на органы Советской власти, в обстановке нагнетания эмоций, появления разного рода самочинных образований, которые заявляют о необходимости пересмотра закрепленных Конституцией национально-государственных и национально-административных границ.

В Азербайджане и Армении были допущены существенные нарушения ленинской кадровой политики, процветало кумовство и семейственность. Так, в Нагорном Карабахе на ключевые посты в руководстве области назначались, как правило, представители из Баку. Именно ослаблением позиций партии и органов власти воспользовались националистические элементы. В Армении они создали комитет «Карабах», который, пользуясь попустительством органов государственной власти, умело спекулирует на национальных чувствах армян, выдвигает националистические лозунги.

В застойный период в общественной жизни в этом регионе наблюдался отход от ленинской национальной политики, не всегда бережное отношение к языку, культуре, традициям народов, нарушались конституционные права представителей коренных национальностей, неудовлетворительно осуществлялось интернациональное воспитание, которое чаще всего носило формальный, парадный, показной характер.

По мнению академика Азербайджанской АН ССР З. И. Буниятова, забвение национальных нужд азербайджанцев в предыдущие десятилетия привело к перерождению нормальных национальных чувств в националистические, а те, кто должен был бить во все колокола по этому поводу, старательно закрывали глаза на происходящее и зажимали рот тем, кто не хотел молчать. В такой атмосфере стала создаваться чисто националистическая идеология. «Появились доморощенные «специалисты», с упорством, достойным лучшего применения, доказывающие происхождение азербайджан-

цев от шумеров, массагетов, саков и считающие кавказских албанцев тоже тюрками! Для таких манипуляций фальсифицируются эниграфические надписи, игнорируется элементарная палеография и выворачивается наизнанку этимология» (1).

Нездоровая атмосфера сложилась и в Армении. Этими обстоятельствами прежде всего можно объяснить тот факт, что за последние десятилетия в Ереване (в отличие от столиц других союзных республик) сократился интернациональный состав населения. Особенно заметно уменьшился удельный вес азербайджанцев: с 43% в начале столетия до 10% в наши дни. Данный процесс усилился в последние два года. Только с февраля по декабрь из республики выехало свыше 75 тысяч азербайджанцев, которые привнесли, так сказать, «привкус» ущемленности, что нередко используют определенные силы для разжигания националистической истерии.

В постановлении Президиума Верховного Совета СССР «О решении Верховных Советов Армянской ССР и Азербайджанской ССР по вопросу о Нагорном Карабахе» (18 июля 1988 г.) была остро осуждена беспринципность органов власти этих республик, которые поверхностно подошли к оценке сложившейся ситуации, не осознали политической опасности необоснованных призывов к нересмотру национально-государственного устройства в этом регионе, заняли пассивную, выжидательную позицию. Обращает на себя внимание и то, что партийные органы Нагорно-Карабахской области ситуацией еще не владеют.

Реальность последних лет привела народ Нагорного Карабаха к тому, что они разуверились во властях, превратились в скептиков, загодя сомневающихся в том, что даже самые правильные постановления по возрождению Нагорного Карабаха не превратятся в пустой звук. Не отсюда ли перипетия первых решений по ситуации в ИКАО, настороженное отношение к тому, что было сказано об этом конфликте на XIX партийной конференции?

«Главное, — писал по этому поводу первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома КП Азербайджана Г. Погосян, — необходимо самим подняться над ситуацией и повести за собой людей... Мы начали трудный путь к пониманию и согласию...» И далее — справедливая мысль о том, что «может быть, Нагорный Карабах — это, помимо прочего, еще

и поиск механизма, предотвращающего возможность такого рода деформации». Но удалось ли эти слова превратить в дела?

В самом деле, готовы ли мы к открытым дискуссиям по национальной проблеме? Умеем ли мы спорить, не только убеждать, но и убеждаться, вслушиваться не только в свои аргументы, не позволять себе потерять чувство ответственности? На фоне трагедии, разыгравшейся в Сумганте, событий в Нагорном Карабахе совсем нетрудно возбудить в себе и соотечественниках неприязнь и чуть ли не жажду мести, довести до умопомрачения себя и окружающих.

Собственно говоря, в марте — апреле 1988 года психологический климат в Нагорном Карабахе формировали рассказы армян, выехавших из Сумганта. И здесь правда чередовалась с выдумкой. Действительно, прошедшая трагедия обросла ужасающими подробностями, не имеющими ничего общего с реальностью.

Обращает на себя внимание и тот факт, что зачастую на экссессах на национальной почве, в частности, на развитие событий в Нагорном Карабахе сказывалось запаздывание и скудость информации. О беснорядках, спровоцированных преступными лицами в некоторых районах Азербайджана, достоверно не сообщалось. Люди пользовались слухами, в том числе вздорными, а в других случаях просто злонамеренными. Именно они стали причиной того, что ряд азербайджанских семей покинули Армению, в частности, армянский город Кафан. В республиканской газете «Коммунист» приводятся слова путевого рабочего И. Исмаилова и домохозяйки Г. Мехтиевой: «...Стали поговаривать, что нужно уезжать, иначе будут неприятности. Нас обманули. Никто не сказал нам и худого слова».

И слухов, вымыслов, догадок явно провокационного плана, которые будоражат граждан, создают атмосферу повышенной нервозности, толкают на необдуманные, опрометчивые, далеко идущие действия и в Степанакерте, и в Баку, и в Ереване, появляется более чем достаточно.

Как подчеркивается в республиканской прессе Азербайджана, слухи и домыслы стали в данной ситуации сильнее прессы, а неоперативность и отрывочность сообщений лишь усугубляли ситуацию.

Словом, страсти накаляются, демократия порой подме-

няется анархией, когда, выдавая себя за выразителей общих интересов, безответственные лица выдвигают лозунги скорее националистические, чем разумные, оскорбляют работников правоохранительных органов, ведут себя, по существу, подстрекательно. «Демократия, — подчеркивает М. С. Горбачев, — не господство стихии, не произвол любого и каждого, явившийся на смену отвергнутому обществом произволу прежней бюрократии. Толкуемая подобным образом «демократия», размывающая берега законности и порядка, способна нанести перестройке лишь непоправимый вред. Напомню, одна из целей, которую ставим мы сейчас, — создание правового государства».

Вместе с тем нельзя не видеть, что процессы оздоровления, начавшиеся в Армении и Азербайджане, явно не по плечу тем, кто замешан в коррупции, взяточничестве и хищениях. Боясь разоблачения, они пытаются увести общественность от актуальных проблем перестройки и реальной борьбы с негативными явлениями, переключить внимание на вопросы национальных отношений, использовать любой повод для разжигания националистических страстей.

Это привело к тому, что в осенние дни 1988 года обстановка в Степанакерте вновь накалилась. Спровоцированы забастовки на промышленных предприятиях, в строительных организациях и на общественном транспорте. Прекратились занятия в школах. Было организовано нападение на областную прокуратуру, имели место случаи нанесения телесных повреждений военнослужащим МВД СССР и работникам милиции, обеспечивающим общественный порядок.

18 сентября в городе проходил митинг, разрешенный городскими органами власти. На нем звучала обеспокоенность людей ситуацией, сложившейся в Нагорно-Карабахской автономной области, их стремление к нормализации создавшегося положения. Однако через некоторое время митинг был прерван в связи с подстрекательской информацией о столкновениях на межнациональной почве между армянским и азербайджанским населением в селе Ханджалы, вблизи Степанакерта. Когда многие участники митинга двинулись к этому селу, в обоюдных массовых драках было применено огнестрельное и холодное оружие.

В обращении бюро Нагорно-Карабахского обкома партии, исполкома Совета народных депутатов НКАО справедливо го-

ворилось о том, что эти события развивались по сценарию, написанному провокаторами, стремящимися к дестабилизации обстановки, нагнетающими напряженность, теми, кто преследует цель опорочить перестройку и демократию, сбить нас с верного пути. Но нельзя поддаваться эмоциям. Пресловутая формулировка «око за око, зуб за зуб» ведет нас в тупик, из которого нет выхода (2).

Мне довелось в этот период побывать в Ереване, Кафане, Арарате, Мегри и других районах Армении. Был я и на митинге, проходившем на Театральной площади, встречался с людьми разных профессий. Могу засвидетельствовать злокозненную роль эмоций, слухов, разного рода выдумок, которыми обрастает молва, резко отрицательно влияющая на народное сознание. В Армении, например, все разговоры на любые проблемы сползают на одну и ту же тему — Карабах. Вновь самопознурение, вера досужим слухам об «ужасных» азербайджанцах, у которых-де «все не наше — и вера, и обычаи, и нравы, и история». Словом, создается, причем довольно искусственно и весьма умело, образ вновь-таки «чужака», с которым необходимо только конфликтовать. Мне показалось довольно искренней озабоченность армян положением в Нагорном Карабахе. Вызывают уважение и попытки найти решения этой сложной проблемы. Но постановку «или-или» вряд ли можно разделить, она ведет, хотим мы этого или нет, к тупику, взрывоопасной ситуации. Не могут не вызывать озабоченность и миграции армянских семей из Азербайджана в Армению, а азербайджанских — из Армении в Азербайджан.

В ноябре — декабре 1988 года обстановка в Азербайджане и Армении накалилась до предела. Дело дошло до вооруженных столкновений. 26 декабря 1988 года газета «Правда» опубликовала статью «Служить истинным интересам народа», перепечатанную из республиканской прессы Азербайджана, в которой, пожалуй, впервые дан обстоятельный и объективный анализ недавних событий в республике.

«Итак, — говорится в статье, — опустела площадь Ленина в Баку, где еще недавно бушевали страсти, бурлили дебаты, эмоциональные взрывы». Звучали над площадью призывы — пресечь бесчинства против Советской власти, против традиционного для Баку и Азербайджана, всего Закавказья интернационализма, были и лозунги, откровенно

противозаконные, чуждые духу социалистического интернационализма. Трезвые, разумные голоса зачастую тонули в кликушеских воплях пезрелых, безответственных лиц.

Говоря о роли антиперестроечных сил в придании черной окраски несанкционированным митингам и демонстрациям, следует отметить организованность, продуманность, их силовичность, широко используемые возможности подкупа неустойчивых, отсталых, разнузданных и паразитических элементов. Зачинщики антиобщественных деяний — по сути эмиссары преступных кланов, связанных между собой узами взаимоподдержки и взаимовыручки. Иными словами, здесь мы имеем своего рода мафию, одну из форм организованной преступности.

Не секрет, что зачастую доморощенные «мафиози» используют национальную неприязнь в качестве ширмы для прикрытия грязных дел. Весьма показателен пример с Манучаровым, оказавшимся матерым преступником, погрязшим в коррупции, нажившимся на горе простых тружеников, махровым националистом. Еще наглядный пример: разжигавшая националистические страсти мафия в Шеки, которой грозило разоблачение за крупные хищения и другие тягчайшие деяния, организовала вооруженные нападения на милицию, прокуратуру, чтобы похитить опасные для нее документы.

Еще предстоит выяснить, для чего хранились в подвалах бакинского универсама «Детский мир» и на дому у работников вневедомственной охраны огнестрельное оружие и боеприпасы. Эти факты с каждым днем все отчетливее раскрывают хитрый и коварный замысел преступников, использующих дестабилизацию, напряженную обстановку, чтобы отвести от себя сокрушительный удар правосудия.

И все-таки не «справить бал» мафии. Она нанесла значительный урон, но обречена на поражение потому, что приговорена самим народом. Пусть не рассчитывают несправедливые перестройки, махровые националисты и экстремисты всех мастей, что собранная и вдохновленная ими рать устоит, попытается взять реванш. Наступление на преступные силы все более усиливается: ширится его всенародный фронт. Никто из совершивших злодеяния, покушения на наши социалистические завоевания не уйдет от ответа.

С антиперестроечными силами по существу смыкаются возвращенные годами застоя обюрократившиеся управленцы,

державшиеся за свои привилегии и консервативные, привычные командно-административные методы руководства. В экстремальной ситуации часть кадров не выдержала испытания на партийность, гражданственность, мужество и политическую зрелость, даже на элементарную человеческую порядочность. Некоторые из них проявили растерянность, робость. При первых же симптомах возникших беспорядков не сумел овладеть ситуацией первый секретарь Шекинского горкома партии А. Раджабов, а затем постыдно бежал. Не на должной высоте оказались руководители партийных организаций Нахчewanской АССР и Кировабада. Военным патрулем был задержан в Кировабаде вынужденный остановиться лишь после обстрела машины, мчавшейся из Кедабека в Баку, первый секретарь райкома партии, у которого была обнаружена крупная сумма денег, превышающая его многолетнюю зарплату.

Растерялась, проявила замешательство, очутилась в хвосте событий и немалая часть работников правоохранительных органов. ныне эти органы, призванные стоять на страже законности, порядка, безопасности граждан, очищаются от моральных багров, скомпрометировавших себя сотрудников. Идет укрепление различных звеньев Министерства внутренних дел, КГБ, суда, прокуратуры, принимаются меры по укреплению и совершенствованию деятельности народных дружин.

Далекой от истинных интересов народа оказалась и часть интеллигенции, претендующая притом на монопольное положение в науке и культуре, не способная отказаться от замшелых догм, на которые опирались их диссертации и псевдонаучныеopus, от высоких традиционных окладов за труды, имеющие нулевую народнохозяйственную и идеологическую отдачу. Профессиональная и общекультурная ограниченность зачастую соседствует с убежденной элитарностью, нередко перерастающей в национальное чванство.

Ощутили ли себя прямо или косвенно ответственными интеллигенты за разгул эмоций, за акты хулиганства, даже вандализма, которые произошли 5 декабря? Наблюдали ли они равнодушными глазами за группами распоясавшихся молодчиков, разбивавших стекла домов и витрин, громивших предприятия, нероворачивавших и поджигавших автомашины, избивавших водителей и пассажиров автобусов и такси?!

Среди этих хулиганов были и так называемые «голодающие», ранее пребывавшие на площади в особых палатках.

Вызывает недоумение и решительное осуждение позиция части интеллигенции, призванной быть духовным наставником народа, позиция, воплощенная в обращении общего собрания Академии наук республики в Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, ЦК КП Азербайджана и Верховный Совет Азербайджанской ССР. С одной стороны, в своем обращении ученые декларируют «глубокую тревогу» в связи с развитием событий в Азербайджане и Армении, которые уже становятся серьезным противоречием на пути революционной перестройки, наносят огромный ущерб межнациональным отношениям, международному авторитету нашей страны.

Вместе с тем многие из требований по сути дела неконструктивны, оторваны от реалий сегодняшнего дня. Характерен и односторонний подход к оценке действий антиперестроечных сил, разжигающих межнациональную рознь. Критику экстремистов, действующих в Армении и ИКАО, обращение «деликатно», а лучше сказать — беспринципно обходит вопрос о не меньшей вине сеятелей националистических страстей в Азербайджане.

Подобной незрелостью отличается и постановление XVIII партийной конференции Академии наук республики, демонстрирующее идейную незрелость некоторых коммунистов, призванных нести моральную и политическую ответственность за обеспечение здоровой атмосферы в коллективе ученых.

Пожалуй, наиболее разрушительным последствием пессакционированных митингов и демонстраций в Азербайджане и в Армении, заметного влияния на них антиперестроечных сил явилось вовлечение в эти пагубные «мероприятия» учащихся школ и профессионально-технических училищ, студенческой молодежи. Экстремисты пытаются взрастить в неокрепших душах детей, юношества семена национализма, межнациональной розни, идейной, правовой и нравственной деформации, поощряют их на необдуманные поступки.

В сложившейся острой ситуации крайне высока ответственность средств массовой информации и пропаганды, знаменем которой должна быть наивысшая партийная принципиальность. Следует прямо сказать, что не на высоте стоя-

щих перед ними задач оказались телевидение и радиовещание, некоторые газеты, зачастую не дававшие правдивой информации о событиях в регионе, придерживавшиеся тактики умалчивания, убаюкивания людей дежурными трескучими фразами из арсенала пропаганды застойного периода, бесстрастными общими призывами к укреплению дружбы и сплоченности народов. На страницах газет, в радио- и телепередачах появлялись материалы, дезориентировавшие население, демонстрировавшие политическую незрелость как допущенных к интервью и микрофонам лиц, так и самих авторов передач и корреспонденций. Эти серьезные просчеты не содействовали, а противодействовали смягчению напряженности, ослабляли отпор активизировавшимся антиперестроечным силам (3).

Об обстановке в самом Нагорном Карабахе говорил на Внеочередной сессии Верховного Совета СССР А. И. Вольский. Он отмечал, что сейчас сделаны первые шаги по выполнению принятых ЦК КПСС и Советом Министров СССР постановлений по Нагорному Карабаху. Это помогло сдвинуть с мертвой точки некоторые запущенные дела в его социально-экономическом развитии, стали преодолеваются отстраненность и искусственное отчуждение армянской части населения от Армении в сфере языка, культуры и образования. И уже начала проявляться надежда, что из жизни карабахцев постепенно уйдет то, что не раз давало повод для обид и недовольства.

Без всякого преувеличения можно сказать, что в любом другом регионе страны подобные меры были бы восприняты и оценены с благодарностью, помогли бы снять остроту многих вопросов.

Однако в НКАО этого пока не произошло. Многие слои населения оказались втянутыми в борьбу за отсоединение области от Азербайджана настолько, что эмоции подавили разум. Начались длительные забастовки. Страсти непрерывно подогревались как формальными, так и неформальными лидерами.

Первопричина угрожающей ситуации в Армении и Азербайджане, конечно, не только в проблемах Нагорного Карабаха. Истоки нынешнего кризиса кроются прежде всего в грубейших извращениях национальной политики, которая осуществлялась прежним руководством республик. Сегодня

друг против друга по сути дела стоят поколения, многие представители которых слова о дружбе двух народов начали воспринимать чуть ли не как лицемерие. И в этом корень всего драматизма обстановки.

Последние события особенно наглядно показали, что в руках разного рода кланов в Азербайджане и Армении по-прежнему остаются многие рычаги власти. Воспитанные и расставленные ими кадры до сих пор продолжают влиять на общую атмосферу, закулисно оказывать воздействие на принятие многих решений. И вывод напрашивается такой: Нагорный Карабах для них — лишь удобный повод, образно говоря, разменная монета.

В обеих республиках мы видим возрастание роли злобствующих коррумпированных лиц типа арестованного на днях в Нагорном Карабахе за многотысячные взятки Манучарова. А некоторые партийные и советские органы, к сожалению, заигрывают с ними, кое-где уступают инициативу, сдают принципиальные позиции.

Если проанализировать с этой позиции выступления некоторых партийных и хозяйственных руководителей, ученых и деятелей культуры в обеих республиках по телевидению и в печати, то в них нет практических шагов навстречу друг другу, нет согласованных действий. Да и желания к этому, очевидно, большого тоже нет. Такую позицию нельзя определить иначе, как взаимный бойкот, торпедирование курса на нормализацию.

Напротив, для раздувания конфликта используется любой предлог. Распространяются небывшие, публикуются всякого рода инсинуации. Они зачастую возводятся в ранг национального масштаба, трактуются как покушение на честь и достоинство республик, обсуждаются на многочисленных митингах.

Некоторые партийные комитеты, исполкомы Советов народных депутатов в обеих республиках палец о палец не ударили, чтобы в самом начале пригасить страсти. Наоборот, кое-кто поощрял действия, которые носили открыто вызывающий характер.

Не дается принципиальный отпор националистическим демагогам, которые заявляют о своей готовности «идти до конца», ответить «оком за око», провоцируют столкновения с другой стороной. Они даже не задумываются, куда при-

ведет такой путь? Какой ценой и кровью он может быть оплачен? (4).

Процесс нагнетания страстей в Ереване шел по возрастающей. «Сумгаит — дело Москвы», «за спиной сумгаитских палачей стоит Москва...» Оскорбления в адрес руководителей партии, в адрес руководителей соседней республики... Таков продуманный, тщательно разработанный сценарий.

Зримо в самую худшую сторону изменился тон лозунгов и призывов, прозвучавших и на митингах в Азербайджане. Было бы крайне несправедливо не сказать, что звучали и слова здравого смысла, мудрости, но эмоциональная волна заглушила многое из этого. Провокационные, разжигающие страсти призывы — это далеко не демократический способ вести дискуссии. Происшедшие в отдельных районах нападения на подразделения милиции — тем более. Все происходящее требует в этом смысле серьезнейших раздумий и конкретных действий.

Отвечая корреспонденту «Правды», начальник управления внутренних войск Ю. В. Шаталин сказал: «По-моему, многое из происходящего — это реакция на чрезмерную бюрократизацию, централизм, словоблудие застойного периода. Но, как ни парадоксально, именно импульс борьбы за исцеление общества от этих болячек активнее использовали демагоги и противники перестройки, а не реально болеющие за судьбу страны люди. Почему так происходит подчас? Я, военный человек, видевший много лиха, верящий в перестройку, жаждавший ее как воздуха, мучительно пытаюсь ответить на этот вопрос. И пока нахожу лишь один ответ — мы серьезно ослабили в ряде национальных регионов политическую и кадровую работу. А кое-где ее просто провалили. Посчитали, что главное — это добиться лишь благосостояния народа. А он давно созрел для активного участия в политической жизни и борется за это. Тут-то и возникли рядом вовсе не дремавшие фигуры политических авантюристов, пытающихся, манипулируя партийно-правительственными документами, выступлениями центральной печати, играя на обостренных национальных чувствах, религиозных воззрениях, вбивать клин между массами и партией, между теми или иными нациями страны. Лучшее средство для этого — дестабилизация общественной жизни, сознательное раздувание межнациональных проблем, апархические тенденции, ли-

шение человека чувства защищенности. К слову, на это, по-моему, рассчитывали и те, кто дирижировал трагедией в Сумгаите» (5).

Экстремистов националистического толка не остановило даже трагическое событие в жизни армянского народа — страшнейшее землетрясение. Даже здесь попытались они сыграть на чувствах людей, разжечь еще сильнее огонь национального бедствия.

На очередной утренней планерке в Ереване, которые ежедневно проводил председатель комиссии Политбюро ЦК КПСС Н. И. Рыжков, один из выступавших сказал:

— В Ленинакане появились люди, которые не только угрожают жителям не давать увозить детей с места катастрофы за пределы Армении, но и советуют взрослым не уезжать из уничтоженного стихией города в другие республики, где им предоставляется жилье в здравницах, гостиницах, общежитиях. Мол, обратно в Армению никого не пустят.

Выяснилось, это снова подают голос провокаторы из распущенного комитета «Карабах». Казалось бы, в дни великого бедствия, когда мысли и дела народа Армении направлены на одну цель — быстрее разобрать завалы, извлечь живых и мертвых, когда пострадавшие от землетрясения ощутили великую энергию братской помощи советских людей, поддержку и сострадание человечества, казалось бы, в этот трудный декабрь национальный дух армян должен стать монолитом, глыбой без единой трещинки. И все же нашлись люди, не только забывшие честь, но и растерявшие остатки разума. Нашептывая, нагнетая страх в души тех, кто еще не оправился от шока, рожденного трагедией, смертью близких и разрушением родовых гнезд, они обрекают поверивших им на новые, неоправданные страдания. И все это делается под девизом «спасения» армянской нации.

Поползли слухи. Один хлестче другого. В первую ночь после катастрофы множество ереванцев были выгнаны из домов на улицы; им звонили по телефонам и предупреждали, что ожидается новое землетрясение. Потом последовало «разоблачение века»: под Ленинаканом взорвали ядерную бомбу!

Но все это померкло перед дальнейшими конкретными действиями лидеров «Карабаха». 10 декабря, всего через три дня после катастрофы, когда еще не успели остыть тела мно-

гих погибших, когда в госпиталях и кляниках врачи спасали раненых, а те, кто оказался невредимым, круглые сутки разбирали железобетонные завалы, в тот самый день народной беды эти бесчестные люди, нагло и демонстративно нарушив установленный порядок, организовали около Союза писателей неразрешенный митинг. Они держали речи перед собравшимися, патетически восклицая о правах человека, а сами попирали их, объявляли врагами всех, кто не разделяет их взглядов, натравливая людей на поддерживающих общественный порядок солдат и офицеров. Было задержано 22 человека, в их числе пять лидеров распущенного «Карабаха».

Второй акт разыгрался 11 декабря. В тот день группа людей собралась у памятника архитектору Тамавяну. Член комитета «Карабах» А. Галстян призывал не подчиняться силам, обеспечивающим общественный порядок. В какой-то сотне километров от Еревана люди десятков национальностей спасали жизнь армян, а он, Галстян, призывал к митингам. Люди поняли всю постыдность, аморальность таких призывов и разошлись.

Но вскоре уже в другом месте — в центре Еревана снова собрались горожане. Их просили разойтись и соблюдать установленный порядок. Однако другой лидер «Карабаха» — А. Манучарян кричал, что «...мы заставим в нас стрелять!». Как говорится, бог лишил его памяти: он будто забыл о погребенных в руинах Спитака и Ленинакана, жаждал крови на мостовых столицы республики. Это поняли многие его слушавшие. Манучаряну возражали с тротуара, балконов: ономнись, не позорь армянский народ! Спровоцировать беспорядки не удалось.

В третий раз стала группироваться молодежь. Их «заговаривал» писатель В. Сирадегян. Ему хорошо известно, что есть приказ сохранять общественный порядок. Но он рассчитывал: в район землетрясения отправлена часть солдат из Еревана, можно использовать эту «слабину» и дестабилизировать обстановку в городе. Только тот, кто не уважает собственного народа, кто, по сути говоря, способен надругаться над его горем, мог затевать все это. Порядок был, конечно, восстановлен. Пострадали двенадцать военнослужащих, потому что шатались нападавших: ведь там, в очаге землетрясения, возможно, у многих — погибшие или раненые отцы и матери, братья и сестры.

Лидеры «Карабаха» выступают против всех действий республиканского и союзного правительства: мол, все это делается во вред армянскому народу.

Ах как они «пекутся» о народе, выпускают информационные бюллетени, обращения, направляют петиции в ООН. Так лепится «показуха» работы лидеров комитета «Карабах», которые пытаются дезинформировать общественное мнение и доказать, что якобы именно они несут главную тяжесть заботы о простых людях. Особенно лицемерны их рассуждения о дружбе народов. Лидеры распущенного «Карабаха» разработали программу «армянского общенационального движения». В ней есть слова о том, что это движение «не направлено против других народов. Наш принцип — жить в мире и согласии со всеми соседними народами». А в то же время активисты «Карабаха» организовали в селе Амасия демонстрацию трех десятков школьников, которые требовали увольнения с работы... азербайджанцев.

На Театральной площади в ноябре 1988 года звучал в числе других и мотив, выдвинутый... турецкой зарубежной историографией. О чем идет речь? Недавно в Турции на английском языке вышла книга «Османские турки». Ее автор Салам развивает мысль о том, что якобы султан Гамид был человеком редкой доброты и мягкого нрава, что турки и армяне — родные братья, а их отношения занутили русские, что все будет хорошо, как прежде, если армяне отвернутся от русских. Академик Г. Голосин справедливо пишет: «Выступающие с протурецких позиций лица не понимают подлинного стремления турок вложить нилу в руки армян, побудить их перенести сук, на котором они сидят, затем предпринять свой следующий шаг. Века свидетельствуют, что такой союз с русским народом является той основой, которая окрыляла армянский народ в его национально-освободительной борьбе против турецкой тирании и стала незыблемым фундаментом, на котором те выстроили свое здание» (6).

В коду и такие утверждения. Один из ученых, например, доказывает, что в Карабахе — корни армянской нации, другой ученый не менее успешно доказывает, что корни азербайджанской нации. Но ведь это говорит о том, что эти два народа всегда тут жили, у них все переплетено, у них об-

щие учителя и ученики. Много песен, семьи общие, интернациональные (7).

Более того, на демонстрации в Ереване 7 ноября 1988 года группа молодчиков топтала флаги советских республик, а власти никак на это не реагировали. Отсюда — впечатление о чуть ли не всеилии неформальных «лидеров-патриотов». Следует сказать, что незаконный комитет «Карабах» создал особые комитеты на предприятиях, строилась цепочка — «Карабах» — Театральная площадь, — предприятие. Как пишется в «Комсомольской правде», в сущности это был своеобразный механизм параллельной власти со своим аппаратом и уже сложившимися методами управления — давления, ультиматумов. Любопытно, что в самый разгар событий решили примкнуть к забастовке... ученые-экономисты. Был митинг, звучали жаркие речи. Правда, незадолго до этого те же ученые предложили на рассмотрение ЦК программу экономического развития республики, которая не выдерживала никакой критики. А ведь это была важнейшая национальная программа! Где при ее создании были те высокие чувства, которые подвигли экономистов к забастовке?

И вновь слухи — то об «отравлении» хлеба, который приходится всенародно есть первому секретарю райкома, об «отравлении» дома, где вынужден спать прокурор. И вновь — возмущение. Кому это выгодно? «Забастовка!» — зывали «лидеры национального движения» в Армении.

Забастовки направлены против тех, кто пострадал в трагедии. Против тех, кто разделил с Арменией ее горе. «Карабаховцы» понимают: этот «удар» будет побольнее всех предыдущих. Ведь сотни тысяч людей лишились родных и близких. У многих нет крыши над головой. Нет работы. Горе сделало этих людей ранимыми, чувствительными к несправедливости, к малейшему промаху, к неверно сказанному слову. Так не на этом ли строится расчет тех, кто, прикрываясь национальными интересами армян, попросту тешат свое политическое самолюбие? (8)

Лидеры «Карабаха» не хотят понимать, что в многонациональном государстве принцип решения любых вопросов может быть только один: не должно быть ни «победителей», ни «побежденных», ни одна из сторон не должна быть обижена. Они хотят только «победы» любой ценой, даже ценой крови, руководствуясь принципом: чем хуже для всех, тем лучше

для нас. И делают все, чтобы дестабилизировать обстановку, хотя прекрасно понимают, что лишь в условиях спокойствия и согласия можно на практике, а не на словах решать сложнейшие проблемы, вставшие перед нашим народом.

Лихорадочно готовятся листовки, информационные бюллетени, обращения, идут сообщения иностранным корреспондентам, шлются петиции даже в ООН. Видимость активной работы, бессмысленная суета и ажиотаж могут действительно создать впечатление, будто комитет «Карабах» взвалил на свои плечи весь груз забот о нуждах людей. Но правду не скроешь. Накаляя страсти вокруг проблемы массового выезда армянского населения из Азербайджана, проблемы действительно острой, непростой, лидеры движения стремятся лишь к одному — поднять незрелых людей на «ответные меры» и еще больше обострить ситуацию.

По инициативе подкомитетов прокатились по районам и селам митинги с требованием к азербайджанцам покинуть свои дома. Прямых указаний лидеров на этот счет вы не найдете. Но вся логика их действий на протяжении последних десяти месяцев не могла привести к иным результатам.

26 ноября 500 жителей Кировакана, возбужденные подстрекательскими выступлениями активистов карабахского движения, прямо с митинга двинулись в село Шаумян. Два дня продолжались драки, вспыхнула перестрелка. Есть погибшие. Погромы спровоцировали и в с. Куйбышево, где тоже есть жертвы. Участились случаи бесчинства на дорогах, где находятся посты или «отряды самообороны», сформированные активистами движения. Избивались и армяне, помогавшие азербайджанским селам продуктами. Дошло до того, что активисты движения, прикрываясь лозунгами «ответных мер», пытаются развернуть травлю людей неармянской национальности, трудящихся республики. Известны их призывы лишать работы армян, плохо говорящих на родном языке. Опомнитесь! Ведь это курс ярых националистов (9).

Газета «Коммунист» в декабре 1988 года поместила статью С. Петросяна, содержащую весьма важную оценку деятельности комитета «Карабах». Вспомним, сколь часто к его деятельности, лозунгам, методам воздействия примешивались голоса разбуженного национализма. Сколько было фраз, взвинчивающих общественное сознание до активного неприятия языков, культур, религий. От кого они исходили? Уж, во

всяком случае, не от армянского народа — народа глубоко интернационального. Есть ли альтернатива братскому союзу с Россией, коллективному всепародному переустройству одряхлевших общественно-политических, хозяйственных, правовых структур, «худого» мира с соседом? А если есть, то какие?

Так что же, неужели разрушение — самоцель? И что будет в результате всего этого с народом? Естественные вопросы, увы, не укладывающиеся в схему политического курса «Карабаха». Главное для него сейчас — довести национализм до той грани, после которой можно было бы спокойно «собрать камни». Таков путь трансформации: от «стихийной» демократии до создания подкомитетов на предприятиях, в организациях, учреждениях. От перестроечных конструктивных лозунгов до националистических проповедей. От неповиновения требованиям особого положения до прямых форм конфронтации с властями.

Теперь о «камнях». Радиостанция «Немецкая волна» 20 декабря минувшего года возвестила: «Армянский правозащитник Ашот Манучарян предупредил об опасности гражданской войны в Армении, которая может охватить, по его мнению, весь СССР. Манучарян призвал главу Советского государства и партии Горбачева возобновить прерванный диалог с комитетом «Карабах». А 21 декабря та же радиостанция, развивая тему, сообщила, что Манучарян дал интервью журналу «Штерн», заявив, что «по всей Армении наготове молодежь, вооруженная ручными гранатами и ружьями».

«Немецкой волне» вторит и «Радио Канады»: «По словам Манучаряна, среди некоторых молодых армян распространено мнение, что только путем вооруженной борьбы можно добиться присоединения Нагорного Карабаха к Армении».

Но кому будет нанесен удар гранатами, каким образом путем вооруженной борьбы можно добиться присоединения НКАО к Армении? Неужели это слова человека в здравом смысле, а не политического авантюриста? И подобные люди претендовали на роль руководителей нации!

Никто другой, как Л. Тер-Петросян, на митинге 21 сентября заявил, что, если законный путь поставит народ в тупик, если народ уверится, что у нас нет закона, в таком случае народ обратится к вооруженной борьбе.

Остаем на совести Тер-Петросяна ссылки на народ. Он же на митинге 22 сентября заявил: «Вы должны сознавать, что Армения оккупирована. Армия, которая стоит в Ереване и других местах Армении, — это не наша армия. Это армия противника».

В тот же день А. Манучарян заявил: «Но если вдруг это войско посягнет на народ, пусть оно знает, что это будет вторым Афганистаном».

Откуда эта ненависть к нашей армии, это кощунство по отношению к воинам-интернационалистам, среди которых немало и армян, честно выполнявших и выполняющих свой долг? И это не просто высказывания.

Вот письмо, подброшенное в одно из правоохранительных учреждений:

«Ультиматум.

Требуем немедленно освободить лидеров комитета «Карабах» и всех политзаключенных, арестованных в эти дни. Даем на размышления 24 часа. В противном случае переходим к массовому террору. Время и место действия не указываем. У нас на вооружении имеются «Стингеры», доставленные нашими друзьями. Начало ультиматума 22 декабря 1988 года в 21.00 местного времени».

Кто-то может сказать, что это всего лишь хулиганская выходка. Но ведь гранаты, о которых говорит А. Манучарян, есть, и в большом количестве (10). Вообще, по данным МВД СССР, после введения в ряде районов особого положения в обеих республиках изъято более 17 тысяч и добровольно сдано населением более 32 тысяч охотничьего и иного огнестрельного оружия. Изъято 130 взрывных устройств, 463 единицы боеприпасов («Аргументы и факты», 1989, № 6).

Учитывая сложный характер проблемы Нагорного Карабаха, необходимо настойчиво искать компромиссные пути сближения позиций по этому вопросу. Была создана комиссия в составе представителей Азербайджанской ССР, Армянской ССР, членов Политбюро ЦК КПСС. Задача комиссии — в самый короткий срок найти оптимальное, подлинно интернационалистское решение проблем, не изменяя территориальной принадлежности НКАО Азербайджанской ССР.

Как известно, Указом Президиума Верховного Совета СССР в связи с продолжающейся напряженностью международных отношений в Нагорно-Карабахской автономной

области и вокруг нее, в целях предотвращения их дальнейшего обострения и стабилизации обстановки, с учетом предложений партийных и государственных органов Азербайджанской ССР и Армянской ССР, а также комиссии Совета Национальностей на территории Нагорного Карабаха с 20 января 1989 года временно вводится особая форма управления при сохранении статуса Нагорного Карабаха как автономной области в составе Азербайджанской ССР. Председателем Комитета особого управления НКАО назначен А. И. Вольский.

В своей статье в газете «Правда» (1989, 15 января) Аркадий Иванович Вольский отметил: «Принятое решение необычно. Ему нет аналогов в истории нашего государства... Опыта подобного нет. Ну что ж, будем вместе его приобретать, вместе учиться новому. Одно ясно: предстоит проделать огромную работу... Мы уверены, что здоровые силы и в Армении, и в Азербайджане способны исправить ситуацию. Сегодня каждый, кто честен, должен сплотиться под знаменем перестройки. Со своей стороны могу заверить, что мы с пониманием и уважением относимся к инициативам народного движения, готовы сотрудничать с самостоятельными, общественными объединениями и организациями везде, где речь идет об обновлении жизни, об очищении нашего общества, о защите социалистических идеалов».

Как будут разворачиваться события в Нагорном Карабахе, вокруг него, покажет время, и мы не собираемся давать исчерпывающие рекомендации. Одно ясно — интересы реализации сегодняшнего курса на перестройку общественной жизни требуют от партийных и советских органов Азербайджана и Армении твердых и последовательных действий по искоренению негативных явлений, утверждению социальной и национальной справедливости, решительных мер в отношении тех, кто сеет отравленные зерна национализма.

Республики Прибалтики

Прибалтика во все времена имела важное экономическое значение в общеевропейской жизни, поэтому всегда была ареной политической борьбы различных европейских госу-

дарств. И конкуренция крупных держав в этом регионе была очень острой. Тем не менее выгодное экономико-географическое положение, а также умение и желание трудиться обеспечили прибалтийским народам достаточно высокий уровень жизни.

И все же историческая судьба народов современных Эстонии, Латвии и Литвы была тяжелой. Например, только за тридцать лет нашего века — с 1914 по 1944 год — эстонский народ пережил две мировых войны, гражданскую войну, чегыре революции. Власть в Эстонии менялась девять раз. На «круглом столе» Прибалтийских республик в Таллине, организованном АПН, в котором участвовало 30 иностранных журналистов, указывалось, что только Октябрьская революция дала эстонцам возможность самоопределиться и создать в ноябре 1918 года свои национальные государства: буржуазное — Эстонскую республику и советское — Эстляндскую трудовую коммуну. В ходе гражданской войны победила буржуазия.

За время существования буржуазных республик в Прибалтике они добились довольно стабильного развития. К моменту восстановления Советской власти по общему экономическому и культурному уровню Эстония, Латвия и Литва не отставали от СССР, а по общеобразовательному уровню даже превосходили большинство союзных республик. Если к этому добавить достаточно развитое сельское хозяйство при большом разнообразии форм крестьянской кооперации, то станет ясно, как близки были Прибалтийские республики к тому «строю цивилизованных кооператоров», который В. И. Ленин в 1922 году назвал социализмом.

Но сложившаяся в 30—40-е годы в нашей стране административно-командная система не учла, да и не могла учесть этих весьма благоприятных для построения социализма местных особенностей. После восстановления Советской власти (1940 г.) там стали «торопить» исторический процесс, «форсировать классовую борьбу», что привело к глубоким социально-политическим перегибам, к человеческим трагедиям. Их усиливало и то обстоятельство, что в сознании эстонцев, латышей и литовцев репрессии были преломлены сквозь призму национального вопроса. Это обусловило и эмиграцию из Прибалтики в конце Великой Отечественной войны. Да и многих трагических страниц в противостоянии

с «лесными братьями» удалось бы избежать, если бы не волюнтаристское подталкивание к форсированию коллективизации, ведь коллективизацию провели по общему образцу. Все другие формы кооперации были отброшены, и как результат — упадок производительных сил села, дестабилизация социальных связей. В итоге получилось так, что, например, определенная часть эстонцев, приветствовавших события 1940 года в Эстонии, после неоправданных репрессий усомнилась в своих симпатиях. Проявились даже активные антисоветские позиции.

Недостатки политической системы и принципов национально-государственного устройства обострили те явления, которые могли вызвать националистические настроения у определенной части прибалтийских народов. В чем они выражаются?

Прежде всего следует указать на особенности социально-экономического уклада жизни Эстонии, Латвии и Литвы. Относительно высокий уровень развития капитализма, существование хуторской системы на селе определяли наличие довольно широкого слоя буржуазии и мелкой буржуазии. В процессе строительства социализма, создания общенародной собственности социальные слои и классы, теряющие частную собственность, зачастую воспринимали эти перемены как направленные уничтожение национальной самостоятельности Эстонии, Латвии и Литвы. Иначе говоря, политические и экономические изменения окрашивались в националистические тона. Ведь известно, что побольшие по численности народы, обладающие высокой культурой, любые действия, направленные на изменения традиционного уклада жизни, воспринимаяют как покушение на существование самой нации. И в таких случаях очень трудно удержаться на тонкой грани между любовью к своему народу и самолюбованием, охраной национальных интересов и национальным эгоизмом (1). Вот и сейчас некоторые «борцы» за «сохранение национального своеобразия» в Прибалтике готовы свалить всю вину на другие народы, прежде всего на русских.

Значительное влияние на национальное самосознание эстонцев, латышей и литовцев оказали и обстоятельства вхождения прибалтийских государств в СССР в 1940 году, на сложности и неоднозначности которых до сих пор активно спекулируют разного рода «доброхоты».

На возможности возникновения националистических настроений, видимо, серьезно сказалась традиционно сильная религиозность народов Прибалтики. Ошибки в атеистической работе, накладывающиеся на трудности политического и экономического характера, порождали нелитизацию религиозных вопросов, способствовали усилению клерикализма, который претендовал и претендует на форму выражения национального самосознания.

И все же обострение национальных отношений произошло прежде всего из-за ошибок политического и экономического характера. Например, для Прибалтийских республик сегодня большое значение имеет проблема «мигрантов». Сразу стоит сказать, что само слово «мигрант» имеет определенно уничижительное значение, подразумевающее некую «второсортность» инонационального населения Прибалтийских республик. Безправственно и противозаконно называть «мигрантами», например, латышское население в Латвии. Все мы, несмотря на происхождение и национальную принадлежность, являемся гражданами многонационального Советского государства. В противном случае у русского народа будут все основания объявить «мигрантами» латышей, эстонцев, литовцев и представителей других народов, проживающих на территории РСФСР, а в Грузии — армян, азербайджанцев, курдов и т. д. Сама постановка проблемы «мигрантов» вызвала именно националистическими настроениями, когда все проблемы одного народа объясняются злой волей или недобрыми делами другого или других народов. Так, например, ставится вопрос в ФРГ по отношению к иностранным рабочим — «гастарбайтерам». Разговор о «мигрантах» тем более неправомерен, что представители «некоренного» населения составляют немалую часть рабочего класса, а в некоторых районах, например, на северо-востоке Эстонии, значительная часть рабочих — русские. Стремление улучшить жизнь одного народа за счет других — чистый национализм.

Поэтому следует говорить не о проблеме «мигрантов», а о проблеме миграции. Конечно, миграция — это реальный процесс, охватывающий по стране около 20 миллионов человек. Среди них — кратковременно проживающие, недавно прибывшие, есть и своего рода маятниковая миграция, есть весьма мобильная часть населения, которая нигде долго не задерживается.

Вопрос о миграционных процессах встал довольно остро. Речь идет о проблемах переезда в Прибалтику на постоянное местожительство специалистов, разумеется, «некоренной» национальности. На местах связывают высокую миграцию людей из других регионов страны с проблемами жилья, обеспечением продуктами и промтоварами, доля основного населения сокращается, в том числе в отраслях материального производства. Ставится вопрос о принятии мер по устранению необоснованной миграции рабочей силы, связанной зачастую с экстенсивным, а не интенсивным развитием производства, неравноправностью регионального и отраслевого управления.

И речь, по-видимому, надо вести не о том, где родился тот или иной человек, в каком возрасте прибыл в ту или иную национальную республику, а о том, что постоянно проживающие лица иной национальности должны быть ориентированы на жизнь в республике. Это та часть населения, которой надо постоянно заниматься, думать о ее адаптации.

Например, Эстония в послевоенные годы развивалась достаточно высокими темпами. По производству промышленной продукции на душу населения она в стране на втором месте, по сельскохозяйственной 1—2-е места делит с Литвой. Но развивалась она экстенсивно. Затянувшееся экстенсивное развитие оборачивалось социальной напряженностью. Кроме того, после 1950 года население республики на 56% увеличилось за счет миграции. (Эта проблема не менее остра и в противоположном смысле, — для тех регионов Нечерноземья, например, откуда население уезжает.)

Эстонский академик Яан Ребана, опровергнув убедительной статистикой тезис о том, что миграция — результат сознательной русификации, обозначил вместе с тем несколько острейших проблем, вызванных чрезмерным притоком людей из-за пределов республики.

«Некоренное население» — люди «без языка». Самая многочисленная группа «некоренных жителей» — русские — была и остается в Эстонии национальным меньшинством. Однако до сих пор однозначно подчеркивалось значение русского языка для эстонцев. Я. Ребана далек от недооценки русского языка и для межнационального общения, и для приобщения эстонцев к мировой культуре. 90% эстонцев, по его словам, владеют русским языком, из них 30% — свободно. Но дело в том, что из неэстонцев эстонским языком

владеют лишь 30%, а свободно всего 12. Подобная ситуация вызывает законное опасение у эстонцев за дальнейшее существование эстонского языка. Однако при анализе этих цифр необходимо учитывать такой момент: среди эстонцев считают необходимым знать русский язык — 75%, а среди русскоязычного населения видят необходимость изучения эстонского языка 91%. Иначе говоря, расхожее мнение о том, что «некоренное население» не желает учить национальные языки, просто-напросто неверно. У него нет возможностей для изучения. Как пишет Л. Млечин: «Нет учебников, нет самоучителей, на курсы невозможно записаться. Особо тяжелое положение в русскоязычных школах, где хронически не хватает преподавателей национальных языков: уроки латышского, литовского, эстонского не проводятся годами. К тому же, скажем, в латышских школах на изучение русского языка отнушено пять часов в неделю, в русских на изучение латышского — всего два» (2).

Недостаточное внимание к развитию подлинно национального, деформация в развитии национально-русского двуязычия — все имеет непосредственное отношение к психологической напряженности, ощущению определенной ущемленности, особенно у неискушенной молодежи, что порой принимает болезненный характер.

Вторая проблема, порожаемая миграцией, в том, что «некоренное население» — люди «без корней». Отсюда — проблема взаимодействия культур, культурного общения. Дело осложняется тем, что культурный уровень части самих приезжих был довольно низок. Приезжие часто не считают нужным знать историю и культуру народов Прибалтики. По данным социологических исследований, 47% приезжих не считают Эстонию постоянным местом жительства. Однако о том, чтобы серьезно знакомить неэстонцев с эстонской культурой, в республике никто практически и не думал.

Все это вело к разобщению между обеими группами населения, недоразумениям, трениям. Возникали чисто русские и чисто эстонские трудовые коллективы. Это не помогало сближению людей, не рассепало, а усиливало национальные предрассудки.

Наконец, третья проблема. «Некоренное население» — люди в основном молодые. Средний возраст эстонцев выше, рождаемость среди них ниже. Национальная структура рес-

публики быстро меняется. По прогнозам, к 2000 году в Эстонии будет жить 56—57% эстонцев. И это не прибавляет им социального оптимизма.

Сходное положение с приезжими жителями и в Латвии. Но и там мало занимались культурными потребностями приезжих. Должны ли эти люди устанавливать, обновлять традиции своего народа каждый сам по себе, самотеком, или это должно происходить при качественном и результативном содействии властей? Чисто административно эти люди воспринимались в республике больше как рабочая сила, а не как представители того или иного народа, о национальном достоинстве которого необходимо заботиться. И еще одна сторона проблемы: вопросы интернационализма в республике до сих пор нередко обсуждаются лишь как развитие отношений между русскими и латышами. Но не так уж мало в Латвии литовцев, украинцев, белорусов, эстонцев, чтобы не заботиться и об их национальном самочувствии, самобытности здесь, среди латышей.

Мы согласны с точкой зрения В. Авотиньша: «Если воплотятся идеи демократизации, сам демократизм и гласность не будут сужены кое-где до бюрократических местных вариантов, то практически все аргументации людей со склонностями к националистическому иссякнут» (3).

И в решении миграционных проблем мы вновь столкнемся с ведомственностью. Характерно, что буквально все выступавшие на XIX Всесоюзной партконференции представители республик и областей резко критиковали ведомственный подход: он разрушает природу, приводит к нежелательным демографическим изменениям, социальным диспропорциям. Самое же опасное следствие ведомственности — разрушение единства Союза Советских Социалистических Республик.

Каждая республика, по Конституции, суверенна. Это значит, что населяющий ее народ — хозяин своей земли, своей судьбы. И в целом он живет так, как работает. Однако этот порядок разрушают ведомства. Почему? Они экстерриториальны, их не интересует сбалансированность развития данного региона, зато очень интересует, есть ли готовая инфраструктура для очередного возводимого им завода. Есть рабочая сила — хорошо, нет — ее можно завезти. Задача — взять как можно больше от имеющихся в регионе ресурсов

с меньшими затратами (не вообще меньшими, а меньшими для ведомства).

Пример такой практики — известное «фосфоритное дело». Стремление Минудобрений СССР наращивать дешевую добычу фосфоритов на севере Эстонии совершенно не учитывало особенности их залегания: над фосфоритами находятся сланцы, которые при поднятии на поверхность самовозгораются. Бороться с этим мы пока не умеем. Под фосфоритами — пористые слои. И если фосфориты спясть, то воды эстонских рек через пористые слои уходят в море. Возникла опасность обезвоживания трети Эстонии. Наконец, здесь самые плодородные земли, которые, по современным методам, оцениваются в 200 тысяч рублей за гектар.

Ведомство не учитывает того, что уже добываемые фосфориты используются крайне непроизводительно, в 2,5 — 3 раза менее эффективно, чем в развитых странах. Удобрения вносятся не только под растения, а разбрасываются. Они смываются водой и отравляют реки и озера. И этот экономически невыгодный и чреватый экологической катастрофой проект Минудобрений пыталось всеми силами протолкнуть.

М. Л. Бронштейн, выступая в журнале «Коммунист», справедливо пишет: «Таких историй масса по всем регионам. Но в нашем случае добавляется еще и национальный аспект. Если спросить сто любых эстонцев, кто в этом виноват, они не скажут: такой-то министр, такое-то министерство. Они скажут: Москва виновата, это результат того, что все наши дела решает Москва. Проблема приобретает иной и очень опасный ракурс: становится чревата национальным отчуждением, ассоциируется с целым рядом угроз, в первую очередь экологической и собственно национальной».

Дело в том, что ведомственное развитие народного хозяйства, размещение предприятий шли по пути их широкого строительства в обжитых, имеющих хорошую инфраструктуру регионах (например, Прибалтика), с завозом недостающей там рабочей силы. В результате доля эстонского населения сокращается и сейчас дошла до 61—63%. А в массовом сознании возникает проблема превращения в национальное меньшинство на своей территории.

Отсюда национальное отчуждение, отсюда ухудшение отношения к некоренному населению, национальная напря-

женность, отсюда реальная угроза экстремизма, роста центробежных тенденций. И все это — объективный результат ведомственного способа хозяйствования. Экологического выигрыша в долгосрочной перспективе он не дает, а политические ведет к огромному проигрышу» (4).

Борьбу против устаревших методов экономического и политического управления возглавили в Прибалтике общественные организации — «Народный фронт» в Эстонии, «Движение за перестройку» в Латвии и литовское движение за перестройку «Саюдис». Именно в рамках этих движений были предложены меры по реорганизации всех сфер жизни. Предложения эти во многом не проработаны, не конкретизированы. Однако можно выделить основные направления. В экономике — региональный хозрасчет, экономическая самостоятельность республик, вплоть до введения собственной денежной единицы. В политике — признание полного суверенитета республик, вплоть до решения международных вопросов и введения республиканского гражданства. В социальном плане — обеспечение условий для развития коренного населения, вплоть до введения государственного языка и сокращения численности представителей других национальностей.

Во всех этих предложениях обращает на себя внимание то, что вольно или невольно акцент сделан лишь на интересах национальных республик Прибалтики, национального развития, то есть на национальном. Интернациональные интересы и интересы других наций фактически не учитываются. Забывается бесспорная истина о том, что ни одна из социалистических наций, представленных в Советском Союзе, не может обеспечить свое дальнейшее свободное развитие без другой.

Главная задача оказывается узколокальной, будто Эстония, Латвия и Литва не являются составной частью СССР, в котором воплощено единство национальных и интернациональных интересов. Оказывается, что основная задача, скажем, Народного фронта Эстонии — только политический, экономический и культурный суверенитет Эстонской ССР. Прав А. И. Доронченков, говоря, что суверенитет — не абстрактная категория. Ему свойственна внутренняя и внешняя сферы проявления. У любой нации он реализуется, сообразуясь с суверенитетом других наций, с которыми она

вступает в политические, экономические и тому подобные отношения. Иначе и не может быть. Без учета этого обстоятельства нельзя понять и практически реализовать национальную (и республиканскую) суверенность. Ведь даже тот самый региональный хозрасчет, который отныне становится одной из программных целей Народного фронта, может быть, по крайней мере на первом этапе, реализован лишь за счет общесоюзного рынка, на котором республике предстоит взаимодействовать с другими, не менее суверенными республиками. Иначе говоря, суверенитет социалистических наций предполагает высокую ступень их взаимной ответственности, равное и принципиальное отношение каждой из них к своему интернациональному долгу (5). Вот эта-то, если можно так выразиться, интернациональная сторона национального суверенитета в программах Народных фронтов должным образом не проработана и не нашла внятного разрешения.

Слов нет, что отношения между нациями — не частность, а одна из фундаментально жизненных реальностей, определяющая и обуславливающая политическую атмосферу и социальную прочность страны и ее международный авторитет. Между тем сложные вопросы межнациональных отношений можно решать в рамках демократического процесса, не допуская малейшего ущерба интернациональной сплоченности советских народов, не отдавая серьезнейшие вопросы их судеб во власть какой бы ни было стихии. На наш взгляд, важно добиваться сочетания общесоюзных начал с интересами регионов, которые ответственны перед страной за максимальное раскрытие национальных позиций на основе принципов социальной справедливости, наиболее эффективное проявление творческих возможностей каждой социалистической нации и народности, каждой национальной группы.

Вместе с тем порой в республиках Прибалтики раздавались, да и раздаются голоса о том, что русские должны выехать, скажем, в Псковскую область заселять брошенные деревни. Эти и подобные безответственные заявления — по сути, провокация, игра на национальных чувствах, негодные попытки перегреть «котел» общественного недовольства. Секретарь ЦК Компартии Эстонии И. Тооме справедливо пишет: «Обывателям лишь бы всплеснуть эмоции. Они порой совершенно не задумываются о гражданской ответственности,

о культуре поведения. О гуманизме, наконец... Таких лягушков хватало поначалу... мы разочаровались в политической культуре ряда авторов наших публикаций». И далее — «громко заговорили те, кто не разделяет нашей идеологии. Пользуясь тем, что коммунисты ощущают чувство вины за годы застоя, критику подменили критиканством... И радители устоев, и граждане, ностальгически страдающие по собственной национальной исключительности, — те и другие смотрят на проблему примитивно» (6).

Важно в этой связи глубоко изучить и прогнозировать происходящие в жизни непростые процессы, рост общественной активности, в том числе и деятельности неформальных объединений. В. И. Медведев указывает, что с политической и правовой точки зрения заслуживает признания общественная деятельность, которая ведется в рамках Конституции СССР и не противоречит интересам социализма (7).

Об отношении к социализму свидетельствует хотя бы выступление Х. Валка на Певческом поле (11 октября 1988 г.) в Таллинне.

Начало его связано с утверждением о том, что «мы больше не «так называемые жители коренной национальности», мы снова эстонцы». Правда, непонятно, кто утверждал подобное и почему нужно отстаивать очевидное. Впрочем, далее называются и виновники, сталинисты и нацисты плюс «стагнаты и интернацисты», кто «во имя интернационализма с помощью танков решал судьбы народов». Нарисовав такую страшную картину, Х. Валк заявил: «Борьба продолжается, и она будет продолжаться до тех пор, пока мы не обречем правительство, которое не станет продавать по частям нашу землю».

Кому же «продается», да еще «по частям», эстонская земля? Оказывается, «московским министерствам-колонизаторам». Призывая молодежь унаследовать «честь, гордость, боль и ненависть Эстонии», выступающий попытался объяснить эту ненависть не как призыв к отыщению, «но в то же время, — говорил он, — пусть никто не надеется на наше смирение — мы ничего не забудем, и мы ничего не простим». А заканчивается выступление такими словами: «Гордое презрение — вот достойный ответ системе, которая привела наш народ и Отечество на край гибели, тем, кто еще и сегодня не оставляет надежду затоптать нас... Поэтому мы должны

бороться... и придет время, когда на башне Длинного Германа (правительственное здание. — Ю. Р.) будет развеваться сине-черно-белое знамя. Мы победим... Я люблю вас!» (8).

Стоит ли комментировать это красноречивое подстрекательское выступление! Удивительно другое. Текст этого выступления был помещен в информационном бюллетене «Атмода» («Пробуждение») накануне учредительного съезда Народного фронта Латвии наряду с обращением к жителям Латвии по поводу этого события.

Как говорилось на «круглом столе» «Правды» по проблемам межнациональных отношений (октябрь 1988 г.), положение о советском народе играет очень важную роль в выработке национальной политики, интернациональном воспитании, между тем иные органы печати вдруг застеснялись этого понятия, забывая, что любой наш народ, любая наша республика есть составная часть единого Союза Советских Социалистических Республик (9). Вот этого как раз во многих документах Народных фронтов не просматривается, что было особенно заметно осенью 1988 года.

Перед нами «Программа Народного фронта Латвии» (проект). В ней говорится о поддержке перестройки в республике «на принципах демократического социализма и гуманизма», о необходимости «превращения СССР из централизованного федеративного государства в союз суверенных государств». Подчеркивается необходимость «официально признать, что включение Латвийской ССР в состав СССР было проведено без выяснения по этому поводу точки зрения народа Латвии» (п. 7).

Или еще одно суждение, помещенное в бюллетене Народного фронта Латвии: «В 1985 году в Латвии наконец началось строительство социализма. Латвия должна стать социалистической страной с высокоразвитым обществом». Такого рода «открытие» помещено под рубрикой «Народ предлагает Народному фронту». Здесь же предложения о формировании многопартийной системы как одной из главных задач Народного фронта Латвии. Предлагается, в частности, возродить социал-демократическую партию Латвии.

Нельзя не согласиться с точкой зрения В. Иванова, полагающего: «не получится ли так, что незаметно для самих себя мы начнем «под шумок» растаскивать кирпичи от общего дома на строительство индивидуальных «коттеджей» и

«бунгало», нисколько не заботясь, что оставшаяся без этих деталей конструкция может развалиться» (10).

И вот в «Вестнике» Народного фронта Эстонии от 24 ноября 1988 года помещена информация о заседании Консультативного Совета НФ от 9 ноября 1988 года, в которой говорится о том, что нужно «провести необходимую индивидуальную разъяснительную работу с депутатами, разъяснив крайнюю серьезность возникшей ситуации и с помощью всех средств распространять и внушать мысль о возможном отделении от Союза как естественном и правомерном шаге».

Вот так, ни больше и ни меньше!

Аналогичные суждения содержатся и в газете «Общества по охране памятников» (1988 г., № 3), где муссируется идея о невозможности заключения союзного договора между республиками, ибо «Эстония как жертва агрессии не может заключить с агрессором никаких союзных договоров». И далее — «единственно возможной и правомочной является восстановление суверенитета, то есть самостоятельной и независимой Эстонской республики... Первым шагом на этом пути было бы прервать принадлежность Эстонии к СССР и проводить в жизнь важное требование о том, что Эстония выйдет из состава СССР».

Собственно говоря, это и есть требование так называемой «партии национальной независимости Эстонии», ее, так сказать, программа-минимум. Пока же эта «партия» ставит вопрос о том, что именно она «должна выражать интересы эстонского народа, являясь национальной оппозицией к коммунистической партии Эстонии». Чем не параллельная структура власти, настойчиво рекомендуемая подрывными службами Запада? В подобном «ключе» действует и так называемое «Эстонское демократическое движение», требующее восстановить в стране границы буржуазной Эстонии.

Может быть, и стоит согласиться с оценкой газеты «Вечерний Таллинн» (11 августа 1988 г.), что в данном случае речь идет о «политическом шутовстве» и «клоунаде», однако утверждения о том, что «демократы» и «независимовцы» не представляют никакой угрозы обществу и массы за ними не идут, выглядят все-таки несколько облегченными. Это персонажи отнюдь не из шуточных картинок, они пикетируют прокуратуру, Верховный суд республики, недвусмысленно требуя «абсолютно независимой и самостоятельной Эсто-

нии», вывода из республики «оккупационных советских войск». Допускаются экстремистские выпады в адрес вооруженных сил, имели место случаи осквернения многих могил советских воинов в городах Таллинне, Тарту и др.

В документах Народных фронтов встречаются недостаточно четко выраженные политические позиции, вызывающие своей расплывчатостью, а подчас и двусмысленностью определенную настороженность. Встречаются и явно ошибочные суждения. В проекте резолюции учредительного съезда Литовского движения за перестройку говорится: «События послевоенных лет в Литве мы считаем ответом на незаконные действия сталинистов: оккупацию Литвы в 1940 году, политический геноцид по отношению к ее населению» и далее: «Предлагаем называть события послевоенных лет в Литве движением национального сопротивления. И одна и другая борющаяся сторона постепенно переходила к методам бандитизма» (резолюция № 20, п. 2).

Есть еще одна трактовка: «вооруженное сопротивление в первые послевоенные годы считать законным национально-освободительным движением» (резолюция № 27, п. 1).

«Как можно идеализировать тех бандитов, делать их чуть ли не астонскими робин гудами? — справедливо пишет в газете «Молодежь Эстонии» Вильдур Тимус. — Если эти робин гуды убивали женщину только за то, что она была женой председателя колхоза... Если убивали детей, сжигали дома сельских активистов, вырезали целые хутора... Многие преступления до сей поры еще не раскрыты, но боль осталась». Словом, под лозунгами возрождения национального самосознания делается попытка протащить националистические идеи, идеализировать буржуазное прошлое республики.

Газета «Советская Эстония» 11 октября 1988 года опубликовала точку зрения московских корреспондентов коммунистических газет «Ланд ог фольк» (Дания) и «Фолькштимме» (Австрия) Э. Андерсена и В. Пиркера по поводу событий в Эстонии.

Эрик Андерсен («Ланд ог фольк»): «Как таковое движение НФ можно только приветствовать, поскольку оно активизирует политическое самосознание масс. В программу НФ включены многие пункты, перекликающиеся с содержанием документов XIX Всесоюзной конференции КПСС. Насколько

я знаю, в платформе эстонской делегации на конференции нашли отражение наиболее конструктивные пожелания и предложения, высказанные представителями НФ. Но вместе с тем нельзя не заметить и наличия в той же программе пунктов, акцентирующих внимание на национальных, если не сказать о некоторых из них — националистических аспектах. И, к сожалению, на конгрессе, особенно во второй день его работы, именно эти пункты некоторыми выступающими были еще более выделены. В этом смысле я отметил бы два, на мой взгляд, наиболее существенных недостатка обсуждавшихся конгрессом документов. Первый — оторванность некоторых положений от реальности. К ним я отношусь, в частности, идею собственной «эстонской валюты», а также подход к некоторым экологическим проблемам. В современном мире нет экологически абсолютно чистых производств, если речь идет о тяжелой индустрии. И можно говорить скорее о необходимости максимальной защиты окружающей среды при их организации, чем о закрытии таких предприятий вообще. Подобные призывы напоминают движение луддитов в Англии XVIII века: ломай машины — в них источник всех бед!

Второй недостаток, проявившийся на конгрессе: лично мне показалось, что некоторые выступления, насыщенные «перестроечной риторикой», ничего общего с целями и принципами перестройки на деле не имеют, а фразеология в них употреблялась для спекуляции понятиями и преследования собственных корыстных интересов...

И еще. Борясь за заполнение «белых пятен» в истории, не создают ли некоторые активисты Народного фронта взамен старых новые «белые пятна»? Как коммунист и как гражданин буржуазного государства, я не могу понять, как можно настолько серьезно пытаться идеализировать буржуазную республику, пестовать ностальгию по буржуазной Эстонии? Я с полной ответственностью за свои слова могу утверждать: такой строй не является подлинно демократическим — с точки зрения защиты интересов трудящихся. Буржуазия терпит демократические «правила игры» до тех пор, пока они помогают ей удерживать свою власть. Если они становятся помехой — она без зазрения совести прибегает к насилию. Но все это некоторые политологи НФ выносят «за скобки»... Да, ликвидировать пробелы в своей исто-

рии необходимо. Но ведь не ради того, чтобы создавать новые».

Вернер Пиркер («Фольксштимме»): «На происходящее, мне кажется, надо смотреть прежде всего с классовых позиций. Может быть, это кому-нибудь покажется образцом старого мышления, хотя я сам — сторонник того, что Горбачев назвал новым мышлением. Но иногда наступает время, когда не следует жонглировать термином «новое» или «старое», а надо просто думать. Да, перестройка — это радикальное обновление, это разрушение старого, отжившего. Разрушается инертная административно-бюрократическая машина, другие мешающие социализму механизмы... Но к разрушению призывает и контрреволюция. И если с этой точки зрения кое-кто, как мне приходилось здесь слышать, «призывает «партию национальной независимости Эстонии» ультралевой на том лишь основании, что она призывает довести перестройку до самого конца (то есть до выхода из состава СССР и реставрации капитализма), то тогда силы Запада, надеющиеся на то, что перестройка приведет всю нашу страну к ликвидации социалистического строя, — тоже ультралевые?»

На конгрессе Народного фронта я увидел некоторые тенденции, ведущие прочь от социализма. Например, когда один из выступавших (имеется в виду председатель колхоза «Валту» Т. Театс. — Ю. Р.) призывал чуть ли не запретить арендный подряд на селе, а землю отдавать в личное владение крестьянину, фермеру, могу ли я оценить это иначе, как тенденцию к возрождению частной собственности? Меня пугает не терминология, а явная политическая и экономическая безграмотность подобных призывов. Сегодня даже в наиболее развитых странах Запада все сильнее проявляется тяга к обобществлению средств производства, других видов собственности, а здесь — опять раздел земли... И ведь оратору зал устроил овацию! Вот что опасно: нельзя потакать мелкобуржуазным инстинктам! Иначе можно скатиться и к оппортунизму...» (11).

Обращает на себя внимание и то, что руководство литовского движения за перестройку «Саюдис» также не желает полностью отмежеваться от примыкающих к нему посторонних лиц, которые отрицают и чернят все созданное за годы

Советской власти, распространяют дезинформацию, экстремистские лозунги.

Как пишет корреспондент «Известий» Л. Капелюшный, к «Движению» примкнули (и еще будут примыкать) люди и неумные, и обиженные на весь белый свет, и их оголтелость бросается в глаза, как черное на белом... Экстремизм этого меньшинства в «Движении» круто замешан на национальной ограниченности и политическом невежестве. Опять-таки здесь не до анализа их лозунгов и побуждений, но когда таковой будет проведен, станет очевидной антинародная, антилитовская сущность громкой фразы, к которой прибегают иные громкоголосые ораторы.

Между прочим, присутствующие на съезде иностранные журналисты, народ ко всему привычный, отметили непродуманность и мелкотравчатость иных предложений, вызывающих такой бурный восторг галерки (12).

Были проведены шумные политические акции типа «стоп-акции», предложено внести в действующую Конституцию Литовской ССР такие поправки, которые узаконили бы выход Литвы из состава СССР или невыполнение Конституции СССР и Законов СССР. Также осуществлялось неприкрытое давление на депутатов. Депутаты Верховного Совета республики не пошли на это, а в ответ — истерические крики и оскорбления. «Такие хулиганские выпады, — пишет в газете «Известия» учитель Й. Легунайтис, — вряд ли видели парламентарии хоть одной страны. Оскорбительные лозунги характеризовали бескультурие устроителей и участников акции. Что же произошло с нашим «Саюдисом»? «Требуем оградить депутатов Верховного Совета республики от шантажа и давления со стороны экстремистов», — потребовали рабочие станкостроительного завода «Жальгирис» (13). Выступая по телевидению, первый секретарь ЦК Компартии Литвы А. К. Бразаускас, отметив, что за последнее время в Литве сделаны действительно большие шаги вперед, указал, насколько опасны ультимативные требования и действия руководства «Саюдиса». «Мы понимаем, что исполнились не все помыслы «Саюдиса». Что ж, идет политическое состязание. Видимо, надо уметь проигрывать. Мы тоже иногда проигрываем. Но в этой ситуации необходимо понимать ход развития событий, логику политических решений. Очень

важно не разжигать страсти, не входить в конфронтацию, а, наоборот, идти к консолидации сил» (14).

В ходу оскорбления в адрес русских, уничижительные выражения типа бытовавшего еще при царе-батюшке оскорбительного понятия «инородец», «нацмен», лозунги вроде «Литву — литовцам», «Латвия — без русских», «Кто не с нами — тот против Эстонии», угрозы выселения из республик.

Нередки публикации и официальные заявления о приоритете «коренной нации» перед «некоренными», что вообще требование равенства в существующей обстановке есть, дескать, требование неравенства для «коренной нации» (?). Как утверждает И. Розенфельд, «некоренное население должно признать себя меньшинством на данной территории, а потом — требовать прав в пределах национально-культурной автономии». «Мигранты», мол, должны понять, что пересекли государственную границу, приехав в суверенную союзную республику! (15).

Но ведь это и есть национальное превосходство и попытки вызвать межнациональную рознь, неприятие людей другой национальности, вот как, скажем, ставит вопрос Х. Вайнер: «Основное и коренное население республики составляют эстонцы, статус которых нельзя приравнивать к статусу индейцев в США» (неизвестно только, кто их приравнивает. — Ю. Р.). И далее — «...это народ-хозяин, и чем больше он чувствует себя хозяином на земле предков»... и т. д. (16).

Но забота об эстонском народе не означает автоматического преимущества любого эстонца перед русским, украинцем или грузином. Думается, что это понятно любому нормальному человеку. Должно быть полное равноправие, оценка человека по способностям, по вкладу в развитие республики и, естественно, никакой дискриминации! Так говорилось на XI Пленуме ЦК Компартии Эстонии (сентябрь 1988 г.). Но почему иной раз заносит наших общественных деятелей не совсем в ту сторону? Откуда нетерпимость к иным мнениям, ультимативность и т. д.?

В руководстве Народных фронтов особенно много интеллигенции. Во все времена у всех народов истинный интеллигент не позволял себе делать различие между людьми по национальному признаку. И лишь в одном случае допускалось исключение: если надо было бы поднять голос в защиту

национального меньшинства. Забота об интересах прибалтов, внимание к их нуждам, проблемам — долг всей страны. Защита прав, достоинства и чести русскоязычного населения в Прибалтике — долг эстонской, литовской, латышской интеллигенции (17).

Крайне необходимо искоренять сохраняющиеся в сознании отдельной части населения старые, узконациональные, этнистические настроения, которые побуждают их носителей думать «сплошь да рядом только о себе, а об остальном — пусть позаботится господь бог да начальство» (18).

Академик Густав Наан справедливо пишет о том, что подчас в республике действуют по принципу «все наоборот». Ставь все с ног на голову — вот и вся перестройка. Неформальные движения азартно стремятся пережеголить друг друга в этом «все наоборот». Например, альтернативный молодежный форум рекомендовал в ноябре 1988 года покончить с преподаванием «марксоцентристских общественных наук», зато ввести в школах... закон божий. Пока, правда, еще не в качестве обязательного предмета. Было высказано и требование развалить (!), снести с лица земли Академию наук. Надо ли удивляться тому, что все действия Москвы сейчас предлагается воспринимать только под углом зрения, так сказать, презумпции коварства, предположения о том, что в центре только и думают о том, как бы ущемить бедную Эстонию. Определенные (или наоборот весьма неопределенные?) силы чрезвычайно последовательно разогревают национальные и — не побоимся этого слова — разнузданные националистические страсти, не брезгуя при этом никакими средствами.

Силы эти немало преуспели. Прокурор Латвийской ССР Я. Дзенис («Правда» от 19 ноября с. г.) пишет о некоторых характерных приемах и о том, что средства массовой информации в его республике, за исключением газет «Циня» и «Советская Латвия», фактически вышли из-под партийного контроля и влияния. Очень похожее положение сложилось и в Эстонии. Редакторы ряда газет или сами азартно участвуют в раздувании страстей, или затюканы, опасаясь морального террора, играют преимущественно в одни ворота.

Член Политбюро, секретарь ЦК КПСС В. М. Чебриков во время пребывания в Эстонии обратил внимание, например, на то, что Народный фронт (состоит преимущественно

из эстонцев) и Интердвижение (включает главным образом неэстонцев) располагают весьма неодинаковыми возможностями: Народный фронт имеет возможность говорить столько, сколько он хочет, по радио, по телевидению, вся пресса заполнена высказываниями позиций Народного фронта, Интердвижение такой возможности не имеет. К этому следует добавить, что некоторые газеты охотно печатают и злобные, просто хулиганские выпады против Интердвижения.

Вот характерный пример круговой обороны средств массовой информации против истины. На объединенном пленуме творческих союзов один из писателей нарисовал совершенно фантастическую картину демографической ситуации в Эстонии, другой тут же эти фантазии подхватил. Эстонское телеграфное агентство передало их сжатое изложение во все газеты, а три газеты изложили все это во всех подробностях. Прошло семь месяцев. За это время лишь одна газета — «Молодежь Эстонии» — решилась довести до читателя факты и цифры, начисто опровергающие фантазии, смысл которых, коротко говоря, сводится к тому, что во всем виновата Советская власть. От читателя, не владеющего русским языком, истину по-прежнему тщательно скрывают. Эстония как бы вновь окружена колючей проволокой, на этот раз невидимой, но вполне эффективно выполняющей определенную роль: не допустить до сознания эстонцев никаких фактов и цифр, мешающих раздуванию националистических страстей.

Манипулировать массовым сознанием, поставленным на строгую духовную диету, необычайно легко. Рождаемость в Эстонии действительно низка. Если это подать в максимально драматических тонах и умолчать при этом о том, что началось это задолго до установления в Эстонии Советской власти, что в странах Западной и Северной Европы рождаемость давно уже еще ниже и продолжает падать, что и в европейской части нашей страны в последние годы наблюдается та же тенденция и т. д., то совсем нетрудно подвести читателя к выводу, который и был сделан в выступлении в статье: Советская власть («некомпетентное правительство») создала угрозу... вымирания эстонской нации! Не более, но и не менее! Несмотря на то, что число эстонцев пусть медленно, но все же растет, любители пугаться и пугать начали живописать все это уже так: скоро нас вообще ни одного не

останется! Вот так. Редакторы эту чушь с удовольствием печатают...

Особо стоит, пожалуй, отметить наиболее откровенную из подтасовок. Из официального демографического прогноза Финляндии вырывается одна строка и подается так, что у читателя неизбежно создается впечатление, будто в Финляндии наблюдается чуть ли не демографический взрыв. Между тем из строк этого прогноза, о которых умалчивается, четко видно, что рождаемость в Финляндии продолжает снижаться, а смертность (из-за старения населения) — увеличиваться. Уже через дюжину лет согласно этому прогнозу смертность превысит рождаемость, и численность населения начнет уменьшаться (Дания уже пришла к этому) (19).

Не может не вызывать беспокойства создание в системе НФ Эстонии «службы безопасности». Во время конгресса «служба» не пропустила в пресс-центр Председателя Президиума Верховного Совета ЭССР Я. Рюйтеля. Как указывалось в эстонской прессе, «боевики» «сегодня играют мускулами, завтра положат кастеты в карман, возьмут дубинки в руки или оружие» (20).

В республике устанавливались пикеты, собирающие подписи под «воззванием» в адрес правительства Эстонской ССР и СССР с требованием отделения Эстонии от Советского Союза. Со стороны активистов НФ делались попытки оказать психологическое давление на депутатов Верховного Совета ЭССР до и во время исполнения ими конституционных обязанностей.

Вот что писалось по этому поводу в газете «Кодумаа» (12 октября 1988 г.): «Мы больше не те, которые давали себя дурачить. В ноябре (время проведения сессии. — Ю. Р.) мы можем окружить замок Тоомеи хови хоть стотысячной толпой Народного фронта, и вряд ли депутаты, проголосовавшие против воли народа, посмеют воспользоваться другим путем для ухода, кроме подземельного хода к монастырю Пирата...»

Многие депутаты открыто высказывались: они оказались несвободными от влияния различного рода «деятелей», безответные призывы и заявления которых все чаще раздаются в последнее время на митингах. Такова подоплека принятия Верховным Советом ЭССР ошибочного решения.

В информации в связи с учредительным съездом Народ-

ного фронта Латвии (8—9 октября 1988 г.) указывалось, что на съезде звучали и тревожные обращения, даже предупреждения о провокаторах, желающих повернуть обсуждение в опасное русло. После одного из выступлений съезду пришлось принять специальное постановление о том, что он решительно отмежевывается от всяческих проявлений фашизма и неонацизма («Советская Латвия», 1988, 11 октября).

Настораживает и то, что на учредительном съезде Народного фронта Латвии раздавались овации националистическим, экстремистским, антисоветским и антикоммунистическим выступлениям. В недавно опубликованной статье А. Балса «Литература ун максла» вновь муссируется тезис о продолжающейся оккупации Латвии советскими войсками. Оказывалось давление на депутатов, проводился массовый сбор подписей против утверждения законопроектов. Причем сама эта кампания превзошла все разумные границы. Людей в буквальном смысле атаковали на вокзалах, на работе, дома, в магазинах с тем, чтобы они поставили свою подпись против поправок к Конституции. Но сессия Верховного Совета республики прошла по-деловому, депутаты в конструктивном духе обсудили, что и как нужно изменить в предлагаемых поправках.

Выступая по телевидению, лидер Народного фронта Латвии Дайнас Иванс призвал телезрителей участвовать 26 ноября в день работы Верховного Совета СССР в демонстрации протеста против проекта Закона о поправках к Конституции СССР. Нетерпимость, как известно, плохой помощник.

В чем тут дело? Прокурор Латвийской ССР Я. Дзенис, выступая в газете «Правда», пишет о том, что в начале ноября 1988 года Думой Народного фронта Латвии принимается распространенное некоторыми средствами массовой информации постановление, в котором голословно утверждается, что обсуждаемые законопроекты якобы не закрепляют курс XIX партийной конференции на развитие самоуправления и полновластия Советов, существенно ограничивают суверенитет союзных республик. Руководство ИФЛ постановило: «Признать, что передаваемые на всенародное обсуждение законопроекты в нынешней редакции являются неприемлемыми» и предлагает ограничиться принятием временного положения о выборах только в Верховный Совет СССР.

Но противники законопроектов в своем стремлении сорвать их принятие пошли дальше. Как информировала 10 ноября молодежная газета «Падомью Яунатне», члены Думы НФЛ встретились с участниками Народного фронта Эстонии и Литовского «Движения за перестройку» для обсуждения основного вопроса о протесте против обсуждаемых законопроектов. Многим советским людям, вероятно, трудно поверить и тем более понять, но, как сообщала в своей информации упомянутая газета (причем без какого либо комментария), обсуждаемые законопроекты — это «ревизия нового курса КПСС, даже открытая контрреволюция, существенный шаг назад, к периоду застоя».

При такой совершенно не аргументированной, а по существу клеветнической констатации в газете «Падомью Яунатне» высказано требование собирать подписи и не допустить обсуждения законопроектов в Верховном Совете СССР (в газетной публикации они именуются «антидемократической Конституцией»). Предлагается также «потребовать ответственности от латвийских депутатов Верховного Совета СССР выразить им свою волю — не голосовать за принятие названного проекта». Это предложение подкрепляется открытой угрозой — ссылкой на право избирателей в порядке, предусмотренном законом и в достаточно короткий срок, отзывать депутатов Верховного Совета.

Эта угроза уже перешла в кампанию открытого давления на депутатов Верховных Советов СССР и республики.

В той же газете «Падомью Яунатне» был опубликован инструктаж, как и кому адресовать письма с выражением «протеста против проекта Конституции». Даже высказано пожелание посылать их заказной бандеролью.

Даже в дни недавнего пребывания в республике члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС В. А. Медведева, когда им убедительно и обстоятельно во многих коллективах разъяснялись законопроекты, председатель Народного фронта Латвии член КПСС Д. Э. Иванс призвал в своем выступлении по республиканскому телевидению организовать массовые манифестации протеста против законопроектов.

Противодействие принятию законопроектов не является случайным, оно самым тесным образом связано со стремлением отдельных групп и лиц к национальной изолированности и обособленности республики, к разжиганию противоре-

чий между интересами Латвии и всего Советского Союза. Поэтому понятно, что реальное укрепление народовластия в стране несовместимо с этими по существу националистическими проявлениями (21).

Об этом, в частности, говорится в корреспонденции, помещенной в «Правде» (1988, 26 октября) в связи с учредительным съездом «Саюдис» — Народного фронта Литвы, в которой указывается, что среди выступающих были и другого рода ораторы, и другая аудитория — гости или «галерка». Нетрудно было заметить, что у них чувство преобладало над разумом, безответственность над здравым смыслом. Их политическая неопытность была налицо, когда в равной мере аплодировали прямо альтернативным предложениям, лишь бы были высказаны страстно. «Галерка» была очень принципиальна к регламенту, когда выступали признанные авторитеты, например, член-корреспондент Академии наук Литовской ССР Ю. Булава, профессор М. Лукшене (кстати, пострадавшие в годы застоя), и совсем снисходительна по отношению, скажем, к представителю из города Шяуляй, который, как видно, «стоял под деревом», когда бесчинства творились, и только сейчас выступил «с разоблачениями», чтобы сорвать аплодисменты.

Были выступления экстремистского плана, навязывающие съезду идеи сепаратизма, национальной обособленности, «забывающие» понятие «социализм» и другие. Важно, что делегаты сумели различить, где зерно, где шелуха. Представители самых различных общественных слоев однозначно такие выступления оценивали как провокационные, безответственные, идущие вразрез политике перестройки.

Популярность движения «Саюдис», разумеется, отразилась и на качественной стороне его состава. Его сторонники в порыве чувств не всегда отдают отчет, реальны или нет их требования. Предъявляя к управленческому аппарату высочайшую требовательность, некоторые из них сами палец о палец не ударили для перестройки. С другой стороны, кое-кто просто сейчас хочет свести какие-то старые счета, а для этого объявляет себя участником движения. Многие из этих мастеров конъюнктуры и приспособленчества, на словах разоблачая «теорию и практику сталинизма», сами того не чувствуя, остаются в их плену: не терпят критики, придерживаются принципа — «есть мое мнение и есть неправиль-

ное мнение», насаждают диктат. Думается, что люди этой категории, какой бы национальности они ни были, не прочь порой раздуть бытовой национализм, прибегнуть к распространению провокационных листовок и др. Это уже «деятельность», выходящая за рамки закона.

Анализ вышеприведенного материала дает основание полагать, что национализм как таковой противостоит перестройке. Любое обособление по национальному признаку ведет к контробоособлению и имеет тенденцию к эскалации.

Всякие привилегии и ограничения по национальному признаку являются совершенно нетерпимыми. По сути дела, это чистейшее проявление национального неравенства, носящего антиконституционный, аморальный характер.

Конечно, руководители народных движений осуждают крайние, экстремистские заявления. Они подчеркивают признание принципов равенства всех наций. И не верить им никто не имеет права. Вызывает опасение другое: сам факт такого большого количества предложений националистического характера. В этих условиях многократно повышается ответственность лидеров народных движений перед всем советским народом за сохранение общегосударственных, общесоюзных интересов.

Еще большее значение приобретает правильная позиция партийных организаций. В основе партийной работы — политические установки XIX Всесоюзной конференции КПСС. Нужно предпринимать энергичные действия, снимать острые вопросы, осложняющие ситуацию, особенно в социальной сфере, развитии национальной культуры, языка. Важно не упускать инициативу в постановке и решении назревших проблем, преодолевать отставание практической работы партийных организаций от процессов, происходящих в общественном сознании, занять действительно авангардные позиции в общенародном деле обновления социализма. Смелее идти в трудовые коллективы, открыто говорить с людьми, отстаивать курс партии. Опираясь на силу убеждения и авторитет закона, противодействовать любым попыткам перевести естественные национальные чувства в разрушительное русло национализма, использовать расширение демократии и гласности в антидемократических целях. Не допускать дискредитации наших общих интернациональных завоеваний.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЙ НАЦИОНАЛИЗМА В СССР

Четвертой группой причин, вызывающих появление национализма в СССР, является целенаправленное вмешательство западных пропагандистских и разведывательных центров во внутренние дела нашей страны. Национализм сегодня является важным оружием, которое активно используется в борьбе против социализма, против революционных сил современности, социального прогресса, мира на Земле. Он входит составной частью в новейшие теоретические конструкции антикоммунизма, в его практику.

Основная цель использования национализма против нашей страны состоит в том, чтобы подорвать, дестабилизировать обстановку в СССР, ослабить морально-политическое единство советского общества, мировой социалистической системы. При этом тщательно изыскиваются малейшие деформации в национальных отношениях. Все пускается в оборот, все возводится в ранг серьезной политической проблемы. Вот почему национализм выступает как стимулятор антидемократических и прежде всего антисоветских акций как внутренней, так и внешней политики империализма, как «теоретическое» обоснование подрывной деятельности, как способ, орудие борьбы против социального прогресса. Национализм является и своеобразным прикрытием политико-идеологической подрывной деятельности против СССР и других стран социализма.

«Только националистическими призывами правящие классы смогут сплотить консервативные силы против сил революционного изменения», — говорится в книге американского социолога Ф. Горовица «Империализм и революция». Национализм, как подчеркивают авторы книги «Коммунизм в Восточной Европе», «конкретно означает антисоветчину».

Подвергая, по существу, сомнению реализм стратегического курса на ускорение социально-экономического разви-

тия нашей страны, демократизацию советского общества, его революционную перестройку, буржуазные политологи по-прежнему демонстрируют негативный подход к задачам КПСС в сфере национальных отношений. Более того — эта сфера все более и более превращается в «ударный» участок идеологических и политических атак западных спецслужб и органов идеологических диверсий, отражая стратегическую линию — вызвать националистическую «эрозию» Советского многонационального государства.

Хотелось бы обратить внимание на одну немаловажную деталь. Современному положению с национальными проблемами в СССР предшествовали многолетние атаки мирового империализма на исторические завоевания социализма, исподволь использовался комплекс сил и средств, имеющих в своей основе ставку на постепенное расшатывание интернационального существа социалистических наций и народностей, на подрыв дружбы народов СССР. Более того, речь идет о целенаправленной и методичной подготовке Западом национальных конфликтов в СССР.

Иными словами, спецслужбы Запада, так сказать, предварительно обкатали ряд своих подходов к проблеме международных отношений, избрав в качестве «пробного» варианта регионы, в которых, по их мнению, можно рассчитывать на появление национализма, — Прибалтику и Среднюю Азию, а также сделав упор уже не на отдельные советские республики, а на «малые народы» — народности, национальные группы.

Кто осуществляет вмешательство во внутренние дела СССР?

Ныне на Западе насчитывается около 350 советологических центров. Ведущее положение по количеству учреждений и организаций (более 200), по численности советологов (около 5 тысяч) и объему печатной продукции занимают США. Активную подрывную деятельность ведут советологические центры ФРГ (около 100), Великобритании, Канады, Франции, Израиля, Австралии, Швейцарии. Их работу коор-

динирует созданное еще в 1974 году при университете в Глазго (Шотландия) Международное информационное бюро советских и восточно-европейских исследований, в состав которого входят 14 национальных и региональных учреждений подобного типа. Координированием работ непосредственно по советской проблематике занимается Совет по европейским исследованиям при Колумбийском университете.

В феврале 1983 году ЮСИА и центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета организовали очередную «международную конференцию», целью которой была пропаганда выработанных рекомендаций по проведению подрывных акций против социалистических стран. Одновременно были приняты меры по активизации деятельности «советологических центров», на которые возлагалась роль поставщиков аналитических материалов для подготовки очередных идеологических диверсий. В октябре 1983 года Пентагон объявил о новой пятилетней программе по «изучению» СССР, финансируемой министерством обороны, ЦРУ, госдепартаментом. Согласно «закону об исследованиях и подготовке специалистов по странам советского блока» (сентябрь, 1982) на академические советологические исследования было ассигновано 50 миллионов долларов. Советологам Мичиганского университета, например, было ассигновано 74 миллиона долларов для изучения структур политической власти в СССР.

Подрывные акции против социализма ведутся с учетом выхода «психологической войны» в сферу так называемого «четвертого измерения», о котором писал журнал «Веркунде»: «Современная война ведется не только в трех традиционных сферах — в воздухе, на суше и на море. Она захватывает также и четвертую сферу: духовный мир человека. Войну в этой стратегической сфере нельзя представить ни на одной стратегической карте. Но она идет повсюду, где печать, радио и кино доходят в самые отдаленные поселения и деревушки. В плоскости четвертого измерения уже давно начались битвы третьей мировой, а именно — борьба за взгляды людей нашего мира!»

Говоря о подготовке спецслужб и органов идеологических диверсий, нельзя не учитывать особые программы, разработанные американской администрацией, такие, как «Истина» (август, 1981), «Демократия и публичная дипломатия», кото-

рые предусматривают «создание правильного представления в США и их внешней политике» и «предупреждение об угрозе политики Советского Союза». Таков фасад «демократической программы». А вот что скрывалось за ним.

По словам газеты «Вашингтон пост», программа «должна быть направлена на укрепление демократических сил в самой советской империи. Американцы европейского и азиатского происхождения, которые имеют лингвистические способности, достаточный культурный уровень и личные связи, могли бы содействовать осуществлению этих целей, выступая в роли инициаторов тех или других программ».

«В Вашингтоне, — говорится в заявлении ТАСС, — с большой помпой провозглашена «Программа демократии и публичной дипломатии». Суть этой программы состоит в том, что США пытаются присвоить себе право под предлогом «защиты демократии» осуществлять массированное вмешательство в дела других государств, прежде всего развивающихся, которые они хотели бы пристегнуть к американской политике. Ставится задача создания в других странах соответствующей «инфраструктуры», иными словами, формирования своего рода «пятой колонны», в которую, как об этом прямо говорится, будут включены «лиги и институты», связавшие себя обязательством способствовать «демократическому развитию», разумеется, на американский манер».

На выполнение программы «Демократия и публичная дипломатия» в 1983 году было выделено 20 миллионов долларов, в 1985 году 65 миллионов. В этой программе, рассчитанной на 20 лет, предусматривается: усиление радиовещания на социалистические и развивающиеся страны; создание особого центра для эмигрантов из СССР и социалистических стран; подготовка руководящих кадров в вузах США; создание инспекторских групп и организация их турне по различным странам; выпуски специальной литературы и т. д. (1).

Приведем сообщение КГБ СССР, опубликованное в апреле 1988 года в газете «Аргументы и факты» (№ 17). «Комитет государственной безопасности СССР сообщает, что согласно полученным им сведениям специальные службы Соединенных Штатов Америки в контакте с разведывательными органами ФРГ и Франции предпринимают новые попытки для развертывания подрывной деятельности на территории на-

шей страны в целях дестабилизации внутриполитической обстановки в СССР. Планируемые и осуществляемые западными спецслужбами акции проводятся в соответствии с выводами, установками и рекомендациями состоявшейся в прошлом году (в 1987 г. — Ю. Р.) в Вашингтоне так называемой «конференции по проблемам разведки», проводившейся руководством «разведывательного сообщества США» с участием ведущих американских советологов.

На «конференции» было признано целесообразным сосредоточить усилия Центрального разведывательного управления и других западных спецслужб, сотрудничающих с ЦРУ США, на проведении тайных операций, нацеленных на формирование в СССР «политической оппозиции» социализму и использование процесса перестройки и демократизации для подрыва изнутри советского государственного и общественного строя.

В практическом плане спецслужбам рекомендовалось проводить на территории СССР работу по созданию буржуазного типа многопартийной системы, так называемых «свободных профсоюзов», инспирировать противоправную деятельность участников некоторых самостоятельных общественных формирований, подстрекать их к проведению антиобщественных действий вплоть до беспорядков, содействовать изготовлению и распространению враждебных социализму материалов. Особые усилия предлагалось сосредоточить на распространении провокационных измышлений о «возникновении и росте сопротивления перестройке» и якобы вызревании в нашей стране крупных социальных конфликтов. К проведению подрывных акций рекомендовалось подключать отдельных негативно настроенных советских граждан из числа в прошлом привлекавшихся к уголовной ответственности за антигосударственную деятельность, враждебно относящихся к перестройке перерожденцев, а также разного рода экстремистов, зараженных националистическими, религиозными предрасудками и пережитками.

Действуя в духе установок и рекомендаций «конференции», ЦРУ США в контакте с западногерманскими спецслужбами создало на территории ФРГ координирующий центр для проведения идеологических диверсий под названием «Международная солидарность». В обязанности центра входит реализация так называемого «стратегического плана» по психоло-

гической подготовке населения стран социалистического сотрудничества к «антикоммунистическим действиям» в виде забастовок, массовых выступлений, бойкота общественно-политических мероприятий. Возглавляет «Международную солидарность» «штаб», состоящий из 11 агентов спецслужб. Ему подчинены секретариат, контрольная комиссия, «суд чести», пресс-бюро, редакция ежемесячного журнала «Международная солидарность», ряд рабочих комиссий, включая комиссии «по изучению СССР, коммунистических стран и марксизма», «помощи правозащитникам в соцстранах», «помощи борющимся за свободу народам Афганистана, Анголы, Никарагуа» и др. Предусматривается создание филиалов организации в других странах и т. п. «конгресса национальных секций». В странах Западной Европы планируется задействовать около 100 распространителей антикоммунистической литературы, на которых возложена задача по организации засылки в СССР и другие социалистические государства подрывных и иных враждебных материалов.

Во Франции по указанию и на финансовые средства ЦРУ на базе антикоммунистической организации «Интернационал сопротивления» начата подготовка видеокассет с фильмами враждебного и идейно ущербного содержания, которые предназначены для нелегальной переправки и распространения в СССР и рассчитаны прежде всего на «идейное разложение» молодежи. К этой работе, в частности, привлечены платные агенты ЦРУ из числа бывших советских граждан: сотрудник комитета радио «Свобода» и «Свободная Европа» Кузнецов (ФРГ, Мюнхен), так называемый «директор» «Интернационала сопротивления» Буковский, редактор антисоциалистического журнала «Континент» Максимов (Франция, Париж).

Используется значительный опыт подрывной деятельности по разрывыванию контрреволюционных сил в Польше, Венгрии и Чехословакии, когда империализмом был создан гигантский механизм экспорта контрреволюции, включающий в себя высшие эшелоны власти империалистических держав, прежде всего США, разведывательные центры, эмигрантские контрреволюционные организации, направляющие и инспирирующие внутреннюю контрреволюцию.

Обращает на себя внимание и значительная активизация деятельности пропагандистского аппарата империалистических государств с использованием «данных» новейших тео-

ретических изысканий специалистов по национальным отношениям в СССР из Института имени Кеннана, Гарвардского, Калифорнийского университетов, Центра средневосточных исследований Чикагского университета, деятельность которых координируется созданным еще в 1970 году «Комитетом по изучению национальностей СССР и Восточной Европы». Только проблемами Украины за рубежом занимаются 34 исследовательских учреждения. В наши дни происходит широкое подключение к «изучению» проблем межнациональных отношений в СССР мусульманских центров — прежде всего крупнейшего из них, расположенного в Ускинге (под Лондоном). Специальную «хронику событий» в республиках Средней Азии выпускает Институт стратегических исследований в Лондоне, где издается также журнал «Арабэнд муслим уорлд», публикующий тенденциозные статьи о положении мусульман в СССР. В Соединенных Штатах более 40 университетов имеют право приема к защите «трудов», посвященных исследованию СССР. Из 3815 докторских диссертаций по Советскому Союзу, подготовленных в США за 15 лет (с 1964 по 1978 г.), 173 были посвящены «нерусским национальностям», в том числе 53 — украинцам.

Изучение прибалтийских народов ведется в Колумбийском, Принстонском, Пенсильванском университетах США, в университетах Мериленда и Торонто (Канада), Балтийском институте в Стокгольме. Проблематика Советского Закавказья рассматривается в Чикагском университете, институте Кеннана по содействию русским исследованиям и Международном центре исследований имени В. Вильсона. Кавказская лингвистика, курсы по языкам нерусских национальностей СССР организованы в Урало-Алтайском центре при университетах штатов Индиана и Мичиган. Большое место отводится среднеазиатскому региону (Русский исследовательский центр Йельского университета, Центр по азиатским исследованиям Мичиганского университета, Лондонский среднеазиатский исследовательский центр и др.). При этом весь подаваемый советологами материал затем стремится как бы влиться в национальный контекст того или иного региона, чтобы максимально сократить путь прохождения в сознании слушателей пропагандистских заготовок от «инородной» информации до «своей», до «национально» окрашенных идей.

При проведении контрбюлельных кампаний, приурочен-

ных к юбилейным датам СССР, предпринимается издание и переиздание работ американских, западноевропейских «идеологов».

В 1987—1988 гг. были изданы книги «Эстония и эстонцы», «Казахи», «Крымские татары», «Украинские диссиденты», загода предрекающие конфликты на национальной почве, призывающие к массовому неповиновению, «решению» национальных проблем в выгодном для буржуазии духе.

В 70-е годы произошло очевидное сближение точек зрения советологов и буржуазно-националистических «украиноведов», «прибалтоведов» и т. п. Созданные в этот период центры эмигрантской «науки», такие, как Украинский исследовательский институт при Гарвардском университете и Украинский институт при Альбертском университете (Канада), стали своеобразными центрами «академического антисоветизма», в частности, существующей в США с 1970 года специальной исследовательской программы по советским национальным проблемам. Активно действуют и такие «академические» советологические организации, как «Ассоциация по содействию балтийских исследований» в США, «Балтийский институт» в Швеции и др. Подрывную деятельность ведут и так называемые «молдавоведы» из числа реакционной части румынской эмиграции, находящейся, в частности, во Франции.

Активную антисоветскую работу осуществляют два координационных «межнациональных» центра — так называемая «Ассамблея поработенных народов Европы», или иначе «Парижский блок», и «Антибольшевистский блок народов» (АБН), главную роль в которых играют руководители буржуазно-националистических организаций.

Поговорим несколько подробнее об АБН. Его предтечей стала «Антибольшевистская лига освобождения народов» (ноябрь 1947 г.), куда вошли представители реакционной части эмиграции из Советского Союза (Украина, Белоруссия, Прибалтийские республики, Закавказье), стран народной демократии (Албания, Венгрия, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Хорватия и др.). С 50-х годов АБН поддерживает тесные контакты с «Антикоммунистической лигой народов Азии» (АПАКЛРОК). Как подчеркивалось в совместном коммюнике, цель этого союза способствовать «разгрому международного коммунистического блока, уничтожению русско-

го империализма и поддержке угнетенных русским империализмом наций в Европе и Азии для восстановления их независимости на их первичных этнографических территориях».

Под лозунгом «Бог и отечество — это наш девиз» в «Антибольшевистском блоке народов» объединились: «Закардонные части организации украинских националистов» (ЗЧ ОУН), «Литовский головной освободительный комитет» (ВЛИК), «Белорусский национальный центр», «Словацкий комитет» (САВ), «Национальный туркестанский комитет» илюс, как указывалось в эмигрантской прессе, «кавказские, сибирские, казачьи, идель-уральские, эстонские, болгарские, румынские, венгерские, сербские, хорватские, польские и другие освободительные организации». Конгломерат, как видим, сомнительного, но явно антисоветского толка «пробился» в состав так называемого «Европейского Совета Свободы», объединившего антикоммунистические группировки Западной Европы, а затем и «Всемирной антикоммунистической лиги» (ВАКЛ), которая была создана как специальная вспомогательная служба военно-шпионского ведомства США. При ней состоит подразделение, специализирующееся на международном терроризме и фактически управляемое ЦРУ.

Политическая программа ВАКЛ — вооруженное свержение Советской власти с помощью международной реакции и «революции поработенных нерусских народов СССР», реставрация в советских республиках капиталистических порядков, установление тоталитарного режима. Методы борьбы — клеветнические измышления об СССР, создание препятствий на пути расширения культурных связей эмиграции с Родиной, выполнение различных поручений империалистических спецслужб.

Активно используется в нагнетании ажиотажа вокруг межнациональных проблем в СССР и реакционная эмиграция — выходцы из Советского Союза. По далеко не полным данным, только в США насчитывается более 100 различных эмигрантских организаций выходцев из Советской Прибалтики, более 50 — выходцев из Украины, свыше 40 армянских, 22 белорусских и других эмигрантских обществ и организаций. Как признал советолог Ст. Горак, многие из них, помимо «обеспечения организационной базы в поддержку национальных движений за независимость и отделение от СССР, принимают участие в изготовлении и распространении

тенденциозной информации о советских национальных республиках».

Усилили, в частности, враждебную деятельность буржуазно-националистические группировки прибалтийской эмиграции, «Всемирное общество литовцев», «Швеса-Сантара» («Содружество-Свет»), «Комитет освобождения Латвии — Европейский центр», «Всемирное объединение свободных латышей», «Эстонский национальный совет», «Всемирный эстонский центральный совет». Эти и другие реакционные группировки вошли в состав двух координационных центров — «Американцы за действие конгресса по освобождению прибалтийских государств» и «Объединенное прибалтийское обращение — Обращение прибалтийцев в ООН» (УБА — Батун).

Наибольшую активность в подрывной диверсионно-идеологической деятельности против СССР среди армянских буржуазно-националистических организаций проявляет контрреволюционная партия — «Дашнакцутюн». В ходе своей более чем полувековой деятельности в диаспоре эта партия служила всем империалистическим объединениям, вплоть до немецкого фашизма, но никогда не сотрудничала с демократическими и революционными силами за рубежом. Партия «Дашнакцутюн» была родным детищем армянской буржуазии и в своей эволюции дошла до уровня агента международного империализма.

В послевоенный период из остатков немецко-фашистских формирований под названием «Туркестанский легион» за рубежом создана буржуазно-националистическая организация «Туркестанский освободительный комитет» (ТОК), функционирует антисоветское «Туркестано-американское общество» и т. п.

Антикоммунизм использует и такие организации, как «Объединение белорусов в Великобритании», «Объединение белорусов в Канаде», «Белорусско-американское объединение в Америке» и т. п.

Необходимо сказать и о деятельности сионистских организаций. Они также ведут непрерывные атаки на идеологию, политику и практику пролетарского, социалистического интернационализма. Это и «Всемирная сионистская организация» (ВСО), и реорганизованное «Еврейское агентство», и скандально известная «Лига защиты евреев», и «Американская конференция в защиту советских евреев», и «Академи-

ческий комитет по проблемам советского еврейства», и т. п. В последнее время активизировал подрывную деятельность и израильский «Центр по делам о советских евреях». Из его отчета, изъятых у «туриста» из Великобритании А. Сигала, видно, что им учтены и инспирированы антисоветские сборища и другие враждебные акции в СССР, в том числе в защиту «узников Сиона».

Процесс глубоких перемен в Советском Союзе никак не устраивает сионистские круги. Ведь гласность, открытый разговор о наших проблемах путают им все карты. Особенно когда речь заходит о национальных проблемах, о борьбе с предрасудками и чуждыми социализму взглядами. Гласное обсуждение этих вопросов лишает их возможности затевать политические спекуляции на «горячей» теме.

Правые круги сионистов, в частности «Национальная конференция в защиту советских евреев» (НК ЗСС), накануне визита М. С. Горбачева в США приняла решение о проведении так называемой «Вашингтонской мобилизации», которая планировалась в виде крупных провокационных выступлений накануне и во время встречи в верхах. Цель этих акций состояла в том, чтобы «убедить» американскую администрацию действовать на переговорах жестко и заставить советскую сторону «решить» вопрос о защите прав человека, разумеется, в выгодном для сионистов свете, которые сводят их к вопросу о неограниченном выезде граждан еврейской национальности из СССР.

С размахом ведется подрывное радиовещание. В настоящее время годовой бюджет, например, «Голоса Америки» составляет почти 185 миллионов долларов (все же на деятельность своего колоссального пропагандистского комплекса за рубежом США тратят около пяти миллиардов долларов в год). Только на техническую модернизацию «Голоса Америки» выделено 1,5 миллиарда долларов. Уже сооружаются новые мощные ретрансляционные центры для передачи на север.

Радиостанция располагает 108 передатчиками на территории США и за рубежом, вещающими 1327 часов в неделю на 43 языках. Газета «Нью-Йорк таймс» откровенно писала, что радиостанции предписано Белым домом и госдепартаментом рассматривать народы социалистического содружества как... «порабощенные нации». Профессор журналистики Пенсиль-

ванского университета Дж. Ренколс подчеркивает на страницах «Форин полиси»: «...Нынешняя администрация одержима идеей использовать международное вещание как оружие нанесения ударов по врагам за границей... как средство нагнетания международной напряженности».

Радиостанция «Свобода — Свободная Европа» создана в начале 50-х годов, ее штаб-квартира находится в городе Мюнхене, ФРГ. Под этим лицемерным названием, по существу, функционирует радиодиверсионный орган Центрального разведывательного управления США как одно из подразделений, предназначенных для осуществления акций идеологической диверсии против СССР и других социалистических стран.

«Глобальные» задачи РС — РСЕ были освещены в заявлении председателя так называемого «организационного комитета» радиостанции Ч. Джексона, сделанном им при открытии радиостанции. Он, в частности, заявил: «Радиостанция — это служба психологической войны. Она учреждена для провоцирования внутренних беспорядков в странах, на которые ведет вещание... Военное же вмешательство вообще имеет смысл в том случае, если народам интересующих нас стран будет привит импульс к вооруженным действиям внутри страны против существующих там правительств. Одновременно она должна стать центральной, координирующей организацией, способной сплотить и направлять деятельность всех существующих на Западе антикоммунистических сил, и в конечном итоге — символом освобождения народов от большевизма...» (2).

Практически все руководящие посты на радиостанции занимают кадровые сотрудники ЦРУ и американской военной разведки, которые организуют, направляют и координируют деятельность всех служб враждебного центра. Наряду с этим в Париже под прикрытием «Отдела по изучению аудитории и эффективности радиовещания» РС — РСЕ действует резидентура ЦРУ. В ее задачу входят опрос и враждебная обработка советских граждан, временно находящихся за рубежом, поиск из их числа лиц с низкими моральными качествами и недостаточно устойчивыми политическими взглядами в целях привлечения таких лиц к сотрудничеству с американской разведкой.

К этому добавим, что иранскими властями на острове

Кеши в Персидском заливе введена в строй новая установка, предназначенная для ведения «национальной пропаганды» на республики Средней Азии и Казахстан, реконструирован недавно построенный в городе Бендер-Туркмене радицентр в целях увеличения его мощности.

Начало 80-х годов характерно и расширением сети под-
рывного радиовещания, значительным увеличением количества часов передач на языках различных народов СССР. В радиокорпорации РС—РСЕ укрепились прежние национальные редакции, созданы новые, рассчитанные на конкретные регионы страны.

Послужные списки тех, кто по микрофону «Свободы» призывает к «обществу народов», говорят сами за себя. Мкртчян, возглавляющий армянскую редакцию, добровольно сдался в 1942 году в плен гитлеровцам, попал в разведывательную школу, а затем в составе фашистских частей расстреливал во Франции партизан. Авторханов, выступающий в роли «исследователя» истории СССР, был гестаповцем. «Видный обозреватель» Гарнер участвовал в казни поэта Мусы Джалиля. В азербайджанской редакции мюнхенского радиодиверсионного центра ЦРУ работает бывший гестаповец Фарман Мамедов, уроженец села Марджанлы Джебраильского района Азербайджанской ССР.

Возьмем казахскую секцию туркестанской редакции «Свободы». В 1983 году ей дополнительно выделено 20 штатных единиц с целью расширения антисоветских передач, в первую очередь националистического и клерикального характера. Секцию возглавил Жакибай Банищев, уроженец Кызыл-Ординской области. Он служил в «Туркестанском легионе», закончил гитлеровскую разведшколу.

Хасен Оралтай, он же Калибеков, уроженец Синдзяна, служащий штаб-квартиры НАТО в Измире (Турция). Автор двух книг, изданных в Турции, — «Казахские турки в борьбе за свободу» и «Алаш». Выдает себя за «идейного борца и теоретика народов Средней Азии и Казахстана». Непризнанным поэтом Востока считает себя Саттар Чобан, он же Махбул, он же Бул-бул, окончивший в начале 50-х годов американскую разведшколу. Отцом казахского «инакомыслия» называет себя Махмет Кулмагамбетов, беглый «диссидент», кредо которого выражено словами: «Лучше фашизм с его циничной идеологией, чем коммунизм».

В туркменской секции «Свободы» работает Аламурад Халмурадов, он же Мурад Хилил оглы, дезертир Советской Армии, «легионер» «Туркестанского легиона», под стать ему предатели Родины — Мурада Тагмурадова, Аманкулы и Курре Бердымурадовы.

Всего на радиостанции «Свобода» работают около 1300 людей такого рода. Предатели Родины, шпионы, уголовные преступники, антикоммунисты, они организуют шантаж и обработку советских граждан, находящихся за рубежом, собирают сведения, затрагивающие интересы советских граждан и подрывающие безопасность нашего государства.

Как видим, на Западе не жалеют ни сил, ни средств для того, чтобы вести борьбу с социализмом, с нашей страной.

Что такое «этнология»?

Довольно продолжительное время мы не принимали серьезно теоретических изысканий западных специалистов по Советскому Союзу. И в наше время на Западе преобладают работы, страдающие идеологическим фанатизмом, содержащие фабрикацию легенд, надуманных представлений и концепций, пропагандистских стереотипов, составляющих большую ложь антикоммунизма о марксизме-ленинизме, социализме, его достижениях, проблемах и перспективах. «...Вероятно, ни в один другой период своего существования человечество не испытывало такого давления фальши и обмана, как сейчас, — подчеркивалось на XXVII съезде КПСС. — Буржуазная пропаганда обрушивает на людей во всем мире искусно подтасованную информацию, навязывает мысли и чувства, программирует выгодную для правящих сил гражданскую и социальную позицию» (1).

И все же следует пересмотреть наше отношение к буржуазным авторам как только к реакционным, работающим исключительно над фальсификацией советской действительности. В их работах могут содержаться и содержатся положительные оценки ленинских принципов национальной политики, признание их реализации для некоторых народов. В научный оборот введено, например, понятие «решение национального вопроса в СССР». Среди буржуазных авторов

имеются достаточно добросовестные ученые, стремящиеся объективно разобраться в изучаемых вопросах. Появляются в последнее время публикации, позитивно оценивающие революционную перестройку в СССР, признающие крутой поворот его истории (2).

«Запад, — констатирует одна из газет ФРГ, — не перестает удивляться. А досужие астрологи, гадающие о будущем Кремля, могут быть уволены. В Советском Союзе уже не существует преграда на пути к обновлению, к демократизации общества, к модернизации страны. В СССР решительно заявляет о себе новое поколение людей, поддерживающих новый курс» (3).

Французский журналист А. Алег, посетивший Советский Союз, пишет, что создание общества без эксплуататоров, без господ и рабов — уже это одно может позволить установить новые отношения между народами и людьми. Именно это осуществили, правда, «ненеповедными путями», народы нашей страны. По словам А. Алега, «узбеки, казахи, таджики, киргизы, так же как и русские, украинцы, латыши, молдаване и миллионы людей других национальностей, уже давно убедились, выдержав все испытания, достигнув совместных успехов, что повышение их жизненного уровня, обогащение их национальных культур, углубление демократии происходит в рамках одного общего плана в масштабе Советского Союза» (4). Нельзя не привести еще одного наблюдения А. Алега по поводу советского народа. Люди в СССР, полагает он, не отбрасывая ничего своего, не хотят и не могут в настоящее время думать иначе чем по-советски о том, что касается будущего всего их общества, они не ограничиваются частными интересами.

Американский социолог А. Шиманский, в свою очередь, пишет, что в республиках Средней Азии, ужасно бедных и индустриально неразвитых, советская система проявила себя как система, способствующая их возрождению. Даже использование русского языка в школах и университетах в какой-то мере необходимо для удобства и не является средством русификации населения. «В общем, — указывает автор, — нет свидетельств тому, что экономические взаимоотношения между нерусскими европейскими республиками могут рассматриваться как эксплуататорские либо подобного типа, когда промышленное производство концентрируется только

в России. Все восемь европейских социалистических республик значительно выиграли от их совместной жизни в Советском Союзе» (5).

Более того, подчас знание советологов об отдельных проблемах в СССР полнее, чем в советской исторической, филологической науке, поскольку они связаны со спецслужбами и достаточно осведомлены о закулисной, тайной войне против СССР и принимают в ней непосредственное участие, теоретически обосновывая подготовку многих акций в нашей стране. В этом отношении советология в значительной мере носит, так сказать, прикладной характер.

Причем советология подчас достаточно верно улавливает многие внутренние тенденции развития советского обществоведения в области оценки национальных процессов, хотя и дает собственную трактовку недоговоренностям, отдельным сюжетам, которые не становятся предметом нашего всестороннего обсуждения. Иначе говоря, Запад всемерно и умело использует наши собственные просчеты в характеристике развития национальных отношений.

Постараемся показать сущность теоретических построений современных «этнологов» и выявить связи их теорий с практическими акциями против СССР.

Необходимо отметить, что западные специалисты стараются придать разжиганию ими в СССР национальных конфликтов внешне респектабельный, научный характер. Для этого использовался и используется теоретический материал, конструируются специальные националистические теории, разрабатывается категориальный аппарат, определяется сама система оперирования понятиями и лозунгами, используется необходимый набор средств, подбираются соответствующие «национальные» мифы и т. д.

В 1975 году в США вышла книга «Этничность», представляющая собой сборник докладов и выступлений известных американских социологов Д. Горовитца, Т. Парсонса, М. Килсона, О. Паттерсона, Д. Белла, М. Гордона, Р. Пайпса и других на общеамериканской дискуссии по международным этническим проблемам, организованной фондом Форда. Как отмечают редакторы сборника, профессора Гарвардского университета И. Глейзер и Д. Модинхэн, в процессе этой дис-

куссии впервые оформлялась «новая ветвь» американской буржуазной социологии, которая получила название «этничность».

Предметом этой «новой науки» является, по мысли ее создателей, «политический и социологический анализ состояния и развития всего комплекса национальных проблем в мире». Она призвана обеспечить «такой базис социальной организации, который сможет противостоять сложившимся представлениям о классовой структуре общественных отношений и создает условия существования, неизвестные человечеству в прошлом» (6).

Нетрудно заметить, основная цель здесь — продолжить поиск теоретических средств для того, чтобы опровергнуть марксистское учение о классах и марксистский подход к национальным отношениям.

Марксизм исходит из того, что устранение национальной вражды возможно лишь на путях революционного преобразования классово-антагонистического общества. Лозунг интернациональной солидарности «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», слившийся в единое целое с принципом демократии — «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы», — составили основу идеологии и политики пролетарского интернационализма. Собственно говоря, именно социально-классовый фактор, требовавший рассматривать возможность освобождения угнетенных национальностей только в связи с их борьбой с системой социальной несправедливости, вызывал и продолжает вызывать критику антикоммунистов.

Однозначный примат «национального» над социально-классовым так и просматривается в работах авторов «этничности», считающих по-прежнему, что национальный вопрос — явление иррациональное, непознаваемое, и приоритет классового подхода означает не что иное, как стремление марксизма на деле уклониться от участия в решении данной проблемы. О подлинной сущности такого подхода писал еще П. Н. Милюков: «Национализм как средство политики есть орудие нового времени... Способ воздействия на массы... Партийный лозунг: стремление отвлечь от великих социальных и политических задач. Сохранить исторические устои» (7).

«Тот, кто подменяет понятие «класс» понятием «этнич-

ность», — справедливо писал национальный председатель Компартии США Г. Уинстон, — стремится разжечь расовые и этнические конфликты, толкнуть одну расу или этническую группу на выступление против другой расы или этнической группы вместо того, чтобы направить многорасовый, многонациональный рабочий класс и угнетенные меньшинства на борьбу против правящего класса» (8). Применительно к советской действительности речь идет о том, чтобы столкнуть социалистические нации друг с другом, как принадлежащие к «чужеродным» этносам.

Собственно говоря, такой подход отнюдь не нов. Буржуазия и ранее стремилась скрыть прямую зависимость национального вопроса от самой структуры общественных отношений, от антагонистического характера капиталистического общества, тем самым скрыть и экономическую заинтересованность эксплуататорских слоев, порождающую конфликты и столкновения между народами, а также представителями различных рас и наций внутри одной страны. Поэтому, как и ранее, усиленно распространяются нессимистические идеи о неизбежности межнациональных конфликтов и невозможности решить национальный вопрос. При этом активно используются застывшие обычаи, нелепые предрассудки, расистские идеи.

В чем тогда специфика новой «теории» — так называемой «этничности»? Речь идет о стремлении наполнить сам национальный вопрос мистическим содержанием, замкнуть его на сфере «непостижимой этнической природы». Словом, вывести эту проблему из области конкретных действий народа по решению национального вопроса. За рубежом появилась даже специальная «наука» — «этнология», призванная прийти на смену такой же сомнительной «нациологии».

О том, что понимается под этносом, свидетельствуют хотя бы утверждения буржуазного «этнолога» Т. Парсона. Он полагает, что этнос — это прежде всего «сосредоточение групповой принадлежности... многих людей в отличительные группы и... установление солидарности и лояльности отдельных людей по отношению к своей группе». Американский профессор Б. Шейфер, в свою очередь, считает, что межнациональные конфликты, опирающиеся на этничность, являются доминирующим групповым чувством двадцатого века, чувством, присущим всем без исключения людям, в том числе и

коммунистам. Словом, «исторический опыт двигает людей, их институты и ценности в направлении национализма». Что же это за чувства? О них хорошо сказал советский исследователь Э. А. Баграмов. «Буржуазные ученые, — пишет он, — всюду ссылаются на взрыв непостижимых иррациональных национальных чувств, причем и угнетатели, и их жертвы в равной степени рассматриваются как «страдальцы» или же носители дурных «психологических комплексов» (9).

Об этом, в частности, свидетельствует популярная за рубежом идея о «коллективном национальном самосознании» представителей той или иной нации. Он коренится в структуре личности («зловредный дух»), в неизменном состоянии переходит от одного поколения в другое, благодаря чему нация и сохраняет свой специфический вид. Современные «этнологи» говорят о нации как о «совокупной социальной душе», которая к тому же «должна подтверждать идентичность, субъективную групповую связь». Следует отметить, что при таком подходе все социальные проблемы современности, политическая структура общества, вопросы демократии, религии, национально-освободительного движения, научно-технической революции, международных отношений рассматриваются вновь-таки под углом зрения национализма. Такая позиция удобна. Пропуская общественные явления сквозь призму националистических догматов, можно совершенно произвольно заявлять о «несоответствии» любого явления «непознанному духу» национализма, с позиций мистики отрицать очевидное.

Нации, по определению одного из буржуазно-националистических авторов, К. Ганкевича, — «это инструменты духа, который развивается на протяжении столетий и прогрессирует от народа к народу». Народ же, мол, всего лишь форма выражения этого непостижимого «духа».

К чему приводит акцент на этническом, свидетельствует, например, доклад американского профессора К. Коннора на VII Всемирном социологическом конгрессе. Коннор попросту отбрасывает экономические, политические, религиозные, языковые факторы. Первоосновой национальных конфликтов он считает вновь-таки спонтанную роль пресловутого этнического фактора, психологической несовместимости наций, порождающей, по его выражению, синдром «мы и они», кото-

рый будто бы автоматически вызывает неприязнь к другим народам. Словом, основа национальных конфликтов не в фактическом, социальном неравенстве, не в дискриминации, не в причинах социальных, классовых, а в сфере психического, выражающегося в «старых обидах», в «комплексе неполноценности» и т. п. При таком подходе лишенный классовой сущности этноцентризм сопровождается иррациональными представлениями о неполноценности других этнических групп, конфессий, гипертрофией национальных и религиозных чувств, что искажает восприятие действительности. Смысл ажиотажа вокруг этноса раскрыл, в частности, американский журнал «Рашен ревью», который связал его с настойчивыми поисками того, что может оказаться кислотой, которая растворит узлы, соединяющие свыше ста национальностей с 1917 года (в СССР. — Ю. Р.).

Используя национализм в борьбе против интернационализма, буржуазные теоретики спекулируют на том, что национально-этнические различия возникли раньше классовых и сохраняются после исчезновения последних. Учитывается также общественная психология, обыденное сознание масс, сохранившиеся в памяти людей впечатления о тех временах, когда национализм играл относительно прогрессивную роль, сливаясь с патриотизмом народных масс.

В качестве примера приведем высказывание политолога из Мичиганского университета А. Майера, утверждающего, что со времени второй мировой войны этничность племенная, расовая, религиозная, культурная, традиционная, иррациональная и разрушительная набрала силу и влияние на всем земном шаре. Оставим на совести автора «пассажи» об «иррациональной и разрушительной» этничности, впрочем, как и ее религиозных и расовых «вариантах». Майер далее вполне серьезно уверяет, что этничность, вернее, «отражающий» ее сущность национализм, «инспирирует и мобилизует нации мира восстать...». Против кого? Против «универсального, широко распространенного господства глобального капитализма» (10).

Именно эту, вымышленную «разрушительную» сторону этничности пытаются поднять на щит буржуазные идеологи, когда пишут о сущности национальных отношений в СССР, проводя параллели с американским обществом, в котором этнические проблемы действительно обострились в силу со-

циального бесправия этнических групп в условиях капитализма. «Только по мере разработки в наших интересах социальных конфликтов, которые могут возникнуть в лагере противника, мы сможем разбить русских и беспрепятственно воспользоваться в наших целях «поднимающим голову национализмом» — таково довольно циничное откровение бывшего статс-секретаря министерства экономики и финансов США Уильяма Штауба.

Нужно отдать должное специалистам-советологам. Ими довольно внимательно учитывается специфика каждой советской республики, ее история, особенности развития, изыскивается своего рода «катализатор», который бы провоцировал антисоветские, националистические или шовинистические настроения. К числу таких «катализаторов», по мнению «энтологов», и относятся этнические особенности людей.

По мнению Р. Эмерсона, сама нация подобна эдакой спящей красавице, усыпленной неким злым духом. Ей требуется для вознаграждения «надлежащий поцелуй», коим может быть лишь... национализм. Каково же «качество» этого поцелуя? Или иначе — что же нужно для возрождения нации к жизни? «Основной момент нации, — утверждает армянский буржуазный националист А. Шахатуни, — это расовый, биологический момент». Отсюда деление наций на «способные и неспособные от рождения», конструирование лика самой нации как постоянно «ощетинившейся» общности против «чужерасовых» или «чуженациональных» общностей, не воспринимающих их, постоянно находящихся с ними в прямой конфронтации.

Ажиотаж вокруг проблем межнациональных отношений в СССР связан еще с одним существенным моментом. Как показывают проводимые на Западе опросы общественного мнения, за последние 2—3 года негативный образ СССР, создававшийся в сознании западноевропейцев и североамериканцев десятилетиями, сильно пошатнулся. Перемена просматривалась и на страницах западной печати: объективности в освещении всего, что связано с Советским Союзом, стало больше.

Как справедливо пишет Б. Коновалов, «похоже, что сейчас издатели некоторых западных периодических изданий стремятся наверстать упущенное». Реальные проблемы межнациональных отношений в нашей стране в этом случае слу-

жат «отправной точкой для спекуляций, навязывания тенденциозного представления о Советском Союзе как о стране, раздираемой межнациональными противоречиями, для разрешения которых в первую очередь делается ставка на силу» (11).

Тем самым «этничность», как относительно новое направление в советологии, от которой, собственно говоря, «откололась» отрасль — «этнология», по существу, является «национальной» модификацией «теории чужака», получившей право гражданства в империалистической пропаганде, умело приспособленной и для манипуляции вокруг межнациональных отношений в СССР. Напомним ее суть. В ее основе — представление о расовой и национальной вражде как неизбежном спутнике человеческого общества, о народах-париях и народах-господах, призванных самим провидением вершить судьбы планеты, кроить и перекраивать карту земного шара. Перспективы развития общества, утверждают советологи, обычно зависят от принятия доминирующего положения одной этнической группы. Конкретный же объект (другая нация) объявляется «чужаком», то есть угрожающей внешней силой, приносящей якобы неисчислимые беды нации данной страны. «Чужак» подыскивается, естественно, как внутри страны, так и за ее пределами. Английский профессор Л. Доуб в книге «Патриотизм и национализм. Их психологические основы» откровенно говорил о том, что теория «чужака» попросту выгодна для буржуазии, так как «очень удобно, значимо приписывать бедствия... не абстрактным силам, а каким-либо идентифицированным, конкретным, внешним».

Избирая объектом обвинения другую нацию — «чужака», буржуазные идеологи стремятся решить сразу две задачи. Одна из них состоит в том, чтобы доказать населению своей страны, что в кризисах, безработице, нищете, невзгодах виновны не правящие круги данного государства, а внешняя сила — «чужак». Именно из-за него якобы правительство страны вынуждено отвлекать громадные средства на гонку вооружений, вместо того чтобы использовать их на повышение благосостояния народа.

Другая задача — выдать «угрозу» со стороны «чужака» за покушение на «ценности» данного государства, на «идеалы» западной цивилизации (если «чужаком» представляют

социалистические государства). Обывателю внушают, что он лишится всего, если его не защитят от «чужака». Буржуазная шовинистическая пропаганда надеется, что мнимая угроза извне заставит население отстаивать капиталистические порядки. Так воспитывается национализм. Возбудить общественное мнение данной нации против «чужака» (другой нации) — такова конечная цель этой националистической концепции.

Только в войне, утверждают шовинисты, можно спасти, сохранить все национальное, избавиться от всех бед. В противном случае «чужак» поглотит, разрушит все, чем обладает народ (12). Два западногерманских автора А. Гуха и С. Папке в сборнике статей «Враг, который нам нужен» писали, что США, «уже 40 лет возглавляющие гонку вооружений, просто нуждаются в агрессоре, который им угрожает. Конечно, таковым является Советский Союз» (13).

Применительно к «этничности» теория «чужака», так сказать, вплетается в канву теории так называемой этнической стратификации. Согласно ей общество ныне разделено не на классы и даже не на страты, а только на расы и этнические группы, и такое деление более естественно, четко, определено и устойчиво, чем любое другое деление общества. В любом многонациональном государстве каждая этническая общность занимает свое место в некой «иерархической лестнице», а между самими общностями, в том числе в социалистических странах, существовали и будут существовать антагонистические отношения. Как утверждают авторы американской энциклопедии «Марксизм, коммунизм и западное общество», будущее человечества не в сближении народов, не во взаимообогащении их культур, а в обособлении, закреплении и увековечении национальных культур, экстерриториальных автономий, предложенных еще О. Бауэром и К. Реннером.

Разработан и соответствующий понятийный аппарат, в котором вообще отсутствует такая категория, как «нация», а вводится расплывчатое понятие — «национальные меньшинства» или просто «меньшинства». Профессор Техасского университета Джо Фагин проговорился, указывая, что термин «национальное меньшинство», естественно, предусматривает наличие «национального большинства» — доминирующей

группы с большими правами и привилегиями. В СССР к нему относят русскую нацию с обязательной характеристикой — «господствующее большинство». Руководствуясь вышеназванными надуманными критериями, теоретики «этнологии» твердят о «русификации», «русинизации», «имперских замашках Кремля», с одной стороны, об «этническом взрыве» в СССР, обиженных «нацменьшинствах», с другой.

Появился даже термин «этнический национализм» как эдакая «культурная теория и этика политики» (Э. Смит), понятие «этнический сепаратизм» как отражение «этнического возрождения» в мире. Этничность, согласно довольно обтекаемому высказыванию американского профессора Дж. Ротчилда, имеет особо ценное качество, ибо обладает «пластичным, пестрым и первоначально изменчивым свойством, которое... с готовностью политизируется» (14).

При таком подходе национальная рознь содействует, например, возрастанию славы своей нации. Такова точка зрения американского советолога Б. Шейфера, по его мнению, национализм «приятно волнует человека», «порождает у него надежду», «уменьшает страхи». А значит, устранение национальной розни может нарушить психологическую гармонию человека.

Использование самого этноцентрализма происходит двойко. В своих странах, извращая национальное самосознание, отрывая его от классового сознания, буржуазные идеологи проповедуют «национальный» или «классовый мир», пресловутую «национальную солидарность», стремятся все национальное представить в качестве надклассовой ценности, мешая трудящимся осознать свои национальные интересы с классовых позиций. Во внешней же политике разжигание национальной и расовой вражды используется империализмом для борьбы против мирового социализма и национально-освободительных движений, для подмены пролетарских классовых критериев в решении проблем общественного развития. Национализм, в конечном счете, служит интересам империализма.

О национализме как об «объединяющем чувстве» говорит уже упомянутый Б. Шейфер. Суть его — предпочтение своих соотечественников и неприязнь к «чужакам», стремление стать господствующей нацией, совершая с этой целью агрессию.

сивные действия. Именно так сконструировал понятие нации основатель политического сионизма Т. Герцль. По его мнению, она сохраняется «как единое целое благодаря наличию врага». Д. Белл, автор специального исследования «Этничность и социальные изменения», как бы подвел итог размышлениям своих предшественников. «Национализм, — пишет автор, — ...связывает между собой элиту и «дно» и предоставляет всем гордость почувствовать себя равными с высшими классами страны, иметь общую культуру и историю». Национализм включает в себя «общую лояльность и концентрирует эмоциональную агрессивность против соседей».

В основе этнологических положений советологов находятся ложные методологические послышки об извечности национальных противоречий, о невозможности решить национальный вопрос как при капитализме, так и при социализме. «Ясно, — пишет по этому поводу М. Олкотт, — что национальный вопрос в СССР не был решен и вряд ли будет решен... в ближайшем будущем». Словом, национализм по-прежнему «представляет жизненную и священную силу, используя историю и природу для демонстрации величия нации».

Сегодня на Западе специально создаются «модели» националистических проявлений в СССР: «азиатская», «восточная», «еврейская», «прибалтийская» и др. В последнее время большое внимание уделяется «русскому национализму». Показателен в данном плане повышенный интерес буржуазных советологов к вышедшей в 1983 году в Принстоне книге Дж. Б. Данлона «Лики современного русского национализма». В многочисленных рецензиях книга характеризуется как дающая «тщательный анализ» различных вариантов и типологических оттенков «русского национализма». О политической же подоплеке этих рассуждений свидетельствует делаемый рецензентами вывод о том, что «русский национализм — жизнеспособная и совершенно возможная будущая альтернатива расширяющейся марксистской идеологии». Символично и «напутствие» автору: мог быть более полезен «детализированный контур националистического состояния» различных нерусских национальностей (15).

Словом, если «чужаком» для русской нации являются,

дескать, все «нацменьшинства» (термин, бывший в ходу в условиях царской России и первые годы Советской власти), то таким же «чужаком» для последних являются русские. Более того, для определенного «нацменьшинства» все остальные «нацменьшинства» также являются «чужаками». Этнос как таковой беспощаден, постоянно конфронтирует с другим этносом, и без конфликта он вообще существовать не может.

Теоретические построения «этнологов» служат основанием для провоцирования конфликтов в нашей стране. Например, для оправдания экстремистских элементов, совершивших грубые нарушения общественного порядка в аэропорту города Еревана (июль 1988 г.). «Голос Америки» 24 июля 1988 года сообщил о «марше-протесте» в Нью-Йорке двухсот армянских националистов против наведения порядка в аэропорту. Затем с нескрываемым раздражением радиостанция сообщила о решении рабочих Еревана отработать субботние и воскресные дни, чтобы наверстать упущенное, о прекращении митингов и демонстраций. Ведь сколько надежд возлагалось на этот этнос! И то, что происходит в Нагорном Карабахе и вокруг него, помимо прочего, свидетельствует, что для определенных групп «этнологическая» идея была основной — не нужно исправление социально-экономических, культурных перекосов, главное, «отделиться» от другого, по существу, «враждебного нам» этноса (мы, армяне, люди одной крови, одного этноса, а все другое нам, выходит, попросту чуждо — интернационализм, подлинно национальное, дружба народов).

Небезызвестный П. Айрикян, создав из единомышленников так называемое «Объединение национального самоопределения», изготовил и пытался распространять листовки, в которых выдвигались такие «гуманные» призывы: «...смерть врагам армянского народа. Смерть русским».

По Айрикяну получается, что ситуация, возникшая в Нагорном Карабахе, специально подстроена Москвой для того, чтобы отвлечь армян от идей национальной независимости (т. е. отделения от СССР), что трагедия в Сумгаите задумана и организована опять из Москвы, что дело рук Москвы — «постоянное разжигание армяно-азербайджанского противоборства». Таковы строки из «самиздатовского» еженедельника «Независимость». Понятия «Родина», «Отечество»

для людей, подобных Айрияну, попросту не существует.

Наведение порядка, привлечение к ответственности заравшихся экстремистов вызывают бурную реакцию Запада — это ведь цвет армянского этноса, их устами глаголет истина, а действия укрепляют этническое самосознание, «очищают кровь». Привлечение же к уголовной ответственности трактуется как чуть ли не геноцид по отношению к армянам.

Экстремисты начали отыскивать «этноотступников», которые своими действиями попросту мешают им дестабилизировать обстановку в Нагорном Карабахе и вокруг него. В мае 1988 года «Правда» напечатала беседу с учителем из Нагорного Карабаха Э. Мнацаканяном. Публикация эта вызвала широкий отклик: одни соглашались с ним, другие восхищались его мужеством, третьи ругали его, называли отщепенцем, предателем. А чуть позже группа людей выдвинула такой ультиматум: «Мнацаканян отказался от своих слов; он скрывается, но записал на видеопленку опровержение и требует его показа по телевидению, иначе он покончит жизнь самоубийством». И вот в июле 1988 года Мнацаканян вновь выступил в «Правде» со статьей «Нас много, держава одна». В ней он пишет, что его имя стало предметом спекуляций со стороны тех, кто хотел бы и дальше сеять рознь между армянским и азербайджанским народами. Его обвинили в том, что он имеет родственные связи с азербайджанцами (какой ужас — с «чужим этносом»), «подло бросил тень на армянский народ», что за выступление в «Правде» ему «заплачена взятка в 50 тысяч рублей».

«Я армянин, — пишет автор. — В роду моем — сообщаю это для тех, кто требует «полного обозначения моей генеалогии», — все до первого колена армяне. Но в том-то и дело, что моя национальная гордость и гордость за принадлежность к великой многонациональной державе — неразрывны. Нас много — более ста языков сплелось в общий, советский язык, не утратив своей колоритности и кровной связи с историей каждого народа. Да, нас много, но держава — одна!» (16).

Помимо П. Айрияна, нашлись, к сожалению, и еще сторонники «этнологии». Под аплодисменты комитетчиков из «Карабаха» на одном из митингов в Ереване выступил такой

«этнолюбитель», как Хачик Сафарян, кстати, судимый ранее за антисоветскую деятельность. Говоря о забастовке, ультиматумах, силовом давлении, Сафарян заявил буквально следующее: «Это борьба общая, и все должны в ней участвовать, как рядовые солдаты, а хорошими солдатами являются те, которые умеют хорошо служить, подчиняться только комитету «Карабах».

Провокаторы, используя множительную технику, распространяли листовку, состряпанную дашнаками еще в двадцатых годах. Больно читать в ней расистские призывы: «...пусть в нашей крови утонет русско-еврейско-туркско-тагарский блок...»

Вот такова трансформация «теории чужака», переложенная на «нашу» почву, посягающая на святая святых — прогрессивные традиции армянской нации, традиции дружбы народов СССР. И не случайно на одном из митингов, организованном все тем же «Карабахом», прозвучали циничные расистские оскорбления в адрес корреспондента «Известий» А. Казиханова. Позиция комитета «Карабах» носит совершенно четкую русофобскую направленность. Вот какие, мягко говоря, «выражения» использовал на митинге 16 июля 1988 года В. Сирадегян — «великорусская тупость», вкупе с «номенклатурным бандитизмом», который господствует над страной уже 70 лет, довели Армению вообще до «трагедии», да и не только республику, но всю страну, что является «трагедией для всего народа».

Справедливо указывают «Известия»: комитетчики и поддерживающие их провокаторы, «формально все они люди интеллигентные, образованные. В действительности это национальные мещане, интеллектуалы без убеждений, политические авантюристы, надеющиеся сделать карьеру на провокациях и шантажах» (17).

Концепция «этничности», отражая собой поиски дополнительных источников «дурных» противоречий во взаимоотношениях между нациями, вместе с тем рассчитана на теоретическое обоснование националистических трактовок всех сторон и аспектов национальных отношений как в мире, так и непосредственно в СССР, на обоснование ставки на национализм как интеллектуальный потенциал советологии, средство идеологических программ империализма.

Развал СССР — главная цель

На протяжении нескольких десятилетий западные советологические и разведывательные центры целенаправленно готовили обострение межнациональных отношений в СССР. Еще в директиве Совета национальной безопасности США 20.I, составленной на основе аналитической разработки «Цели США в отношении России» (август 1948 г.), было дано обоснование путей свержения советского строя и создание марионеточного режима, который не должен был ущемлять «серьезную власть над главными национальными меньшинствами». Эту власть над народами нашей страны, справедливо полагает советский ученый С. В. Кулешов, империализм надеялся получить сам (1).

Как свидетельствует американский юрист, бывший сотрудник министерства юстиции США Д. Лофтус (книга «Тайна Белоруссии»), в середине 50-х годов Совет национальной безопасности США поручил ЦРУ и лично Ф. Визнеру проведение сверхсекретной операции по инспирированию «волнений» и «бунтов» в Советском Союзе и странах Восточной Европы.

Журнал «Шпигель» в мае 1969 года опубликовал провокационную анонимную статью о том, что в отдельных районах Советского Союза к 1980 году возможны экстремистские выступления. «На наш взгляд, самым угрожающим является положение на Украине и балтийских республиках». Задача «западнорусских» эмигрантов заключалась, в частности, в том, чтобы «способствовать ускорению внутренних процессов в Советском Союзе», которые представляют «объективный интерес» для реакционной эмиграции.

Продолжая тему «прогнозов», обратим внимание еще на одну публикацию. В 1978 году в Париже опубликована книга Э. Каррер д'Анкос «Бунт народов СССР. Распадающаяся империя», где вновь предсказываются предстоящие «национальные бунты». Один из последних рецензентов книги, хотя и назвал концепцию автора «убедительной», все же не мог не сказать о названии работы «как несколько преувеличенном». Нет доказательств, заметил он, что СССР грозит восстание ее народов (2). Понятным становятся поэтому попытки та-

кого «признанного специалиста» по СССР, как Каррер д'Анкос, которая уже много лет «серьезно» изучает национальные отношения в СССР, усилить эффект своих неубедительных прогнозов путем спекулятивного заголовка книги и помещения откровенно провокационной символики (изображение расколотого на куски массива, олицетворяющего целостность СССР, который не могут сementировать тоже расколотые серп и молот).

В целом же западные специалисты по СССР пытаются обосновать правомерность постоянных стычек между трудящимися на национальной почве, «хаос и грызня», что характерно для любой колониальной державы, и коль скоро это «доказано», то СССР, как «исторический анахронизм должен сойти с исторической арены». Вот так, ни больше ни меньше!

Подход буржуазной «этнологии» в принципе остался прежним — обосновать «неприемлемость» путей решения национального вопроса в СССР для других государств, доказать, во всяком случае, «локальное», ограниченное рамками нашей страны значение советского опыта. Исходят при этом из того, что национальный вопрос вообще нельзя решить, он — «вечный тормоз человека», «зловредное начало», которое не поддается рациональному управлению. И поэтому и «мы» и «они», дескать, бессильны изменить «этническую» картину мира. Такая позиция, во-первых, дает основание изображать, в частности, нации и народности СССР как противостоящие друг другу, стремящиеся-де не к интернациональному единству, а к разъединению, к защите национальных и религиозных символов, унаследованных от предков, словом — к «дезинтеграции».

Американский политолог В. Русин, например, уверяет, что именно сейчас «интернационализм коммунистической теории дал повод для национализма на практике. Нет больше того, что называется интернационалистическим коммунизмом». «Аргументы», по существу, прежние — существующие якобы в нашей стране «патологический национализм русских», «антисемитизм и антиукраиизм» приводят, дескать, к «контрсоветскому движению, принимающему сильные националистические и даже расистские формы».

Советология, западная пропаганда создали свою, так ска-

вать, «идеальную», нормативную модель межнациональных отношений вообще и в частности в Советском Союзе.

Основная идея — растаскивание СССР по национальным квартирам, разделение нашей страны на части. Я. Накагава (Япония) предлагает, например, детальный план «расчленения и роспуска» СССР, включая отторжение Приморья и Сахалина. Одну главу автор так и назвал: «Только расчлененный Советский Союз станет идеальным государством» (3). Накагаву поддержал не так давно журнал «Визвольный шлях» (Мюнхен), который предложил «держать крепко в руках японскую карту и сосредоточить наше внимание на эту страну всеми средствами и способами». Надежды появились и на японские реваншистские круги, которым предлагается отторгнуть от Советского Союза Дальний Восток. Словом, как пишет журнал, необходимо оказать японским ультра «полную поддержку в их стремлении отторгнуть советские дальневосточные земли».

Рефрен многих выступлений буржуазно-националистической пропаганды — «освобождение Литвы». На словах провозглашая лозунг «независимости», реакционные эмигранты на деле согласны с полукOLONиальным положением Литвы на задворках конгломерата империалистических государств, называемого ими «Объединенной Европой». И вот, чтобы представить в лучшем виде перспективу пребывания в «Объединенной Европе», литовские зарубежные националистические центры чернят достижения трудящихся Литовской ССР в области экономики и культуры. Некая безымянная «туристка» опубликовала в журнале «Айдай» («Эхо») путевые заметки. Путешествуя по Литве, она нигде не видела новых колхозных поселков, урожайных полей, а лишь клочки... чахлой травы. «Где спрятались эти колхозные поля? — патетически вопрошает мнимая путешественница. — Нигде по дороге не видела, хотя ехали мы два часа, проехали двести километров и обратно по дороге столько же... Не хотелось верить своим глазам: неужели так изменилась наша Литва?»

Все дело в том, утверждает литовский клерикально-националистический деятель Ю. Эретас, что коммунизм является «врагом № 1» литовцев, а Литва — «поле коммунистических козней». Ревностно служа мировой реакции, верхушка реакционной литовской эмиграции меньше всего озабочена безрадостной судьбой своих земляков на чужбине. «У нас

другая миссия, — пишет журнал «Атейтис» («Будущее»), — видеть католическое свободное литовское государство» (4).

О том, как выступают от имени «всего народа», свидетельствуют откровения современного литовского буржуазного националиста Ф. Юцевичюса: «Ах, как нам не хватает стремления к братству!» — патетически восклицает этот автор. «В этом желании быть братьями, — полагает Юцевичюс, — в самоопределении жить вместе, а нередко в воле вождей или королей объединить многих людей для совместной жизни заключается начало каждой нации». Лубочная картинка как бы срисована с соответствующих аналогов украинского буржуазного национализма, который создал «свою» модель «гармонии» между «покорным мужиком» и доморожденным «отечественным» паном, любящим украинскую наливку, вареники, галушки и сало, водевиль «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці».

В передачах на Казахстан настойчиво используется версия о том, что республика добилась бы большего, если бы не входила в состав СССР, где якобы «потеряла свою политическую независимость». На все лады популяризируется идея «Большого Туркестана» — «самостоятельного туркестанского государства», превращения Казахстана в «религиозное мусульманское государство».

Турецкий антисоветчик М. Демири пишет: «Нигерия и Гана в середине XIX века попали в зависимость к Англии. В это же время русские оккупировали независимые области Средней Азии... Почти через сто лет английскому величеству пришел конец, а в 1957 году Гана, а в 1960 году Нигерия приобрели независимость...» И далее: «Когда же предоставит такую историческую возможность Средней Азии или Туркестану Советская Россия?» (5).

Есть, как оказывается, альтернатива и для Советской Украины. Издающаяся в Мюнхене газета «Христианский голос» недавно поведала о том, что было бы желательно, чтобы украинский народ «хотя бы приблизительно смог бы пойти путем поляков», то есть польской контрреволюции. А если это произойдет и восторжествует тогда Украина как «единая великая монархия духа», на троне которой предложено «посадить Христа-царя». И далее — «либо христократия, либо сатанократия. Средины здесь нет». Что это означает? Не что другое, как реализацию замыслов украинского буржуазного

национализма — «рабочих — опору режима — необходимо загнать вниз в галеры и крепко их там держать». Таков подлинный смысл заявлений буржуазно-националистического клана: «Мы, украинцы (буржуазные националисты. — *Ю. Р.*), принадлежим к Европе и готовы со всеми (реакционными силами. — *Ю. Р.*) бороться за права человека, свободу для порабощенных наций и сражаться за свободную христианскую Европу».

По мнению Д. Андриевского, само существование СССР «лишь затрудняет установление нового порядка в различных областях международных отношений». Он предлагает исходить из «позиций существующего состояния дел на Украине» с задачей во что бы то ни стало «увлечь ее идеями свободного мира». Словом, Россия представляет собой какой-то отдельный мир, эдакую Евразию, отличную в корне как от Европы, так и от Азии. Она может распространять свое влияние лишь на «просторы вокруг Урала» и, во всяком случае, «отказаться от просторов между Балтикой и Черным морем в пользу Объединенной Европы». Так «воцарится мир между Европой и Евразией» (тут кавычки не ирония, а прямое цитирование. — *Ю. Р.*). Мир будет еще прочнее, если от СССР взять да отторгнуть республики Средней Азии, Дальний Восток, впрочем, как и республики Закавказья. Что же касается мифической «самостийной Украины», то ее «положение на грани комплексов европейского и евроазиатского» приведет к тому, что она превратится в «посредника, связующее звено между двумя мирами». Именно такая «развязка», дескать, «обеспечит равновесие сил, возрастание могущества Европы».

Как видим, национализм выступает как одно из средств срыва процесса революционного обновления в советском обществе, как альтернатива новому политическому мышлению, марксизму-ленинизму, пролетарскому, социалистическому интернационализму. Обращает на себя внимание то, что подобного рода взрывоопасные трактовки на Западе клишируются, то есть подаются в унифицированном, стандартном, раз и навсегда заданном образе антикоммунистического мышления.

Вновь на щит поднимается концепция пресловутой «дезинтеграции СССР», правда, в несколько ином, чем ранее, виде. Перед человечеством, утверждает американская журналистка Б. Бейли, стоят два пути: мирное сосуществование

или ядерная катастрофа. Оба они чреваты, по ее словам, «самыми страшными» последствиями: первый каким-то «коммунистическим порабощением свободного Запада», второй — «всеобщим уничтожением». Но есть, мол, спасительная «третья альтернатива» — «развал Советского Союза», более того — «взрыв всей коммунистической системы» изнутри с помощью национализма. Словом, выдвигается «третья альтернатива» — спасение от ядерной войны, исходящей якобы от Советского Союза, в виде «дезинтеграции СССР». «Развал Советского Союза», — утверждал отставной американский генерал Дж. Синглауб, выступая на одном из сборищ «Всемирной антикоммунистической лиги» (ВАКЛ), — является единственной реальной альтернативой термоядерной войне». В свою очередь, буржуазно-националистические авторы наделяют США «великой исторической миссией», сущность которой — добиться «развала СССР». Расчленение Чехословакии и Югославии является, по их мнению, также «существенной альтернативой ядерной войне», именно оно «принесет мир и стабильность Европе». «Расчленение» Югославии на ряд мелких «независимых» государств, писала буржуазно-националистическая газета «Свобода» в мае 1983 года, имело бы «полезное влияние на судьбу Украины», ибо создало бы для нее «прецедент».

Один из наиболее крупных специалистов по СССР, профессор Р. Пайпс, полагает, что ни перевооружение, ни примирение с СССР не могут полностью предотвратить опасность развязывания войны, пока в Советском Союзе существует нынешняя политическая система. Запад, считает Пайпс, должен нанести Москве удар «и через средства массовой коммуникации (радио, а в будущем, может быть, телевидение) посеять среди граждан социалистических стран сомнения в отношении всемогущества их режимов» (6).

Подобного рода «концепции» свидетельствуют, что речь идет не о противоборстве идей, а о попытках империализма навязать свои стандарты жизни и культуры, всеми способами очернить социализм, навязать свою «модель» решения национальной проблемы.

В последнее время на вооружение взята доктрина «тоталитаризма», призванная, с одной стороны, преодолеть своеобразное «алиби» шовинистической политике империалистической буржуазии, с другой — перенести пороки империа-

лизма на социализм. Для США при таком подходе присуща «демократия», для СССР — «антидемократизм», более того, «гегемонизм», «экспансионизм». Там — «добро», предназначенное для его популяризации во всем мире, здесь — «зло», требующее всеобщего осуждения. Смысл современной модификации доктрины «тоталитаризма» в «обосновании» неизбежного саморазрушения социализма в результате якобы присущих ему неискоренимых конфликтов как тоталитарного общества, в пропаганде концепции о «воинствующей демократии» (7). Словом, все делается для того, чтобы порас-суждать на тему мнимого «ущемления прав человека», «национальных интересов стран и народов» Советским Союзом, с одной стороны; о глобальности «жизненных интересов» американского империализма, «демократическом праве» США вмешиваться во внутренние дела других стран, под надуманным предлогом привести развитие национальных государств до «высокого уровня отношений сотрудничества» — с другой. По мнению советологов, победа социализма в странах, имеющих, дескать, «свою демократическую традицию», превратила бы часть современной Европы в составную часть «отсталого Востока», и только «всемирность» и «европеизм» могут служить критерием «подлинной демократии» (8).

Сразу предлагается великое множество вариантов «всемирности». Здесь и проекты гибрида мирового «англо-французского языка»; «нового варианта английского языка», так называемого «бейсик инглиш», для овладения которым требуется якобы только один день. Выдвигается идея создания какого-то единого европейского языка, который обслуживал бы европейскую «супернациональность». Цели все те же — ускорить процесс становления «всемирной идеологической однородности», с одной стороны, покончить с «этноцентрическим национализмом» — с другой. Говоря проще — это стремление покончить с национальной государственностью и прежде всего — социалистических стран.

«Национальности и возможности управлять Советским Союзом» — такова тема доклада сотрудника федерального института восточноевропейских и международных исследований (Кёльн) Г. Симона в «Немецком товариществе знаний о Восточной Европе» (Шлангенбург, ФРГ). «Советский Союз, — утверждает этот докладчик, — является последней колониальной империей». А далее Симон говорит следующее:

«Приведенное выше положение можно использовать для того, чтобы пророчить конец этой империи и непосредственно или опосредованно призывать народы Советского Союза приступить к процессу деколонизации». Автор доклада не исключает и такого варианта: «Эйфория национализма и национальной государственности XX столетия уже за нами. Теперь нельзя уже понять суверенное государство как цель исторического развития. Будущее должно быть направлено к таким государственным формациям, у которых были бы существенны другие границы, нежели границы наций и национальных языков» (9).

Речь идет о так называемом «современном национализме», в основе которого лежит идея объединения народов Западной Европы в одну «нацию», разумеется, на антикоммунистической основе под «новым» лозунгом: «Национальная солидарность вместо классовой борьбы». Сходные идеи выдвигают и сторонники концепции «нового американизма», считающие врагами «американского патриотизма», «антинационалистами» не только коммунистов, но и всех демократов, борцов за гражданские права, участников антирасистских и антивоенных движений.

В подневных целях для обработки трудящихся социалистических стран используется также тезис о «европейском единстве». «Транснациональные отношения, — считает американский политолог Д. Стэк, — устанавливают то место, с которого начинается оценка действующих лиц и сил, увеличивающих, модифицирующих, возможно, даже трансформирующих межгосударственную политику в постиндустриальную эпоху». Если расшифровать вышеназванные профессорские сентенции, то перед нами все тот же шовинизм, все тот же космополитизм в несколько рафинированной упаковке. Пресловутая идея «Соединенных Штатов Европы», по существу, направлена против пролетарского интернационализма, социалистического содружества. Она выражает интересы современных многонациональных корпораций, с помощью которых империалисты пытаются создать новый мировой порядок.

Одновременно на вооружение взята концепция «коллективного национализма», основанная на религиозных тезисах о «единении всех христианских народов Европы до Урала», о «мусульманском обществе» в СССР, об объединении като-

ликов. Замысел столь же прост, как и хитер: объединить людей одного вероисповедания и побудить включиться в процесс дестабилизации социализма путем использования религиозности, придания ей антисоветской, националистической направленности. Клерикально-космополитические модели «мирового общества», «всемирного правительства», «объединенной от Атлантики до Урала Европы», безусловно, исключают социализм, верно служат нейтрализации борьбы трудящихся за социальные права и социальную справедливость.

Показательна с этой точки зрения логика рассуждений буржуазно-националистического автора М. Кушнира. Во время второй мировой войны, констатирует он, идея национализма была скомпрометирована фашизмом. Но виной фашизма была не его человеконенавистническая идеология и практика, а только то, что фашизм оказался «недостаточно христианским». Вот почему после войны «почти во всех странах Европы национализмы исчезли (упали)», — с грустью резюмирует автор. Исчезли, ибо были не христианскими или недостаточно христианскими.

А дальше такой пассаж. Оказывается, «есть лишь одна страна, в которой то, что необходимо называть национализмом, не пропало, а, наоборот, стало доминирующей силой. Этой страной является Украина».

Разумеется, такая страна существует лишь в представлении Кушнира. Действительная реальная Советская Украина не имеет ничего общего с той фашистской «Украиной», в которой «доминирующей силой» является национализм. Это, в конечном счете, напоминает и сам Кушнир, предлагая возвратиться к средневековью, которое мыслится тем желаемым «золотым веком», к которому он стремится вывести все человечество. Итак, «будущность Европы, — по мнению автора, — требует возвращения давней, старинной родины христианской». И далее — «только национализм христианского типа — национальная идея, опирающаяся на основы христианского мировоззрения и на создание общеевропейского единства, — может привести к осуществлению этого идеала».

А поскольку этим требованиям как раз и отвечает украинский национализм, то именно он «может дать народам свободного мира, во всяком случае, антиимпериалистическим

лагерям в мире христианскую универсальную концепцию, которой свободный мир до сих пор не имеет и которая именно теперь, как противовес советской универсальной концепции «социалистического гуманизма», как раз необходима».

Словом, необходимо, причем срочно, освободить «недоразвитый», по их словам, украинский народ от социализма, подлинной демократии, от общения с братскими народами страны, причем «спасать» прежде всего силами «военной катастрофы».

Одно из основных направлений советологии — разжигание антирусских и даже русофобских настроений. Русская нация попросту изображается великодержавной, а политика КПСС — русификаторской, аналогичной политике русских царей. В книге Ф. Таджмена (США) «Национализм в современной Европе», например, рассматриваются два «уравнения»: 1) православие + великоруссизм = Русская империя, 2) марксизм-ленинизм + великоруссизм = Советский Союз (10). Шовинизм, стремление к господству, по мнению советологов, неустранимы для всех крупных народов. А поэтому содержание национальной жизни в СССР — это «конфликт между русско-советским национализмом и панаціонализмом более иного порядка». Таковы главные положения работ А. Беннигстена, М. Рывкина, В. Штрауса и других советологов (11). В статье «Большевики и национальный вопрос», опубликованной в 1980 году в сборнике «Социализм и национализм», политолог Э. Каррер д'Анкос отразила общую посылку советологии — в СССР происходит некий процесс «слияния отдельных наций и создания на их руинах единой нации — советской или русской, которая ассимилирует все остальные».

«Русский национализм» — под таким названием была опубликована в 1981 году книга А. Улама, занимающего резко антисоветские позиции. В ней делается попытка определить даже время публичного, все более очевидного переплетения «интернационального марксизма с русским национализмом». Таковым временем объявляются 30-е годы, когда национальная политика якобы сошла на нет и окончательно укрепила свое доминирующее положение русская нация, продолжающая, мол, закрепляться и в наше время.

В конечном итоге, распространение мнений о гегемонизме русского народа имеет целью натравить другие народы

нашей страны на русских, разжечь русофобские настроения. Успешное исполнение этой цели, по мнению советологических центров, приведет к ослаблению дружеских связей советских народов и обеспечит более легкое расчленение СССР на отдельные части.

Обстановку в республиках Прибалтики внимательно изучают балтийские эмигрантские центры. Их материалы и документы широко используются в передачах радиостанций «Свобода», «Свободная Европа», «Немецкая волна», Би-би-си, «Голос Америки». Разработанные в этих центрах методики определения нарастания демографических и экологических проблем, в частности, «чернобыльского синдрома», весьма широко используются во всех передачах на языках народов Прибалтики.

В августе 1988 года в Бонне состоялся съезд руководителей всех эмигрантских прибалтийских организаций. На нем было принято два характерных решения. Во-первых, требовать от правительства и бундестага ФРГ официального аннулирования советско-германских договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 года. Следовательно, аннулирование этих договоров к августу 1989 года, когда будет отмечаться пятидесятилетие со времени их подписания, подведет «правовую» основу под требование о выходе республик Прибалтики из Советского Союза. Во-вторых, добиваться от правящих кругов США, стран Западной Европы поддержки требования о принятии Литвы, Латвии и Эстонии в ООН. Решение этой боннской конференции прибалтийских эмигрантов широко пропагандируется радиоголосами и многими органами печати западных стран.

Мы привели ряд наблюдений и прогнозов западных советологов. По существу, их подлинная суть — теоретическая подготовка обострения межнациональных отношений в нашей стране. Западная советологическая мысль, тесно связанная со спецслужбами, зарубежными радиоголосами и другими подрывными организациями, приняла активное участие в осуществлении конкретных диверсий против СССР, что, в свою очередь, свидетельствует о целенаправленной и методичной подготовке Западом национальных коллизий экстремистских эксцессов в Советском Союзе.

«Конечно, переоценивать влияние буржуазной пропаганды нет оснований, — отмечал на XXVII съезде КПСС М. С. Гор-

бачев. — Советские люди достаточно хорошо знают истинную цену разного рода пророкам и пророчествам, хорошо разбираются в подлинных целях подрывных действий правящих монополистических сил. Но забывать о том, что «психологическая война» — это борьба за умы людей, их миропонимание, их жизненные, социальные и духовные ориентиры, не имеем права» (12).

И в наши дни злободневным является требование В. И. Ленина: «...Смотреть на вещи прямо и трезво, вскрывать настоящие побудительные причины «высоких государственных деяний» и неуклонно разоблачать те лживые напыщенные фразы... которые ловкими полицейскими чинами выдвигаются по расчету, а учеными-либералами — по близорукости» (13).

Пройдет время, и все станет на свои места. Будут названы организаторы и провокаторы, те, кто довел обстановку в Нагорном Карабахе и вокруг него, в Прибалтике и Казахстане до крайней, критической ситуации. Но уже сегодня, задав себе ленинский вопрос «кому выгодно?», можно сказать — в том числе и наиболее реакционными кругами Запада, которые, по существу, поддерживают антиперестроечные кланы, силы застойной бюрократии, дельцов теневой экономики, сомкнувшихся с уголовными элементами в едином фронте против гибельного для них обновления советского общества.

Подрывная деятельность

Обращает на себя внимание то, что в последнее время постоянно предпринимаются настойчивые попытки перенести центр тяжести подрывной работы непосредственно на территорию нашей страны, выйти непосредственно на многонациональное ее население. Как заявил помощник начальника штаба Пентагона по разведке генерал-майор У. Одом, «национальные меньшинства в СССР — еще одна отрасль громаднейшего значения для новых исследовательских программ».

При этом исходят из того, что:

— Украина, Белоруссия, Молдавия, Прибалтийские и ряд

других советских республик максимально приближены к источникам враждебной пропаганды. Если в первые годы после войны на Украинскую ССР были нацелены передачи двух буржуазных радиостанций, то сейчас только на украинском языке 28 часов в сутки ведут передачи радиостанции «Свобода», «Голос Америки», «Радио Канады», «Радио Ватикана» и др. (всего 22 радиостанции, в том числе 14 — религиозно-клерикальных);

— советские республики в последние годы стали местом интенсивного развития международного туризма, каналы которого используются для осуществления диверсионной работы, провоза антисоветской литературы;

— активно используются во враждебных целях почтовые и иные связи лиц украинской, белорусской, латышской, армянской и т. д. национальностей с родственниками за рубежом. Через эти каналы проникает на территорию СССР антисоветская печатная продукция. К этому прибавим доверительный характер родственных связей, знание зарубежной реакционной эмиграцией языка, обычаев тех или иныхаций страны.

Наверное, пальма первенства в антисоветской пропаганде принадлежит западным «радиоголосам». Особенно беспардонно ведут себя пропагандисты из радиослужб, вещающих на Прибалтийские республики. Идет откровенный поток лжи о положении прибалтийских народов, открытые призывы к сопротивлению властям, к организации демонстраций. Например, на Западе стало известно, что некая латвийская «правозащитная» группа «Хельсинки-86» планировала провести 14 июня 1987 года «демонстрацию протеста против русификации их республики». Функции же организаторов этих подрывных акций взяла на себя правительственная радиостанция США «Голос Америки». В эту затею включились и другие радиоголоса, настойчиво призывавшие жителей трех братских республик собраться в центре Риги и выразить свой «решительный протест» на площади у памятников Свободы и на Бастиионной Горке в соседнем парке.

Характерно, что за 16 дней до демонстрации «Голос Америки» сообщил на латышском языке о предстоящем «событии» как о важнейшей новости. За две недели с «обращением» к латышскому народу выступило целых два десятка сенаторов США, которые всему миру объявляли, что они оза-

бочены, докажет ли Советская власть свою демократичность, не помешают ли будущим демонстрантам выразить свои «стремления к свободе». И хотя операция «Черная лента» провалилась, как и спекуляция на антисоветских интерпретациях известных исторических событий, а задуманная далеко от Латвии акция не получила поддержки рижан (в «демонстрации» участвовали лишь заранее намеченные исполнители), тот же «Голос Америки» пытался выдать «событие в Риге» как чуть ли не 5-тысячную «демонстрацию протеста», вызвавшую «массовые» аресты «борцов за свободу».

В конце мая 1988 года радиостанция «Свободная Европа» буквально подняла на щит якобы существующую в Советской Литве «Литовскую лигу свободы». Ссылаясь при этом на так называемый Литовский информационный центр в Нью-Йорке, РСЕ сообщила о предстоящих в Литовской ССР «массовых националистических демонстрациях и других выступлениях» под руководством вышеуказанной «Лиги». Однако на проверку оказалось (и РСЕ это было доподлинно известно), что сама «Лига» состоит из... одного «борца за свободу» — Статкявичуса Альгирдаса, в прошлом агента гестапо, осужденного в 1951 году как военного преступника. Очередная фальшивка РСЕ не сработала.

В последнее время могло показаться, что информация по СССР в периодических изданиях Запада становится более трезвой и взвешенной. И вот снова возврат к стереотипам... «Трещина на советском фасаде» — так провокационно броско оценивает события в Нагорном Карабахе и вокруг него американский журнал «Ньюсуик». «Советский Союз: этнические волнения нарастают» — нагнетает страсти журнал «Таймс».

В связи с событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него наши недоброжелатели, зарубежные радиоголоса попытались выступить в роли защитника прав «порабощенных народов». Но при этом «защищали» права только одного народа — армянского, «забывая» о другом — азербайджанском и, таким образом, разжигая национальную рознь между ними. Вот почему в ходу «изыскания» советологов об историческом прошлом армянского народа, вытаскивание на свет канувших в Лету конфликтов между армянским и азербайджанским народами, вплоть до междоусобиц, погромов и т. п. А отсюда — «логический» мостик к событиям современности:

ничего хорошего во взаимоотношениях этих народов не было, нет и не может быть. Поэтому необходимо манифестировать, бастовать, не выходить из домов, пока власти не передадут Нагорный Карабах в состав Армянской ССР.

В то же время радиостанция Би-би-си, явно поощряя националистические, экстремистские настроения, передавала интервью с неназванным азербайджанцем, якобы заявившим: «Если Карабах будет передан Армении, то это будет означать войну. И нас поддержат турки и наши братья в Иране». Такова, значит, перспектива для азербайджанского народа, который подстрекают к новым, по существу, враждебным акциям, призывают не уступать, проявить твердость, а в случае чего — и «повоевать». Нарисовав ужасную картину, радиоголоса «ненавязчиво» стараются убедить, что причина всех наших сегодняшних проблем — «конфликт» между нациями, республиками. Причем сам спор о принадлежности Нагорного Карабаха Азербайджану или Армении западными пропагандистами представляется как нечто уникальное, не имеющее аналога в истории, свидетельствующее о «взрывоопасности» всего национального (1).

Западные радиоголоса, респектабельные, да и пересpekтабельные советологи пытаются подтолкнуть трудящихся нашей страны к вольному перекраиванию карты страны, созданию неких замкнутых национальных общин. Отдадим должное: на Западе уже давно «догадались», что это наиболее уязвимый и тягчайший путь для любого государства, и нашего в том числе. Правильно указывается в газете «Аргументы и факты»: «С путей перестройки, решения сложнейших социально-экономических проблем нас пытаются столкнуть в тупик «перекройки», в тупик бесплодных попыток решить их путем территориальных переделок. Об этом не мешало бы задуматься» (2).

Не случайно на Западе уже поговаривают, что события вокруг Нагорного Карабаха — это удар в спину перестройки. Такова, в частности, реакция на постановление Президиума Верховного Совета СССР «О решениях Верховных Советов Армянской ССР и Азербайджанской ССР по вопросу о Нагорном Карабахе». Подрывные радиоголоса, проявляя лицемерную заботу об армянах, вновь активизировались.

Много эфирного времени посвящает этой проблеме Би-би-си. Там буквально вцепились в «тему» Нагорного Карабаха,

на все лады расписывая события в Азербайджане и Армении, громогласно апеллируя к неким «сообщениям корреспондентов», хотя никакими журналистами Би-би-си в этом регионе не обладает. С ходу отвергая все официальные сообщения советских средств массовой информации, Би-би-си не скупится на «собственные» версии. Чего, например, стоит провокационно-лицемерная «обеспокоенность» положением армянского национального меньшинства в СССР, а также «поддержка» этой радиостанцией «требований нагорно-карабахских армян присоединить эту область к Армении». Очень в Лондоне хотят перекроить неподвластные им границы, надеясь, что это «дестабилизирует обстановку в СССР».

Акцент на межнациональные отношения в подрывной стратегии империализма связан с поисками дополнительного «взрывоопасного» материала для обоснования тезиса об «остром кризисе» политики КПСС, социализма в целом, словом, подтвердить «пророчество» РС — РСЕ 1988 года: «Большие и малые нации и народности, населяющие Советский Союз, находятся практически в состоянии вражды друг с другом. Этот конфликт будет и далее углубляться и, как представляется, явится основой краха большевистской тирании...» (3).

А пока что западные радиоголоса стремятся навязать слушателям старые антисоветские тезисы, что все трудности в нашей стране — результат «колоннального угнетения» народов союзных республик и автономных образований, столкновения на бытовой почве — итог порочной национальной политики, а значит, «рост межнациональных столкновений в СССР неизбежен по причинам исторического, политического, географического и экономического характера». Так что, мол, уличная, митинговая «демократия забастовки», к которой прибегли организаторы «движения» за присоединение Нагорного Карабаха к Армении, — всего лишь безобидная реакция на ущемление национальных прав и интересов. А для их отставания любые средства хороши — даже если при этом страдают интересы других наций, государству, обществу наносится немалый материальный и морально-политический ущерб. И потому, дескать, необходимо продолжать силовое давление на государственные органы. В Москве в конце концов, мол, поймут, что лучше уступить, чем прославиться на весь мир как деспотическое государство.

Это утверждение взято из передачи радиостанции «Свобода». Но подобные советы по тактике и стратегии дают и другие западные радиоголоса.

Зарубежные радиостанции в передачах на Советский Союз пользуются «накатанным» приемом — с одной стороны, речь идет об уязвлении национальных чувств гражданина СССР путем неустанных рассуждений о том, что состоять в Советском Союзе означает, дескать, быть «присоединенным», «включенным», подвергнутым инкорпорации. С другой, эта версия сводится к тому, что советские национальные республики якобы включены в состав... России. Психологическая цель при этом очевидна: вызвать у граждан комплекс угнетенности, второсортности, калечить национальное самосознание и компрометировать интернационализм, истолковывая его как понятие, означающее отказ от своей национальной принадлежности, от языка. Радиопередачи эти — фарисейство в квадрате: вещание на русском языке провоцирует русский народ, а на языках других народов нацелено на порицание всего славянского, травливание этих народов на русских.

Спецслужбы и органы идеологических диверсий пытаются любыми путями возбудить национальный эгоизм, национальную кичливость, создать и внедрить отрицательные национальные стереотипы. Они всячески навязывают предвзятые оценки особенностей других народов, муслируют проявления национальной ограниченности, разжигают действия, направленные на унижение достоинства представителей той или иной нации.

На практике подтверждается та истина, что национализм, проповедуемый Западом, есть идеология вражды и ненависти, антипатии и презрения к другим народам, рассчитанная на недружелюбие и предвзятость. Он направлен на то, чтобы создать негативные мнения о различных явлениях национальной жизни, поиграть на национальных «струнах», разрушить дружбу народов СССР.

Путем демагогических изысканий, провокационных слухов сегодня стремятся подкинуть дровишек в костер любых конфликтов, возникающих при революционных перестроечных процессах. Как указывает газета «Правда», делают же они это чужими руками, так называемыми информаторами из нашей страны.

Нашлись люди, которые попытались на этой эмоциональной волне недовольства конкретными недостатками сколотить себе политический капитал, разжечь националистические страсти, опорочить процесс перестройки в нашей стране. Среди них — П. Айрикян — самозванный «деятель», самочинно объявивший себя неким «представителем» советских армян, которого Би-би-си, «Голос Америки», «Немецкая волна» преподносят в роли «борца за национальную справедливость». Этот «борец» в свое время приобрел «опыт» разжигания национальной розни, толкал других на преступный путь, за что дважды привлекался к уголовной ответственности. В 1987 году он вышел на свободу, в срочном порядке собрал вокруг себя националистически настроенных лиц и объявил себя руководителем сразу двух помпезно названных им националистических организаций — «Армянского комитета по защите политзаключенных» и «Объединения национального самоопределения». Прекрасно понимал, что в Армении, да и на территории всей нашей великой многонациональной страны он не получит поддержки, Айрикян сделал ставку на заступничество и содействие ему определенных кругов на Западе, заинтересованных в разжигании национальной розни, создании кризисной обстановки в Армении и НКАО, в ослаблении и подрыве изнутри существующего в СССР строя. Как челнок, сновал он между Ереваном и Москвой, поставляя средства массовой информации Запада «сообщения», основанные на явных измышлениях.

И вот уже неоднократно со ссылкой на самозванца и на самочинные антиобщественные образования типа вышеупомянутого «Объединения национального самоопределения», контролируемая и направляемая американскими спецслужбами радиостанция «Свобода» транслирует в эфир провокационные призывы Айрикяна перекроить национально-государственные и национально-административные границы в СССР, «развернуть последовательную борьбу», «завоевать независимость», «идти на любые материальные затраты», «не бояться арестов и жертв», «создать в Армении временное правительство» и даже ввести на территорию республики иностранные войска.

Примерно то же самое, но в более дипломатичных выражениях передавал «Голос Америки» со ссылкой на своего корреспондента Джона Мегли, использовавшего Айрикяна

в качестве «источника информации» и повторившего его клеветнические измышления об «оккупационном режиме» в Нагорном Карабахе, о целесообразности прямого вмешательства иностранных государств во внутренние дела СССР.

Конечно, можно понять интерес журналистов из стран Запада к получению информации о Советском Союзе. Но стоит ли им иметь дело с бывшими уголовниками, нечистоплотными личностями, занимающимися распространением преднамеренной лжи?

Здесь уместно заметить, что даже в создавшейся в конце февраля 1988 года напряженной обстановке в Армении и НКАО люди поняли антиобщественную сущность поведения Айрияна. И когда он попытался распространять в Ереване листовки с враждебными призывами от лица своего «Объединения национального самоопределения», люди на улицах дали, что называется, ему по рукам.

Подстрекатели всех мастей, на словах ратуя за гласность, больше всего опасаются истинной гласности. Поэтому предпочитают действовать тайком, рассовывают по почтовым ящикам провокационные листовки, наклеивают их в темных углах. Поэтому один из лидеров бывшего комитета «Карабах», И. Мурадян, опасаясь, видимо, что рано или поздно средства информации сообщат о его подлинных, а не лозунговых целях, призывал не смотреть передачи Центрального телевидения, не читать республиканские и центральные газеты. Поэтому такую негативную реакцию подстрекателей, внешних и внутренних, вызвала статья в «Правде» «Эмоции и разум», в которой жестко, но политически точно была дана оценка действиям не армянского и азербайджанского народов, как кое-кто хочет представить, а именно тех кругов и лиц, кому не по душе великое братство народов нашей страны, кому каждый наш успех в экономике, социальном развитии, национальных отношениях — все равно что нож в сердце. Наши идейные противники, хотя и вынуждены маскироваться под демократов, поборников справедливости, на самом деле начисто отвергают стремление и волю всех здравомыслящих людей к взаимопониманию, дружбе и сотрудничеству, поиску разумных путей решения назревших сложных проблем.

Задачу поставки, так сказать, горючего сырья для «искажения и упрощения облика Советского Союза» (Дж. Кей-

нан) во многом берут на себя люди, подобные А. Подрабинеку. Ранее он «специализировался» в роли информатора об использовании психиатрии в СССР в политических целях, то есть якобы для подавления инакомыслящих.

В 1977 году в одном из лондонских издательств выходит подготовленная антикоммунистом П. Реддаузем книга «Политические лечебницы России», в известной мере базирующаяся на «материалах» Подрабиника. Пять лет он находился в ссылке за систематическое изготовление и распространение клеветнических пасквилей, стал, естественно, акционером «фонда помощи заключенным», получал ежемесячно 250—300 рублей. Впрочем, для покупки дома ему было выделено одновременно 8 тысяч рублей.

Сегодня Подрабинек считается «защитником» крымских татар и выставляет оценки советской политике в области межнациональных отношений. Кроме того, Александр Подрабинек — главный редактор (1) издаваемой им же «экспресс-хроники», которая представляет собой несколько листов с описанием собственной деятельности и своих приятелей из различных групп и группок. Основная цель — поиск антисоветских сенсаций. Главное средство — ложь, дезинформация.

Вот 7-й номер «экспресс-хроники». В нем очередная сенсация. Оказывается, в Воронежской области арестован Иван Николаевич Панкратченко за то, что он выступил с речью, «призывавшей к свержению режима». Далее все развивается по обычному сценарию. За пострадавшего от своего свободного мысля И. Н. Панкратченко вступаются радиоголоса. В его защиту сыплются письма из некоего международного общества прав человека во Франкфурте-на-Майне. Машина антисоветской пропаганды набирает обороты.

Все как обычно. Пожалуй, обычно и то, что И. Н. Панкратченко никем не арестовывался в эти месяцы ни в Воронежской, ни в какой другой области и не был осужден ни одним судом нашей страны. Но «честь» изобретения суда над невинной жертвой принадлежит на этот раз не А. Подрабинеку. «Утка» перелетела к нему из другого, с позволения сказать, «издания» под названием «Вести из СССР», выпускаемого другим «главным редактором» — Кронидом Аркадьевичем Любарским. Это еще один участник «движения демократов», уроженец города Пскова, выехавший в 1977 году

в Израиль, по поселившийся в городе Мюнхене, поближе к радиостанциям «Свобода» и «Свободная Европа». Ему и принадлежит приоритет в изобретении «дела» И. Н. Панкратченко. Следует обратить внимание на одну деталь: и Подрабинек, и Любарский сообщают, что в прошлом Панкратченко был офицером власовской армии. Очевидно, учитываются политические симпатии заказчиков подобных сочинений. Но ясно и лицо исполнителей (4).

В «меморандумах» группы «Хельсинки-86» в правительственные органы, содержание которых подробно излагается в передачах радиоголосов, нет недостатка в клятвах чуть ли не о приверженности Советской власти. Один из пунктов этого «меморандума» содержит призывы создания в Латвии своей самостоятельной национальной армии, хотя бы в виде возрождения латышского стрелкового корпуса периода Великой Отечественной войны. Тщательно маскируя свою подлинную сущность, группа (их около 12 человек) далее пытается подстроиться под перестройку, говорит о наших болевых точках, пытается как-то удержаться на поверхности, перехватить инициативу. «Хельсинки-86» возглавляет некто Рокшан, подпольный бизнесмен, устроивший торговлю Библией, 12 лет отбывавший срок заключения.

Словом, небольшие группы людей, долгое время игравшие в «подпольных борцов» руководителей «освобождения» по сценариям, разработанным не без ведома «голосистых» покровителей, вышли на открытую арену (5). Понятным становится, почему еще в декабре 1984 года советник госсекретаря США по правам человека Г. Абрамс на проводимой в Белом доме «неделе поработенных народов» требовал от социалистических стран предоставить так называемым диссидентам право заниматься антигосударственной деятельностью.

Именно к подобного рода людям обращается один из антисоветских центров во Франкфурте-на-Майне: «Дорогой... (имярек. — Ю. Р.), если нужна наша помощь, непременно поможем. Если возникнут проблемы, пишите, звоните. Мы были бы рады основать в Москве наше отделение». А пока суд да дело — вторые секретари политического отдела посольства США в Москве Вагнер и Стефенсон, корреспонденты информационных агентств Нате и Кофман отдают предпочтение так называемому семинару «Демократия и гума-

пизм», от имени которого шлются в адреса москвичей призывы отменить статью Конституции СССР и соответствующие статьи Уголовного кодекса, согласно которым советский человек обязан трудиться. Чего же все-таки они хотят? С Запада подсказывают: нужно объединиться, создавать единую политическую платформу, захватывать инициативу, требовать полной деидеологизации нашей страны. Нововленные «радетели демократии» выступают с экстремистских позиций, пытаются разжечь национальную неприязнь, возбуждать аптисемитские настроения.

Не хотелось бы проводить прямые параллели этого подхода с событиями в Нагорном Карабахе, но мысль об активном совпадении позиций все же напрашивается. В самом деле, события последних лет дают достаточно оснований для вывода о том, что обострение национальных отношений, националистические всплески, эксцессы, демонстрации, шум вокруг них часто инкриминируются косвенно и прямо определенными антисоветски настроенными силами на Западе.

Поддержка национализма извне — одна из коренных причин оживления националистических проявлений в странах социализма. Другое дело, что подчас в нашей практической работе явно недооценивается опасность идеологических диверсий зарубежных спецслужб, которые имеют отчетливо выраженную националистическую направленность.

Обращает на себя внимание то, что в период известных событий в Ереване съехавшие сюда с разных концов республики люди были хорошо организованы, дисциплинированы. Сыграла роль давно продуманная, тщательно подготовленная организация проведения «пародных волнений». На предприятиях, в учреждениях, вузах «вдруг» объявились вожаки, которым заранее было известно, куда и к которому часу вести людей, какие лозунги при этом скандировать. Более того, если кто-то отказывался идти на митинг, их прилюдно стыдили, называли чуть ли не изменниками нации, вынуждали идти на демонстрацию. Четко действовала система обеспечения многими часами стоявших людей водой, напитками, едой. «Вдруг» выяснилось, что есть солидный денежный фонд.

Время, конечно, расставит все на свои места, станет известно многое из того, что не всегда на поверхности. Но вот что настораживает. Еще осенью 1987 года ЦРУ предприня-

ренно разгласило в прессе свое аналитическое исследование советской политики перестройки и потенциальных способов ее саботажа. Было предложено, в частности, сконцентрироваться на «противоречивых порывах в СССР» разных национальностей с прицелом на возможность «серьезных внутренних беспорядков». Этот рецепт начали рекламировать с 15 сентября 1987 года.

2 марта 1988 года газета «Нью-Йорк таймс» без какого-либо камуфляжа сообщила, что отныне правительство США уполномочило заместителя директора ЦРУ Роберта Гейса, ведущего эксперта разведки по Советскому Союзу, произвести тщательный анализ «демонстрации в Армении». В связи с этим заместитель директора ЦРУ заявил о своем беспорочестве по поводу того, что «Горбачев намерен улучшить советскую экономику», приподнять вообще «политическую энергию народа», оживить советскую дипломатию для более мощного состязания с США, ведь все это в целом породит вскоре пебивалый прежде вызов Соединенным Штатам. Именно в таком контексте проблему Нагорного Карабаха принялись вдруг ворошить и распалать из далекого Нью-Йорка.

Задача провоцирования национальных конфликтов была возложена прежде всего на С. Григорянца и его бюллетень «Гласность». С. Григорянц, которого называют «диссидентом западной ориентации», начал посещать Ереван затем, чтобы поставлять по телефону ведущим газетам США информацию о «кошмарных событиях» в Армении, в частности, о «карательных войсках», готовых наброситься на ереванцев. С одобрения западных покровителей С. Григорянц взялся и за грузин, придумав, кроме «насильственной азербайджанизации», еще и «грузинизацию населения». Вдобавок его нью-йоркские наставники старательно проводят мысль о том, что в Грузии «существует Аджарская автономная советская республика, но нет даже формально аджарского народа». А грузин-мингрелов, как и советских людей других национальностей, противопоставляют русским: «Слишком большое участие в сталинском терроре принимали мингрелы, латыши, евреи».

Одна из комиссий конгресса США в ноябре 1987 года предоставила свою трибуну уроженцу Латвии сепаратисту Роланду Силараупсу для антисоветских призывов к читателям республики. Накануне он в Нью-Йорке на уличном ми-

тингe угрожал взбаламутить из США жителей Риги. А еще раньше — летом того же года — Силараупс побывал на квартире С. Григорянца и хвастался тогда подготовкой нелегальных вылазок в Риге группировки шовинистов. 3 июля 1987 года в Москве на квартире Григорянца американские корреспонденты получили первый номер «Гласности» и познакомились с вожаком экстремистов из среды крымских татар Мустафой Джамилевым. Три недели спустя его сообщники устроили уличную сходку. А из Нью-Йорка издатели «Гласности» стали распространять пропагандистскую брошюру с призывом максимально поддержать националиста Джамилева, впрочем, как и десяток других наиболее явных антисоветчиков, которые теперь «борются за независимость Армении». Заодно журнал нахваливал и националистов в Советской Прибалтике.

Любопытно и другое. Григорянец, снабженный американским компьютером с приспособлением для печатания, первоначально готовит и компонует «Гласность» на русском языке. Часть текстов Григорянец распространяет сам, а копии пересылает в Париж редакции эмигрантской газеты «Русская мысль», оттуда — в Нью-Йорк, где располагается «Центр в поддержку демократии». И. Андронов, собственный корреспондент «Литературной газеты» в Нью-Йорке, встретился с сотрудницей этого «Центра» Л. Фогель, которая цинично заявила: «Мы содействуем ему (С. Григорянцу. — Ю. Р.) и будем по-прежнему помогать» (6).

Сведения о межнациональных отчуждениях в СССР, по словам американского журнала «Нейшн», в основном базируются именно на машинописном бюллетене «Гласность», «который стал важным альтернативным источником информации для западной печати. Сообщения «Гласности» о деятельности диссидентов... дали материал для десятков статей в Соединенных Штатах и Европе. Одновременно это издание стало меркой либерализации в Советском Союзе».

Западногерманский «Шпигель» систематически представляет слово для оценки событий в Нагорном Карабахе и вокруг него в первую очередь «самым активным диссидентским группам в Москве» (так их назвал сам журнал). В заголовке статьи в «Шпигеле» вынесены слова: «Это была неделя свободы», — относившиеся к событиям в Ереване и принад-

лежавшие, как пишет журнал, «главному редактору запрещенного журнала «Гласность» С. Григорянцу» (7).

Любопытную статью в журнале «Нейшн» (Нью-Йорк) опубликовали Кевин Курган и Кетрин Вейден Хьювел. Если отвлечься от попытки авторов представить находящихся в США антисоветчиков-диссидентов идейными борцами за права человека, то перед нами материал, приоткрывающий завесу над истинной деятельностью вашингтонских «радетелей» за демократию и свободу, которые не брезгают ничем ради шпионско-провокационной деятельности против СССР. «Нейшн» свидетельствует о том, что с помощью «демократических» организаций ЦРУ не прочь использовать и советских граждан в своей политической игре. Как пишут авторы, американский распространитель «Гласности» «Центр в поддержку демократии» составит ей плохую службу. В чем же тут дело? Начнем по порядку.

В 1983 году был создан в США «Национальный фонд в поддержку демократии» (НФД) в качестве непартийного ведомства, направленного, по словам «Нейшн», «на содействие демократии в американском стиле в странах советского блока и «авторитарных» государствах для достижения внешнеполитических целей администрации Рейгана». Возглавил «фонд» Карл Гершман, бывший помощник Д. Киркпатрика в ООН, член неоконсервативного «Комитета за свободный мир». Он и стал инициатором создания «Центра в поддержку демократии», пытающегося использовать советских граждан в шпионско-провокационной деятельности. В числе консультантов «Центра» — польский философ-эмигрант Лешек Колаковский, бывший советский гражданин — писатель Василий Аксенов и два тогдашних претендента на пост президента от республиканской партии — Джек Кемп и Роберт Доул. Здесь же и Владимир Буковский — ведущий член организации под названием «Продемса», поддерживающей кубинских контрреволюционеров — контрас, один из основателей «Интернационала сопротивления».

Подготовка создания «Центра» была возложена на бывшего советского гражданина Ю. Ярим-Агаева, который еще в марте 1984 года выдвинул предложение о создании «пового центра советских исследований». В основе этого предложения, как свидетельствует журнал «Нейшн» (1988 г.), «лежала смелая идея использовать советские организации бор-

пов за права человека для сбора политической и военной информации об СССР». Ведь советские диссиденты, по словам Ярим-Агаева, «создали обширную информационную сеть и каналы для доставки информации за рубеж... При надлежащей поддержке эта информационная сеть может поставлять данные по таким темам...». Перечислив эти «темы» («Вооруженные Силы и общество», «Советские войска за рубежом»), Ярим-Агаев в их числе назвал «милитаризацию гражданской жизни» и данные о «напряженности в отношениях между различными национальностями».

Он доказывал, что ключом к успеху «исследовательского центра» станет создание «сети сбора последней информации об СССР лицами, приезжающими с Запада», которые обеспечат «безопасный вывоз информации» с использованием «необходимых технических средств».

Летом 1984 года Ярим-Агаев получил 50 тысяч долларов от «Национального фонда в поддержку демократии» для обоснования необходимости специальной организации подрывного толка. Он обязался выполнить три задачи:

1. Обеспечить ряд источников информации в СССР и составить список их адресов в различных городах на основе информации, полученной от диссидентов и лиц, недавно эмигрировавших из Советского Союза.

2. Собрать информацию обо всех туристских поездках в СССР из Западной Европы и стран «третьего мира».

3. Найти в Европе людей, которые будут отыскивать, информировать и опрашивать туристов.

Такая организация была создана в 1985 году и получила наименование «Центр в поддержку демократии». По сути дела — шпионаж под флагом «демократии».

Именно эта откровенно шпионская деятельность «Центра», по мнению авторов «Нейшн», «означает опасность» для «Гласности». Журнал по этому поводу пишет: «В конце 1987 года «Центр в поддержку демократии» получил от «Национального фонда в поддержку демократии» 15 тысяч долларов для перевода «Гласности» на английский язык и распространения этого издания на Западе. Связь между «Центром» и «Гласностью» вызывает беспокойство, поскольку, как свидетельствуют документы, полученные на основании закона о свободе информации, в 1985 году «Центр» получил через НФД фонды американского правительства на программу,

которая скорее напоминала сбор разведанных, чем борьбу за права человека».

В 1986 году «Центр» получил 200 тысяч, в 1987 году — еще 125 тысяч, а в 1988 году — 40 тысяч долларов и продолжал, как говорилось в ежеквартальном докладе «Центра» за январь — март 1987 года, сбор материалов «по разнообразным темам, связанным с Советским Союзом».

В декабре 1986 года было проведено совещание «экспертов-советологов» в целях рассмотрения программ, финансируемых «Национальным фондом в поддержку демократии» «для поощрения демократических тенденций в Восточной Европе и в Советском Союзе». Активное участие в работе совещания приняли К. Гершман — бывший помощник Д. Киркпатрик в ООН, Джон Ричардсон — тогдашний председатель НФД, бывший директор Института имени Кеннана Герберт Эллисон и другие «эксперты».

Журнал «Нейшн», поместив статью К. Кургана и К. Хьювел, указывает, что НФД отказывается отвечать на вопросы о том, как используется информация, полученная от «Центра». Вместо этого представительница НФД Диана Бетжи ссылается на документ, подготовленный в июне 1987 года, в котором говорится, что «Центр» «представляет собой организацию, утвердившую себя в качестве силы, оказывающей помощь борцам за права человека и политическим диссидентам в Советском Союзе».

Может быть, авторы статьи против такого рода деятельности? По-видимому, нет. Они предлагают использовать диссидентов без акцента на шпионскую деятельность, так сказать, действовать осторожней и только потому, что «Советское правительство всегда связывало большинство видов деятельности диссидентов с так называемыми врагами Советского Союза за рубежом. Стандартное обвинение заключается в том, что диссидентские организации либо работают на западные разведывательные ведомства, либо действуют по их указке. Такие обвинения слышны и сегодня: в феврале «Правда» обвинила редактора «Гласности» Сергея Григоряна в том, что он «служит интересам Запада». Словом, «безрассудные и провокационные планы Центра играют на руку советским консерваторам, выступающим против нынешнего процесса либерализации и сближения с Западом. Было бы

просто трагично, если бы в результате этого «Гласность» прекратила свое существование» (8).

Нагнетая обстановку вокруг Нагорного Карабаха, взвинчивая эмоции, разжигая смертоносную радиацию ненависти между народами, ярые противники социалистического строя узрели наконец шанс для достижения цели, сформулированной в 1987 году известным французским советологом Безансоном: «Надо, чтобы Европа и весь остальной мир предложили составляющим Советский Союз народам, и прежде всего русскому народу, приемлемые перспективы. Сами эти народы и ликвидируют систему, а не мы... Почему бы Западу не протянуть руку составляющим Советский Союз нациям? Почему, например, не заверить прибалтийские страны, украинцев, грузин, армян, что их место в Европе и что Европа о них не забывает? Почему нам не дать знать туркам Средней Азии, что мы не видим никакой законности в советской имперской системе?»

Как видим, речь идет о том, что зарубежные радиостанции и спецслужбы осуществляют прямое вмешательство в дела суверенной державы, занимаются, по сути дела, разжиганием страстей, безответственными инсинуациями и прямым подстрекательством. За всем этим чувствуется плохо скрываемое нетерпение, стремление во что бы то ни стало получить так желаемые масштабные и осязательные результаты,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На этом мы завершаем рассмотрение причин проявления национализма в СССР. Конечно, не все вопросы изложены в книге с исчерпывающей полнотой. Но факт остается фактом — разбираться с тем, что было и что есть в такой деликатной сфере, каковой являются национальные отношения, необходимо. Национализм является злом, маскирующимся под добро. «Как и все иное зло, — пишет академик Д. Лихачев, — оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и к той части собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов. Народы, в которых патриотизм не подменяется национальным «приобретательством», жадностью и человеконенавистничеством национализма, живут в дружбе и мире со всеми народами» (1).

Вместе с читателем мы перевернули некоторые страницы нашей истории, в общем-то непростой, порой драматической, подчас трагической. Думается, что знание своего прошлого чрезвычайно важно для того, чтобы избежать потерь в настоящем, сделать необходимые выводы, преодолеть самоуспокоенность, а тем более фальшивое бодрчество, а то и хныканье. Нам нужно четко знать, где, собственно говоря, созидание, а где разрушение, где подвиг, а где преступление. Словом; знание наших болезней прошлого, перекосов в настоящем, искреннее желание их преодолеть и есть, собственно говоря, лекарство для социального, идейного и духовного оздоровления советского организма. Недаром говорят, что сознание человеком болезни есть уже залог его выздоровления, его способности оправиться от болезни. Поэтому материал, изложенный в книге, рассчитан не на пессимизм и уныние читателей, а на их оптимизм, как сторонников революционной по своему содержанию перестройки, в основе которой — жизнеутверждающие принципы пролетарского, социалистического интернационализма, животворная сила советского патриотизма, дружба народов СССР.

При характеристике задач преодоления национальных

проявлений и нужно исходить из сущности перестройки, происходящей в нашей стране, как глубокого обновления всех сторон жизни, придания социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полного раскрытия гуманистического характера нашего строя во всех его решающих аспектах — экономическом, социально-политическом и нравственном.

Иными словами, это важное направление воспитательной работы вытекает из стратегического курса КПСС по перестройке всей жизни и деятельности советских людей, борьбе со старым, отжившим, выработке нового мышления, без которого невозможно в наше время идти вперед быстрыми темпами. Активизация задач преодоления националистических проявлений связана также с проблемой активизации человеческого фактора, при которой именно человеку труда отводится определяющая роль в осуществлении намеченных планов, повышении сознательности, интернационалистических убеждений личности.

Сейчас в системе межнациональных отношений возникла новая ситуация, которая вызывает острую необходимость совместными усилиями выработать современную концепцию национальной политики. Смысл возвращения к ленинской национальной политике состоит в том, чтобы каждый человек, каждая нация могли свободно развиваться, чтобы каждый народ мог удовлетворять свои потребности во всех сферах общественно-политической жизни, в родном языке и культуре, в лучших обычаях и традициях. Разжигание распри и недоверия народов друг к другу идет вразрез с нашими социалистическими принципами и нашей нравственностью, с традициями братства советских людей. Любое обострение ситуации может отбросить нас назад от тех великих завоеваний дружбы народов, которых достигла наша страна за семь десятилетий своего существования. Сложные вопросы межнациональных отношений можно решать только в рамках демократического процесса и законности, не допуская ни малейшего ущерба интернационалистической сплоченности советских народов, не отдавая серьезнейшие вопросы народной судьбы во власть какой бы то ни было стихии.

Перестройка открыла нам возможность для того, чтобы осмыслить и найти подходы к решению проблем гармонизации межнациональных отношений. Но кое-где это приняло

такой характер, что бьет по самой перестройке, демократизации и гласности... Но это же толкает в тупик, это верный путь загубить решение национальных проблем и ослабить перестройку (2).

На XIX Всесоюзной партийной конференции выражена твердая уверенность в том, что «в консолидации и единстве всех советских народов — наше настоящее и будущее. Патриотический и интернациональный долг каждого гражданина, каждого коммуниста — беречь и приумножать все, что служит сплочению советского общества как основы свободного развития и процветания всех народов СССР, укрепления могущества нашего общего Отечества. К этому нас призывал В. И. Ленин, и по этому пути идет Коммунистическая партия».

Этимися словами мы и завершим разговор по данной теме. Конечно, вопросов в книге поставлено куда больше, чем дано ответов. Я полагаю, что это закономерно, ибо решительные сдвиги как в исследовании диалектики современного социализма, так и в обосновании общечеловеческих ценностей, в том числе национальных и интернациональных, впереди. И делать это нужно без бесплодного «поддакивания» да зряшной апологетики. Важно, подчеркивал В. И. Ленин, «уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним...» (3).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Deutsch K. Nationalism and it's Alternatives N. J., 1969, p. 14.
2. Соломатин Н. Н. Антикоммунизм в националистических одеждах. Киев, 1983, с. 57.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 385.
4. Там же, т. 1, с. 153—154.
5. Джунусов М. С. Буржуазный национализм: принципы критики. М., 1986, с. 123.
6. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988, с. 134.
7. Материалы Пленума ЦК КПСС. 27—28 января 1987 г. М., 1987, с. 38.
8. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. 119.

ИСТОКИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

В ЧЕМ СУЩЕСТВО ДЕФОРМАЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ?

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза. — Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 157.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 118.
3. Там же, т. 43, с. 385—386.
4. Там же, т. 43, с. 199.
5. «Политическое образование», 1988, № 16, с. 27.
6. «Правда Востока», 1988, 29 марта.
7. «Советская Литва», 1987, 14 марта.
8. «Правда», 1988, 16 марта.
9. «Правда», 1988, 23 июня.
10. «Известия», 1988, 1 января.
11. Актуальные проблемы развития национальных отношений, интернационального и патриотического воспитания. М., 1988, с. 273—274.

12. «Правда», 1988, 9 апреля.
13. «Коммунист», 1985, № 1, с. 112.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 44—45.
15. «Известия», 1988, 23 апреля.
16. «Советская Литва», 1982, 22 июня.
17. «Наука и религия», 1985, № 6, с. 43.
18. Зоц В. А. Атеизм и религия в современной идеологической борьбе. Киев, 1986, с. 36.
19. Морозов М. А. Нация в социалистическом обществе. М., 1986, с. 164.

ПРИСУЩИ ЛИ СОЦИАЛИЗМУ ПРОТИВОРЕЧИЯ?

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логика. М., 1937, т. 5, с. 510.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 219.
3. «Московские новости», 1988, 12 марта.
4. «Правда», 1988, 16 июля.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПОЛНОЕ РАВЕНСТВО МЕЖДУ НАРОДАМИ?

1. «История СССР», 1986, № 2, с. 19.
2. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987, с. 124.
3. Там же, с. 123.
4. Там же, с. 136.
5. Горбачев М. С. Речь на встрече с партийно-хозяйственным активом Эстонии. — «Правда», 1987, 22 февраля.
6. Клопов Э. В. Выравнивание уровней социально-экологического развития и рост рабочего класса союзных республик СССР. — «Рабочий класс и современный мир», 1983, № 1.
7. Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 378.
8. Там же, с. 407.
9. Там же, с. 408.
10. Там же, с. 377.
11. Там же.
12. Баграмов Э. А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977, с. 218.
13. «Коммунист», 1988, № 15, с. 26.
14. Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 434.
15. Там же, с. 448.
16. Там же, с. 498.
17. «Московские новости», 1988, 17 апреля.
18. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1984, т. 3, с. 84—85.

19. Брук С. И. Население мира: этнодемографический справочник. М., 1981, с. 218.

СВЕТ И ТЕНИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПРОСЧЕТЫ

1. Материалы Пленума ЦК КПСС. М., 1987, с. 40.
2. Джунусов М. С. Буржуазный национализм: принципы критики. М., 1986, с. 261.
3. «Вопросы философии», 1988, № 9, с. 40.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 190—192.
5. Марксизм-ленинизм о войне и армии. М., 1968, с. 129.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 131.
7. «Вопросы философии», 1988, № 9, с. 47—49.
8. «Правда», 1988, 18 апреля.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 302.
10. Там же, т. 25, с. 144.
11. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988, с. 138.
12. «Комсомольская правда», 1988, 3 июня.
13. «Известия», 1988, 30 марта.
14. «Вопросы философии», 1988, № 7, с. 27.
15. См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук. Л., 1974; «Декоративное искусство», 1980, № 12.
16. «Век XX и мир», 1988, № 1, с. 41.
17. «Правда», 1988, 19 июля.
18. Дialeктика интернационального и национального в социалистическом обществе. М., 1981, с. 147.
19. Закономерности формирования советского народа как новой исторической общности людей. М., 1975, с. 95.

ОТХОД ОТ ЛЕНИНСКИХ ПРИНЦИПОВ В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

1. «Правда», 1988, 5 марта.
2. Там же, 1987, 16 июля.
3. «Московские новости», 1988, 17 апреля.
4. XXV съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1976, т. 1, с. 448—449.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1983, т. 2, с. 350.

6. «Известия», 1988, 29 марта.
7. «Московские новости», 1988, 3 апреля.
8. «Правда», 1988, 20 июля.

НАРУШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СФЕРЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. т. 39, с. 74.
2. Там же, т. 33, с. 374.
3. Ленинские принципы национальной политики КПСС и актуальные проблемы интернационального воспитания. Алма-Ата, 1987, с. 90.
4. «Советская культура», 1988, 11 февраля.
5. «Известия», 1988, 29 марта.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 361.
7. «Дружба народов», 1986, № 6, с. 221.
8. «Известия», 1988, 15 марта.
9. «Правда», 1988, 9 февраля.
10. Там же.
11. «Литературная газета», 1987, 12 августа.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983, т. 2, с. 199.
13. Там же.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 146.
15. Там же, т. 23, с. 316—317.
16. Конституция (Основной Закон) СССР. — Конституции (Основные законы) СССР. М., 1985, с. 15—16.
17. Там же, с. 16.
18. Там же, с. 35.
19. Там же, с. 46—47.
20. Там же, с. 127.
21. Замлинский В. А., Курас И. Ф., Нагорная Л. А. Осуществление ленинской национальной политики в СССР. Киев, 1987, с. 172.
22. Конституции (Основные законы) СССР, с. 114.
23. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 302.
24. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира, с. 121.

О «БЫТОВОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ»

1. «Вечерний Киев», 1988, 14 июля.
2. «Комсомольская правда», 1987, 31 января.
3. «Известия», 1988, 25 января.
4. «Комсомольская правда», 1988, 9 февраля.
5. «Век XX и мир», 1988, № 1, с. 39.

О РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

1. Юсупов Э., Степanian Ц., Саликов Р., Копылов И. Развитие конституционных основ Советского многонационального государства. Ташкент, 1985, с. 78.

КАЗАХСТАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 168.
2. Там же, т. 40, с. 44.
3. Там же, т. 41, с. 168.
4. Ленинские принципы национальной политики КПСС и актуальные проблемы интернационального воспитания. Алма-Ата, 1987, с. 169.
5. «Известия», 1988, 7 июня.
6. «Литературная газета», 1988, 7 декабря.
7. Там же.
8. «Казахстанская правда», 1988, 27 ноября.
9. «Литературная газета», 1988, 7 декабря.

АЗЕРБАЙДЖАН И АРМЕНИЯ

1. «Известия», 1988, 19 июня.
2. «Коммунист» (Ереван), 1988, 20 июня.
3. «Правда», 1988, 26 декабря.
4. Там же, 1988, 2 декабря.
5. Там же, 1988, 26 ноября.
6. «Коммунист» (Ереван), 1988, 4 ноября.
7. «Правда», 1988, 13 декабря.
8. «Комсомольская правда», 1988, 25 декабря.
9. «Правда», 1988, 16 декабря.
10. «Комсомольская правда», 1989, 3 января.

РЕСПУБЛИКИ ПРИБАЛТИКИ

1. См.: «Советская культура», 1987, 3 декабря.
2. «Новое время», 1988, № 44, с. 32.
3. «Комсомольская правда», 1988, 3 марта.
4. «Коммунист», 1988, № 11, с. 22—23.
5. «Вперед», 1988, № 103—104.
6. «Огонек», 1988, № 38.
7. «Правда», 1988, 20 декабря.

8. «Атмода», 1988, 7 октября.
9. «Правда», 1988, 2 ноября.
10. «Советская Эстония», 1988, 24 декабря.
11. Там же, 1988, 11 сентября.
12. «Известия», 1988, 13 ноября.
13. Там же, 1988, 24 ноября.
14. Там же, 1988, 22 ноября.
15. «Советская Эстония», 1988, 30 июля.
16. «Вечерний Таллинн», 1988, 13 декабря.
17. «Новое время», 1988, № 48, с. 33.
18. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 449.
19. «Правда», 1988, 23 ноября.
20. «Советская Эстония», 1988, 20 октября.
21. «Правда», 1988, 19 ноября.

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В СССР КТО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА СССР?

1. Целищев Н. И. Морозов Б. М. В идейном наступлении. Актуальные вопросы методологии и методики контрипропаганды. М., 1987, с. 39.
2. «Аргументы и факты», 1988, № 17.

ЧТО ТАКОЕ «ЭТНОЛОГИЯ»?

1. Материалы XXVII съезда КПСС, с. 19.
2. Кулешов С. В. Великий Октябрь и торжество ленинской национальной политики. М., 1987.
3. «Правда», 1987, 13 февраля.
4. Alleg H. Etoile rouge et croissant vert. Paris, 1983, p. 22.
5. Szymanski A. Human rights in the Soviet Union. L., 1984, p. 214.
6. Целищев Н. И., Морозов Б. М. В идейном наступлении, с. 108.
7. Милюков П. Н. Интеллигенция в России. Спб., 1910, с. 153.
8. Winston Henry. Class, Race and block Liberation. N. Y., 1977, p. 58.
9. Баграмов Э. А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы, с. 243.
10. Там же, с. 123.
11. «Аргументы и факты», 1988, № 14.
12. Хмара Н. И. Буржуазный национализм и милитаризм. М., 1986, с. 38.

13. Guche A., Papcke S. Der Feind, den wir brauchen. Ke-nigstein, 1985, s. 165.
14. Ethnic Relation in the America immigration the Series Lingua-list ethnic palitici, group right. New Yersy, 1982, p. 1.
15. Soviet Studies, 1985, vol., 34, № 2; April, p. 286.
16. «Правда», 1988, 23 июля.
17. «Известия», 1988, 22 июля.

РАЗВАЛ СССР — ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ

1. Кулешов С. В. Великий Октябрь и торжество ленинской национальной политики, с. 16.
2. Studies in Soviet thought, 1986, № 4, p. 326.
3. «За рубежом», 1988, № 3.
4. См.: «Советская Литва», 1988, 15 августа.
5. Фесихов К. Н. Правда остается правдой. Казань, 1987, с. 15.
6. Commentary, 1984, № 2, p. 22.
7. Cohen S. Scholari missions: Sovietology as a Vocation in Rethinking the Soviet Experience, N. Y., 1984, p. 6.
8. Qale Peport, 1987, vol. III, № 3—4, p. 31.
9. «Обнова», 1985, № 2, с. 127.
10. T a d y m a n F. Nationalism in Contemporary Europe. N. Y., 1981, p. 214.
11. Кулешов С. В., Свириденко Ю. Н. Национальная политика КПСС в освещении современной советской историографии и буржуазной советологии: познание исторической истины против ее искажения. М., 1987.
12. Материалы XXVII съезда КПСС, с. 88.
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 407.

ПОДРЫВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. «Аргументы и факты», 1988, № 14.
2. Там же, № 16.
3. Там же, № 17.
4. «Советская Россия», 1988, 27 апреля.
5. «Литературная газета», 1988, 23 марта.
6. Там же.
7. «Аргументы и факты», 1988, № 14.
8. «За рубежом», 1988, № 13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. «Советская культура», 1988, 27 августа.
2. «Правда», 1989, 8 января.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 231.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Истоки националистических проявлений в СССР	11
Свет и тени национальной политики	54
О региональных особенностях проявлений национализма .	112
Внешние факторы проявлений национализма в СССР . .	174
Заключение	230
Использованная литература	233

ИБ № 8637

Римаренко Юрий Иванович

ПО СЛЕДАМ «СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА»

Заведующий редакцией **С. Дмитриев**

Редактор **С. Перевезенцев**

Художник **В. Кухарук**

Художественный редактор **В. Тихомиров**

Технический редактор **В. Пилкова**

Корректор **Н. Самойлова**

Сдано в набор 10.12.88. Подписано в печать 06.03.89. А00841.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5. Усл.
кр. отт. 10,78. Учетно-изд. л. 13,3. Тираж 100 000 экз. Цена
55 коп. Изд. № 2770. Заказ 9—166.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового
Красного Знамени издательско-полиграфического объединения
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва,
К-30, Суцеская, 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Мо-
лодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-поли-
графического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»:
252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

ISBN 5-235-00051-X

The background of the entire page is a complex, abstract geometric pattern. It consists of numerous thin, white, straight lines that crisscross the dark background, creating a web-like structure. Overlaid on this are larger, bold, black shapes that resemble stylized, elongated triangles or teardrops. These shapes are arranged in a way that they appear to be part of a larger, continuous design, possibly representing a stylized landscape or a series of overlapping planes. The overall effect is one of dynamic movement and sharp contrast.

молодая гвардия

55 коп.

